

КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ

Серебряный аниме®

Annotation

В Кезанкийских горах Конан с Мораддином обнаруживают храм неведомого бога, откуда случайно переносятся в далёкую страну. Там они помогают принцессе Томэо добиться короны и возвращаются обратно, благодаря такому же храму.

Вторая часть цикла О. Локнита «Авантюристы на полном скаку».

Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 1997, том 39 «Конан и Берег Проклятых»

Олаф Локнит. Берег Проклятых (повесть), стр. 265-412

- [Олаф Локнит](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
-
-

Олаф Локнит

Берег Проклятых

Авантюристы на полном скаку 2

Глава первая

— Ну что, милейший варвар, убедился, что мы описали полный круг? — Невысокий, похожий на туранца человек с кучей бородкой, придерживая лошадь за узду, печально рассматривал кучки сухого конского навоза и черное пятно кострища суточной давности.— Наши туранские друзья, без сомнения, ничуть не умнее нас. Если мы никуда не исчезнем до заката, то встреча с господами гвардейцами будет теплой... Можно даже сказать, жаркой.

Бородатый укоризненно покосился на своего спутника, так и не покинувшего седло, помолчал, явно ожидая ответа, потом тяжело вздохнул и проворчал:

— Если я еще хоть раз послушаюсь необразованного варвара, то до гробовой доски буду считать себя законченным болваном.

Тот, кого он назвал варваром, сидел на высоком и длинноногом гирканском жеребце и мрачно поглядывал по сторонам. В отличие от низкорослого бородача, он был долговяз, косая сажень в плечах, темноволос, а растительности на скуластом хмуром лице не имел вовсе. Любой добропорядочный горожанин из Аквилонии, Аргоса или Зингары, встретив эдакого громилу на улице, постарался бы перейти на другую ее сторону — внешности варвара позавидовал бы любой разбойник с большой дороги. Услышав ворчание попугчика, он перевел взгляд голубых, чуть раскосых глаз на его небольшую, но крепкую фигуру, отбросил большими пальцами налипшие на потный лоб черные волосы и примирительно сказал:

— Ну, ошибся... Со всяким бывает. Слушай, Мораддин, что нам теперь делать-то? Обратно в пустыню ехать, сам понимаешь, желания никакого...

— И наверняка в ущелье остался большой отряд,— в тон подхватил бородач по имени Мораддин.— А вперед идти бессмысленно. Тупик, Конан, он и в горах тупик.

— Скотство какое! — отозвался варвар, подразумевая занудство невысокого приятеля, висевшую на хвосте погоню, а заодно и проклятую долину, что обманула беглецов бессовестнее распоследнего шарлатана-астролога. Положение сложилось — хуже не придумаешь!

Вот уже три дня Конан из Киммерии и его новый друг Мораддин прилагали невероятные усилия, чтобы оторваться от отряда туранской конной гвардии. До серьезного боевого столкновения дело пока не доходило благодаря Мораддину — низкорослый бородатый спутник варвара много лет прослужил в тайной гвардии туранского владыки Илдиза, и его талант замечать следы да водить противника за нос, по мнению Конана, был достоин восхищения и подражания. А если еще учесть, что Мораддин по крови лишь наполовину человек и унаследовал от отца—гнома способность видеть в темноте, исключительную выносливость и невероятную для своего невеликого роста силу, то он был просто незаменимым попугчиком. Особенно когда нешуточная опасность грозит из-за каждого камня...

Собственно, первопричиной неприятностей, преследовавших киммерийского варвара и Мораддина, послужила неожиданная встреча Конана с одним зуагирским шейхом чуть больше тридцати дней назад. Тогда варвар, бездумно кинувшийся спасти караван зуагиров от подземного чудища, и не предполагал, что окажется втянут в историю с непредсказуемыми последствиями. Простодушно рассчитывая заработать, Конан согласился выполнить поручение шейха оазиса Баргэми — выкрасть дочь этого самого шейха из сераля

одного султанапурского вельможи, который похитил девицу из дома ее отца...

А потом закрутилось такое, что киммериец и вспоминать не хотел о своем последнем визите в Султанапур. Несколько раз Конан едва не погиб, был пленен придворным магом эмира города, оказался по «милости» этого колдуна на медных копях... Впрочем, не попади варвар на рудники, ему бы не пришлось познакомиться с Морадином... Полукровка, тщательно скрывавший от людей свое происхождение, подвизался в каторжной тюрьме на невысокой и всеми презираемой должности старшего надсмотрщика. Пережив опалу в Аграпуре, бывший капитан тайной гвардии Илдиза был разжалован и сослан; лишь встреча с Конаном и предосудительные (с точки зрения туранских законников) обстоятельства освобождения варвара с каторги вынудили Морадина бросить опротивевшую донельзя службу.

А спустя несколько дней киммериец и полукровка вступили в борьбу за магическое сокровище гномов, действуя сообща и преследуя одну цель. Борьба эта принесла многие беды владениям султанапурского эмира Хааб-берди: убийство командира кавалерийского корпуса Турлей-хана и придворного мага Радбуша, смерть десятков городских стражников и, наконец, пожар, уничтоживший лучший дом терпимости в городе. Эмирский суд даже слушать не стал бы оправданий Конана, на которого падали подозрения во всех до единого преступлениях. Попадись киммериец властям, не сносить бы ему головы! Никто не поверил бы, что сгоревший дом любовных утех принадлежал старой подруге Конана, а в кончине пятитысячника и мага варвар виноват не больше, чем в их появлении на свет.

Когда сокровище подгорного племени было возвращено хозяевам — гномам, а все сопутствующие тайны и трудности разрешились сами собой, Конан и Морадин справедливо рассудили, что в Туране им делать больше нечего и плаху разгневанного Хааб-берди увидеть вблизи совершенно не хочется. Они решили как можно скорее покинуть пределы империи. Вначале появилось желание отправиться на полдень, в Коф или Шем, через Хауран, но спустя день пути стало ясно: эмир султанапурский расвирепел, словно тигр, коему прищемили дверью хвост, и намерен любой ценой изловить двух злодеев, по чьей вине мирный торговый город перевернулся с ног на голову.

Хааб-берди провел быстрое и не очень тщательное расследование, выяснил, что во всех событиях последних дней принимал участие высокий темноволосый северянин, а потом и бородатый коротышка, и, придя к абсолютно неверным выводам, разослал по округе конные отряды с простым и ясным приказом: доставить двух мерзавцев в Султанапур живыми или мертвыми. Настоящий виновник случившихся в городе безобразий — шейх зуагиров Джафир-аль-Баргэми — остался в тени; о его роли власти или не знали, или просто сочли его непричастным. А кроме того, блистательный эмир хорошо помнил тяжесть киммерийского кулака, с каковым имел несчастье познакомиться при несколько роняющих честь наместника султанапурского обстоятельствах...

Первая стычка с разездом гвардейцев приключилась лигах в пяти полуденнее города, в пустыне. Туранских вояк, с гиканьем и посвистом налетевших на двух мирных путешественников, было до смешного мало — всего-то семеро, и Конана, лениво отбивавшего сабельные удары, больше занимало не то, что высочайшим повелением разрешена охота на диких киммерийцев, как потом выразился Морадин, а боевое искусство своего приятеля, голыми руками прикончившего четверых кавалеристов и лишь на пятом обнажившего меч, и то больше для страха. Варвару даже обидно стало — он-то уложил всего двоих...

Последнему сцепившемуся с Мораддином, туранцу выпало прожить чуть дольше остальных. Коротышка быстро и изящно скрутил его, а затем не менее быстро допросил: с какой это, мол, стати доблестная туранская кавалерия кидается на безобидных путников, как на предназначенных для охоты газелей? Гвардеец, заикаясь от страха, поведал о приказе эмира, дрожащим голосом рассказал о передвижении некоторых отрядов, а потом тихо умер, приняв кинжал в сердце. Чтоб не проболтался кому о встреченных злодеях. Убил его, между прочим, Конан. Убил, даже не внемля брюзжанию Мораддина, не одобrivшего столь варварского поступка...

Прячась от рыскающих поблизости отрядов султанапурского эмира, Конан и Мораддин приблизились к стене Кезанкийских гор. Они старались придерживаться восточного направления. Мораддин, отлично знавший все перевалы, что вели в Замору, к Шадизару и Арэнджуну, а также к маленьким городкам на границе с Кофом и к Дороге Королей, гнал лошадь немилосердно. Лишь когда впереди показалась сотня туранской стражи, отрезавшая путь на полдень, коротышка заставил Конана прижаться к торчащим из песчаных барханов желтовато-коричневым скалам Кезанкии и свернуть в первое же ущелье.

— Клянусь Кромом,— бурчал киммериец.— В этой теснине нас задавят, как крыс! И виноват будешь ты!

— Поехали,— твердо сказал Мораддин.— Посмотри, дорога даже вымощена.

Невероятно, но узкая долина с ручейком, исчезавшим в песках Туранской пустыни, действительно была выложена камнем. Не надеясь на пресловутый «покров ночи», оба любителя приключений углубились в расселину под полуденным солнцем, прямо на глазах у туранцев, стоявших не более чем в тысяче шагов.

Это была потрясающая гонка. Неширокое межгорье отлично проводило звук, и Конан со спутником вплоть до вечерней зари слышали топот десятков конногвардейских копыт. Спасибо шейху Джафиру — лошадки, привычные к пустыне, кавалерийским атакам и длительным переходам, бежали резво, а на коротких привалах довольствовались чахлой травой, выбивавшейся из-под камней по краям ручья, да холодной горной водой.

К закату того дня Конан и Мораддин выехали из ущелья в широкую долину, поросшую кустарником и низкими корявыми кедрами. Конан с самого начала заметил, что долина постоянно забирает влево и будто огибает по замкнутому кругу уходящий к небу гранитный монолит. Он подозревал, что Мораддин, негласно взявший на себя командование, просчитался, и долина на самом деле никуда не ведет.

Так и оказалось. После ночевки в странном каньоне и последующего дня пути действительно выяснилось, что ущелье образует петлю, а туранцы, предвкушая щедрую награду эмира Хааб-берди, все еще упорно преследуют двоих злоумышленников. Очевидно, они надеялись описать полный круг и выгнать беглецов обратно на равнину...

— Есть предложение,— сказал Конан, любясь на кострище и подсохший лошадиный навоз.— Давай повернем и рискнем пробиться. Мы вдвоем стоим не меньше вонючей туранской полусотни. Даже если один погибнет, второй обязательно сумеет уйти.

— Варварская логика,— вздохнул Мораддин.— Слышишь?

Отражаясь от скальных стен, сзади доносился шум, очень похожий на грохот копыт нескольких десятков лошадей. Погоня приближалась. Еще немного, и туранский отряд настигнет беглецов, и тогда драки не избежать. И хотя Мораддин отменно знает воинское ремесло и Конан тоже не мальчик, впервые взявший в руки меч, с полусотней врагов им не справиться.

А бежать некуда...

— Очень странно выглядит это место,— проговорил Конан.— Смотри, мы с тобой в самой глубине долины. Мощеная дорога ведет нас по замкнутому кругу, опоясывает очень большую гору. Тебе не кажется, что в горе должна быть пещера и туда должен вести какой-нибудь лаз?

Мораддин хмыкнул и внимательно осмотрелся.

— Ты прав, варвар. Если дорога выложена камнем, значит, когда-то здесь жили люди...

— Или нелюди,— мрачно добавил киммериец.— Или гномы, что-то же самое. Может, неподалеку околачиваются твои родственнички?

— Нет,— замотал головой Мораддин.— Зачем гномам строить дорогу на поверхности? Люди, и никто иной. Во имя Эрлика, ты только посмотри!

Пускай сын гнома видел не слишком хорошо при ярком солнечном свете, именно он, а не остроглазый варвар углядел всего в одной пятой лиги темную дыру. Она пряталась в буйных зарослях терновника на склоне красноватого гранитного монолита.

— Пещера! — Мораддин вытянул руку.— У нас есть возможность переждать в укрытии, пока не уедут туранцы. Ну что, рванули?

— Не знаю,— пожал плечами варвар.— Похоже, больше ничего не остается...

Топот копыт приближался. Еще немного, и туранские гвардейцы вылетят из-за поворота. Два всадника во весь опор понесли к замеченному пятну на темно-вишневой, с желтоватыми и белыми прожилками, скале. Продравшись сквозь кусты и слегка поранив терновыми колючками лошадей, оба приятеля добрались до высокого, в три человеческих роста, входа в пещеру. Очевидно, ни одно живое существо, кроме разве что пауков да ящериц, не заглядывало сюда уже много-много лет. С округлого потолка пещеры свисали заросли плюща, пахло плесенью и подземельем.

— Надеюсь, пещера достаточно глубока, чтобы нам укрыться вместе с лошадьми,— подозрительно осматривая проход во чрево горы, проворчал киммериец.— Мораддин, ты глянь!

Пол пещеры, на который с изумлением смотрел Конан, тоже был выложен гладко отесанными квадратными плитами. Видимо, здесь действительно кто-то жил в незапамятные времена.

— Скорее! — прошипел Мораддин, указывая взглядом в долину. Там уже виднелись яркие плащи и белые тюрбаны конногвардейцев султанапурского эмира. Туранцы рассыпались по ущелью, будто голодные волки в поисках добычи. Двух лошадей, полускрытых чахлыми, засыхающими от безводицы кедрами, они пока не видели.

Конан спрыгнул с седла и, взяв под уздцы упирающегося коня, повел его в темноту пещеры. Мораддин двинулся вслед. К величайшему сожалению варвара, факелов у них не было, и оставалось лишь надеяться на бывшего начальника аграпурской тайной гвардии, видевшего в темноте лучше любой кошки. Кроме того, у Морадина был маленький белый дружок, не расстававшийся с хозяином со времен его службы на медных копиях,— летучая мышь удивительной светлой окраски, которая охраняла хозяина, точно сторожевая собака, и предупреждала о любых опасностях. Сейчас белая летучая мышка, почувствовав родную стихию, вылезла из-под плаща Морадина, расправила крылья и понеслась вперед, в сумрак и затхлость пещеры.

Когда они прошли около сотни шагов, мышка вернулась, встревоженно попискивая. Доверявший своей любимице Мораддин насторожился и, поймав Конана за локоть,

остановил.

— Что такое? — не понял киммериец.— Где беда?

— Нергал и его демоны,— пробормотал Мораддин.— Моя зверюшка напугана. Я начинаю сожалеть, что пришел сюда. Мышь так не кричала с тех пор, как я встретил в копиях подземного каменного червя, пожиравшего заключенных...

— Темно,— вздохнул Конан.— Но ведь ты должен хоть что-то видеть? Скажи, что впереди?

— Широкий коридор,— начал перечислять Мораддин.— Много паутины, засохших растений... Да, кстати, у стены слева, шагах в десяти, лежит человеческий скелет без головы. Череп валяется у тебя под ногами.

— Не надо идти дальше,— уверенно сказал Конан и нащупал носком сапога твердый округлый предмет.— Точно, череп...

Варвар пинком отбросил мертвую голову в сторону, сделал полшага вперед, наткнулся на каменный выступ и вдруг почувствовал, что он вдавливается в пол.

— Ого! — прошептал киммериец.— Интересно... Конан перенес всю свою тяжесть на податливый камень, совершенно не задумываясь о последствиях. К счастью, потолок не рухнул, из стен не посыпались стрелы, а под ногами не разверзлась бездонная пропасть. То, что случилось, вполне его устраивало: внезапно стены и потолок стали наливаться голубоватым призрачным светом, и спустя несколько мгновений варвар сумел различить не только детали конской сбруи, но и черты лица Морадина, стоявшего в пяти шагах поодаль.

— Ой, как здорово...— выдохнул потомок гномов.— Свет — это прекрасно, особенно для людей, но посмотри на руны... Древняя туранская тайнопись.

Конан поднял голову и действительно увидел на потолке яркие графические символы, совершенно ему непонятные.

— Ты у нас человек ученый,— сказал Конан, не отрывая взгляда от угловатых письмен.— Так прочитай, о чем тут говорится.

Мораддин стоял, задрал голову, и беззвучно шевелил губами. Наконец он повернулся к варвару и пожал плечами.

— Я не столь силен в древних языках, как ты думаешь. Однако знаю, что такие буквы были в обиходе не меньше полутора тысяч лет назад. Большинство слов непонятны. Вот смотри, первое сложено из рун «Т», «О», двойного «М» и «К». Значение остальных мне неясно. Следующие два слова читаются легко: «Пронзающие время». Понятия не имею, что это такое. Потом идет целая фраза, но не возьму в толк, что подразумевали те, кто ее оставил. Кажется, это предостережение...

— Какое? — зачарованно переспросил Конан, пялясь в потолок.

— «Пройдет только поклонившийся богу»,— перевел Мораддин.— Какому богу? Ариману, Эрлику, Митре? Или одному из Забытых? Я некогда занимался историей Турана в хранилище свитков дворца Илдиза, но не встречал там ни одного упоминания о подобных пещерах...

— Неважно,— отмахнулся Конан.— Везде, где речь идет о богах, можно найти вещи, полезные для людей. А ну пошли дальше! Нет, сначала я пойду, а ты коней поддержишь...

Не слушая брюзжания Морадина, ссылавшегося на свою испуганную мышку, которая теперь сидела на его плече и недовольно попискивала, варвар осторожно двинулся вперед, благо стены и потолок необычного подземелья давали достаточно света, чтобы разглядеть путь.

В десятке шагов от камня-рычага, зажегшего свет, обнаружили три ступеньки; подле них валялся очередной скелет. В отличие от первого, этот был расчленен надвое — верхняя и нижняя половины давно умершего человека лежали отдельно. Далее за ступеньками коридор был затянут такой густой паутиной, что Конану подумалось о целой армии пауков, превосходящих размером человеческий кулак. Впрочем, волосатых шестиногих созданий нигде было не видать. Наверное, пауки, если и обитали здесь, давно передохли от голода.

«Поклонившийся богу... — размышлял Конан, осторожно ступая по коридору. — Так ведь у разных богов свои причуды. Нашему киммерийскому Крому вообще никогда не кланяются, перед Митрой становятся на колени, слегка склоняя голову, Эрлик требует не только коленопреклонения, но и прикосновения лбом к земле... Иштар? Ее можно смело отбросить. При молении Иштар нужно не кланяться, а делать нечто совсем другое, насколько я знаю... Сет? Ерунда! Приверженцев Сета в Туране и Заморе не жаловали испокон веку. Интересно, кто такие «пронзающие время»? Отродясь не слыхал. Всем сердцем чую — поблизости либо ловушка для непосвященного, либо другая гадость. Ведь разделали на куски тех бедолаг...»

По лицу варвара скользнуло легкое дуновение сквозняка из глубины коридора. Подсвеченная голубым паутина, затянувшая проход впереди, слегка заколебалась. Конан насторожился, застыл на полусогнутых ногах. Сзади донесся предостерегающий возглас Мораддина.

В самый последний миг киммериец решил: «Главный бог во всех странах заката и восхода — Митра. Перед ним встают на колени. Ну, давай, Конан!»

Варвар так и сделал, опустив вдобавок голову. Тут же над ней просвистело что-то тонкое и острое, из стены вынырнули острейшие стальные штыри и пронзили воздух там, где за миг до того находилась грудь киммерийца, а прямо перед Конаном из разверзшейся каменной плиты вылетела струя голубоватого пламени. Не упали варвар на колени, ему бы отрезало голову либо испепелило ноги.

Быстро осмотревшись, Конан увидел на стене камешек с выгравированным знаком, очень напоминавшим овал с туранской руной «Т» в центре. Сразу сообразив, что делать, он вытянул руку и коснулся символа, и тотчас тугая струя пламени исчезла, стальные копья и лезвия попрятались в стены, а вдали раздался неясный шорох, как будто отворилась дверь.

— Мораддин, пойдем! — оглянулся варвар. — Я понял, в чем тут фокус!

Конан осторожно шагал, раздвигая руками паутину, а его низкорослый товарищ, ведя на поводу обеих лошадей, мягкой поступью следовал за ним. Через три сотни шагов коридор неожиданно раздался вширь, каменный потолок ушел вверх, явив взорам летнее голубое небо, и они оказались в огромном круглом колодце, среди уходящих в поднебесье скал. Стена колодца была обработана человеческими руками — неведомые каменотесы вырубали в недрах горы зал, достойный любого дворца. Старательно отшлифованные колонны, статуи невиданных зверей, клыкастые морды демонов... А внизу виднелась полуотворенная, покрытая черной патиной бронзовая дверь. Над ее створками проглядывало изображение самых обычных песочных часов, его опоясывала руническая надпись.

— Очень странно... — покачал головой Мораддин. — По-моему, тут написано вот что: «Вошедший да живет вечно милостью бога и своей жертвой». По-моему, нам угрожают.

— Трус! — бросил Конан. — Разве не хочешь жить вечно? Вот спасибо туранцам! Если бы не упорство доблестных гвардейцев, люди бы не нашли это место еще две-три тысячи лет.

— Своя жертва, — напомнил Мораддин, внимательно изучая надпись. — Какая жертва?

Жизнь? Душа? И не называй меня трусом, дикарь! Это не трусость, а благоразумие.

— Жертва! — буркнул Конан, подозрительно взирая на дверные створки размером с султанапурские городские ворота.— А ну пошли, или сам жертвой станешь!

— Великие боги! — еле слышно простонал Мораддин. — И зачем я связался с киммерийским дикарем? Эй, подожди!

— Красиво, но пусто,— подвел итог Конан.— Я-то надеялся, найдем золото, самоцветы, редкие безделушки, которые купит собиратель древностей... Да, жить вечно в этой дыре я бы не согласился. Тоска смертная.

— Давай пообедаем, а то в животе бурчит,— предложил Мораддин.— Солнце уже заходит, а мы с утра не ели.

Два человека стояли у стены огромного зала, вырубленного, как и весь покинутый храм, в сердце горы. В каменной толще неведомые мастера пробили длиннющие осветительные шахты, и в самые глубокие помещения проникало достаточно света.

Сразу за воротами с изображением песочных часов обнаружилась череда комнат, совершенно пустых, если не считать напластований пыли. Далее шли высокие сводчатые коридоры с каменными скамьями вдоль стен, залы, украшенные резьбой и барельефами со сценами из жизни неизвестного бога, узенькие кельи с медной посудой на столах, дешевой и такой древней, что медь почти без остатка превратилась в зеленоватую пыль — патину... Видимо, в глубине Кезанкийских гор скрывался храм или монастырь погибшего древнего культа. Он был огромен — настоящий город из пещер. Мораддин авторитетно заявил: здесь потрудились люди, не имевшие представления о гномьем искусстве обработки камня. Поэтому храм выглядит примитивным и жилось в нем наверняка тяжело. Между прочим, гномы обитают гораздо глубже, световые шахты у них встречаются редко, а заметных выходов на поверхность они и вовсе не делают.

Осмотрев около десятка помещений с редкими следами пребывания человека (остатки деревянной мебели, керамической посуды и даже два людских скелета), Конан с Мораджином забрели в высоченную, в двадцать человеческих ростов, залу. В ее центре обнаружили гранитный бассейн, полный ключевой воды, и ажурную каменную ограду. К ней путники привязали усталых коней. Варвар рассудил, что в заброшенном храме—городке можно провести дня три, а там, глядишь, туранцы решат, что беглецы сгинули бесследно, и повернут восвояси. А что? Вода есть, припасов, подаренных шейхом Джафиром, хватит еще надолго, лошади могут пощипывать траву, пробивающуюся сквозь щели в каменных плитах. Да и запас овса не так уж мал...

Мораддин согласился.

Некоторое время неутомная парочка рыскала по пещере. Конан очень надеялся обнаружить в большом зале или ближайших комнатах древние сокровища, на худой конец, хоть что—нибудь ценное. Однако поиски не увенчались успехом. Кругом только пыль, полурассыпавшаяся утварь да помет летучих мышей. Кстати, Мораджинова мышка, сорвавшись с плеча хозяина, уже успела навести панику в семьях сородичей, гнездившихся под потолком большого зала.

— Та—ак.— Мораддин с кряхтением подтащил к возвышавшейся над полом голубой лазуритовой плите каменный стул.— Вспомним, как должны принимать пищу воспитанные люди, а не бродяги из варварских северных стран.

— Бродяги! — Конан возмущенно фыркнул.— Посмотрел я на твоих гномов! Да ни один киммериец не согласится жить под землей, ползать на четвереньках и выковыривать алмазы

из дерьма подгорных крыс! Мы придем и выгребем мечами все, что накопили гномы!

— Балда,— вздохнул Мораддин.— За всю историю народа гномов не было случая, чтобы человек, пришедший в их горы с оружием и дурными намерениями, ушел живым. Род моего отца хоть и потерпел однажды поражение в магическом поединке, тысячи лет не давал спуску иноплеменникам!

Варвар понял, что начинается бесполезный спор. Мораддин, наполовину бритунец, наполовину гном, помешанный на кровных узах, защищал свою бородатую родню с неиссякаемым пылом. Причем постоять за своих сын Гроина, предводителя гномьего племени, мог и с оружием в руках. Конан с первых дней знакомства искренне дивился, как такому невеличке удастся в шуточном поединке уложить его, сильного и длинного, почти сразу или выбить из рук меч двумя—тремя неуловимыми финтами?

— Ладно,— махнул рукой киммериец.— Давай лучше пожужем. Хочешь есть за столом — пожалуйста.

В качестве стола Мораддин решил воспользоваться массивной квадратной плитой, которую несколько столбиков удерживали в горизонтальном положении на высоте в половину человеческого роста. Похоже, лазуритовый монолит был единственной ценной вещью во всем мертвом храме, но, к вящему сожалению киммерийца, тяжести он был невероятной. Вывезти из пещеры эту синюю с серебристыми вкраплениями плиту было бы невозможно.

Пока Мораддин доставал из выючных мешков бурдюки с вином и водой, Конан вынул свой кинжал (с виду обычный, а на самом деле — произведение искусства древнего мага Раэна Танасульского), развернул промасленную ткань и разрезал лепешки, кладя куски прямо на лазуритовую плиту.

— Ты хоть пыль смахнул? — насторожился Мораддин.— Не клади хлеб в грязь!

— Смахнул, смахнул,— поморщился варвар и тут же протянул руку к коротышке.— Дай вина хлебнуть.

Развязав горловину бурдюка, Мораддин отпил и передал небольшой раздутый кожаный мешок киммерийцу. Конан, отложив кинжал, сделал несколько больших глотков. Струйка вина с подбородка варвара разбилась о синюю плиту.

— Мяса подай,— сказал Конан и, когда кусок прокопченной баранины оказался в его руках, снова взял прямой аквилонский клинок и начал разрезать приятно пахнущий бараний бок. На одном из ребрышек лезвие соскочило, задело палец, и Конан замысловато выругался. Стряхнув капли на забрызганный вином стол, варвар отправил палец в рот.

— Сильно порезался? — поинтересовался Мораддин.— Будь повнимательнее...

— Заткнись! — поморщился киммериец. — Ничего, ерунда. Кстати, я тебе рассказывал, как мне однажды левую руку едва не отрубили?

— За что?

— Да так...— нехотя начал Конан.— В Шадизаре за благородное искусство, которому покровительствует Бел, обычно руки рубят. Если попадешься, конечно. А я тогда был неопытный, молодой...

— Фу! — скривился Мораддин, опираясь обеими руками на край лазуритовой плиты.— Я и раньше догадывался, что ты на своем веку не только мечом промышлял... Постой, что это?

Мир вокруг неожиданно стал блекнуть, темно—красные стены зала — терять цвет, и лишь импровизированный стол оставался ярко—синим. Послышался тонкий свист, он звучал

все громче, в глубине накрытой к ужину плиты зародилось холодное голубое пламя. Как только Конан с Мораддином отскочили в сторону, раздался громкий хлопок, все кругом перевернулось, закружилось в розово—синем смерче и исчезло, сменившись чем—то другим, незнакомым...

Кони на привязи у родника испуганно вертели головами, искали хозяев. Мешки лежали на месте, синяя плита, только что вспыхнувшая колдовским огнем, по-прежнему непоколебимо возвышалась у стены, на ней покоилось несколько лепешек, кусок мяса и бурдюк красного вина...

А люди исчезли.

Глава вторая

— Это ты виноват! — рычал Конан.— Приспичило ему за столом есть! Нахвтался приличий при дворе Илдиза!

— Отцепись.— Мораддин сидел на траве, держась за виски и раскачиваясь.— Откуда я знал, что синяя плита — нечто вроде алтаря?

— Головой думать надо! — рывкнул киммериец.— Видели же — кругом один гранит, а плита из лазоревого камня! Помнишь надпись о жертве неизвестному богу? Похоже, мы этими жертвами и стали! А хуже всего, что я и сейчас голодный! Вся жратва там осталась!

— Там...— вздохнул Мораддин.— Вот интересно, «там» — это где?

— В Туране! А где мы — совершенно непонятно!

В тот момент, когда сияние алтаря стало ослепительным и раздался странный хлопок, Конан с Морадином потеряли сознание, а придя в себя, обнаружили, что заброшенный пещерный храм исчез без следа, как, впрочем, и Кезанкийские горы, пустыня и кольцевая долина. Кони и мешки с припасами, несомненно, пропали вместе с древним святилищем. Из животных при путниках осталась лишь белая мышка, сейчас она ошалело ползала кругами по траве.

А еще вместе со своими владельцами переместились мечи, кошельки с деньгами на поясах и волшебный кинжал — его киммериец не выпускал из руки. Придя в себя после странного происшествия в храме, варвар с неподдельным изумлением обнаружил, что вокруг высятся покрытые густым южным лесом холмы, а они с Морадином возлежат на невысокой траве, устилающей долину между двумя цепями покатых гор. Неподалеку петляла узкая речушка.

Оглядевшись как следует, Конан заметил вдалеке за голубоватой дымкой совершенно незнакомые очертания зубчатого кряжа. Но самое удивительное: солнце — совсем такое же, как над Тураном, Аквилонией и даже Стигией, и заходившее в момент, когда Мораддин предложил пообедать, сейчас стояло почти в зените. Полдень, очевидно, только что миновал.

Некоторое время прошло в выяснении, кто во всем виноват, что теперь делать и вообще куда зашвырнуло незадачливых искателей приключений. Конан упрямо твердил, что все из-за Морадина, они наверняка попали в царство Нергала или кого похуже и долго тут не протянут, того и гляди нагрянет свора демонов и сожрет незваных гостей. Мораддин рассудительно возразил, что в вотчине Нергала не могут расти леса, а тем более — светить солнце. Хотя, конечно, зашвырнуло их обоих далеко, это как пить дать. Такие деревья и травы растут далеко за Стигией, в Дарфаре и Черных Королевствах.

— Нет, нет,— замотал головой варвар в ответ на предложения приятеля.— Помнишь, я тебе рассказывал про Белит? Мы с ней бывали в Стигии, Кешане, Дарфаре... К самым границам Зембабве подбирались. Здесь ничего похожего! Видишь холмы, а за ними горы? Возле Черных Королевств гор нигде нет...

— Постой. — Мораддин, подслеповато шурясь, рассматривал округу.— Это, конечно, не полночная страна и не земли у Западного океана. Ты говоришь, полуденными государствами здесь и не пахнет... Это точно не Туран — я его изездил до последней лиги, и не Иранистан — там в основном степи да пустыни. Остается предположить, что алтарь, которому мы принесли неведомую жертву, перенес нас либо в Вендию, либо в Кхитай. С чем тебя и поздравляю...

— Ве-ендия,— поморщившись, протянул Конан.— Я, когда с Белит на «Тигрице» плавал, слышал байки о каком-то Закатном Материке Му. Как знать, вдруг нас забросило именно туда?

— Оставь,— покачал головой Мораддин и, поднявшись на ноги, отряхнулся.— Хватит расслаиваться! Все равно не пойдем, что с нами случилось. Необходимо найти людей и порасспросить...

— Порасспросить? — Варвар рассмеялся.— Знаток наречий нашелся! Старые туранские руны и то не смог толком разобрать. А строители храма наверняка предупреждали чужаков об опасности!

— Конечно. — Мораддин нагнулся, подобрал прикорнувшую было в тени влажной травы мышку и сунул за пазуху.— Вот так всегда, я во всем виноват. А ты хотел как лучше.

С обоюдного согласия пошли в сторону гор, минуя долину и холмы. Если в неизвестной стране живут люди, то села или города могут встретиться ближе к горам, но никак не в лесу.

Довольно долго Конан с Мораддином поднимались на холм, почти не выбирая пути. Вначале пытались идти вдоль речки, но пришлось свернуть налево, в обход нагромождения валунов. Далее до вершины холма раскинулся лес, слегка похожий на дарфарские джунгли. Только здесь, отметил Конан, деревья совсем другие, запах резкий и незнакомый, а после встречи с парой удивительных зверей даже Мораддин признал: страна совершенно незнакомая.

Вскоре варвар различил на ветках раскидистого дерева большое рыжеватое животное. Оно не испугалось людей, даже заинтересовалось. Путники находились шагах в десяти от дерева, когда зверь спрыгнул на толстый ковер прелых листьев и замер в ожидании.

— Это обезьяна,— рассмотрев любопытное существо, уверенно заявил Конан.— Только я таких никогда не встречал.

Обезьяна была вдвое ниже человека и сплошь покрыта длинной рыжей шерстью, морда ее напоминала сморщенный желтый лимон. Длинные руки с красивыми, почти человеческими пальцами свисали до самой земли, небольшие уши подергивались, глаза песочного цвета казались умными и беззлобными. Зверь вел себя так, словно повстречал дальних родственников.

— Ну—ну,— усмехнулся Конан, рассматривая рыжего аборигена.— Мораддин, знаешь, я в Аквилонии однажды пил с учениками тарантийского университета, и они мне потрясающую вещь открыли! Будто бы люди не созданы Митрой или другими богами, а произошли от таких вот обезьян. Слушай, а от кого тогда произошли гномы?

— От Прародителя,— серьезно ответил Мораддин,— Великого Длиннобородого Отца. Спасибо, что рассказал, теперь знаю, почему человеческий род настолько гнусен... Всмотрись в своего предка и узнаешь себя.

— Ого,— вдруг выдохнул киммериец.— Ты глянь, медведь!

Рыжая обезьяна обернулась на шум раздвигаемых веток и мигом забралась на ближайшее дерево. Прямо на Конана и Мораддина шел настоящий медведь. Размерами, конечно, он был не ровня серым пещерным медведям с гор Киммерии, зато его окраска безусловно выигрывала.

— Отойдём.— Мораддин взял варвара за руку и оттащил в сторону.— Пусть он невелик, зря рисковать не стоит.

У ствола дерева высотой локтей триста люди подождали, пока медведь пройдет мимо.

— Очень красивый зверь,— улыбнулся Мораддин.

— Есть хочется.— Конан вздохнул, рассматривая черно—белое животное с умильной мордой. Медведь был весь в черно—бурых и светлых пятнах, вокруг глаз шерсть была цвета слоновой кости, и вообще, его шкура украсила бы дворец любого владыки.— Давай его уьем и попробуем зажарить.

Будто услышав слова киммерийца, медведь остановился, повернул голову к людям и тихонько рыкнул, не угрожающе, а скорее удивленно. Потом неторопливо заковылял дальше.

— Пищу найдем, — сказал Мораддин.— Между прочим, сомневаюсь, что ты можешь в один присест слопать столько мяса.

— Пospорим? — поднял бровь Конан и с сожалением проводил взглядом исчезающего в кустах пегого зверя. Из-за ворота рубахи Мораддина летучая мышь настороженно смотрела красными глазками на варвара, который потирал бурчащий живот.— Ну хорошо, пойдем на вершину холма и поглядим, что вокруг творится. Но учти, если не добудем еды до заката, съем не медведя, а тебя. А мышкой закушу.

Попривыкший к варварским шуточкам Мораддин спокойно повернулся и зашагал вверх по склону. Киммериец двинулся вслед, изредка поглядывая на рыжую обезьяну. Она возбужденно скакала по веткам, несомненно, люди ей очень понравились. Никакого сходства с самим собой Конан в жителе чужих лесов не нашел. Врали тарантийские студенты...

Оказывается, лесом поросла только обращенная к солнцу часть холма. Склон, который, по прикидкам Мораддина, опускался к полночи, был почти голым, если не считать высоких трав и куп светло-зеленого кустарника. Оставив за спиной древние деревья, люди задержались на самом гребне возвышенности и осмотрелись. Обезьяна, оправдывая известную стигийскую поговорку, в точности повторяла жесты новых двуногих знакомцев: вертела головой, приставив ладонь ко лбу.

— Здесь живут люди,— уверенно заявил Конан.— Посмотри, всего в четверги лиги — дорога. Не ошибусь, если скажу, что она вымощена.

— Да-да,— подтвердил Мораддин.— Похоже, ею пользуются. А где есть тракт, должны быть и поселения. Вот мы и выбрались. Остается лишь сочинить правдоподобную историю о том, откуда мы взялись и что делаем в этой стране.

— Пойдем,— сказал Конан.— Надо поискать еды. Надеюсь, здешние жители знакомы с золотом и продадут мяса с хлебом. — Варвар ласково погладил притороченный к поясу кошель, набитый туранскими империялами, и шагнул вперед.

Первая лига пути по абсолютно пустому тракту принесла лишь очередные загадки. Впервые, дорога была вымощена не обычными в странах заката или Туране квадратными плитами, а гладко пригнанными друг к другу шестиугольниками, на каждом из них виднелся выгравированный символ, отдаленно похожий на кхитайский знак «Тхун-Цзин-де-Лу; приблизительно это переводится как «путь к столице или большому городу». Конан, который однажды побывал на границах Кхитая, мало—мальски освоил тамошние наречия, а о Морадине, который учился в юности у кхитайского наставника боевым искусствам, и говорить нечего — потомок гномов отлично говорил и писал на кхитайском.

— Вполне может статься, что это земля властителей Восходной Империи Кхитай,— предположил Мораддин.— Только я не могу понять, отчего символ «Тхун-Цзин-де-Лу» начертан несколько иначе...

— Лучше подумай, как отсюда выбраться,— мрачно сказал Конан.— Я начинаю верить, что нас занесло за тысячи лиг на восход, но не представляю, что сейчас делается в твоём проклятом Кхитае, какие у здешнего народа обычаи и можно ли купить на туранское золото

хотя бы еду, уже не говоря о лошадях и снаряжении для обратного путешествия.

— Я не уверен, что это Кхитай,— грустно произнес Мораддин, осторожно поглаживая висящую на плече мышку.— Мой учитель говорил, будто за границами Империи, ближе к восходу, есть и другие страны. Камбуя, например. Или некое Островное королевство, похожее на родину учителя, но вместе с тем разительно отличающееся... Он называл это государство Джапуном.

— Джапун,— проворчал Конан.— Никогда не слышал... Ого, Мораддин, взгляни! Камень с надписями! У правого края дороги возвышался четырехгранный обелиск с выбитыми на нем рельефными знаками. Мораддин с интересом подошел к камню, долго рассматривал, шепотом выговаривая странные слова, и, наконец, повернулся к киммерийцу:

— Здесь написано вот что: «Вы переходите границу земель семьи Тайса. Пусть каждого путника хранят Поднебесные Боги на пути к Сы-Цзин», Мораддин запнулся и по некотором размышлении сказал:

— Знаешь, «Сы-Цзин» можно перевести как «Западная Столица». Видимо, мы идем к одному из главных городов этой страны. Но могу повторить, это не Кхитай, хотя символы очень похожи на принятые там. И посмотри, как украшен камень. Самый настоящий стиль «Лу», но есть различия...

— «Лу»? — нахмурился Конан.— А ты откуда знаешь? По-моему, это просто крыша над камушком, чтобы дожди не портили надпись.

Варвар совершенно не оценил изящества многоскатной крыши над стелой. Крыша как крыша, похожа на кхитайскую...

— Нам идти далеко, давай поспешим.— Мораддин отстранился от камня с письменами и медленно пошел вперед.— Есть надежда встретить по дороге маленькие поселения. Там и набьешь ненасытное брюхо.

Эх, жаль, нет лошадей, подумал Конан. От своих ног проку мало, стало быть, до Западной Столицы, о которой говорил Мораддин, наверняка много дней пути. По сторонам тракта высились глухие стены леса, изредка дорогу пересекали необычные животные и птицы — пестрые, яркие. Людей по-прежнему не встречалось.

— Наверное, это очень дикая страна,— рассуждал варвар, легко вышагивая по шестиугольным гладким плитам.— Дорога есть, зверье всякое бегают, и ни одного человека.

— В дикой стране,— заметил бывший капитан гвардии Илдиза,— не строят хороших дорог. Скажи, в Киммерии есть дороги?

— Одна есть,— с гордостью ответил Конан.— Торговый путь на Аквилонию. Правда, замостить никак не получается, однако это не беда... Эй, Мораддин, ничего не слышишь?

Тракт резко поворачивал влево, из-за поворота неожиданно донеслись звуки, одинаковые во всех странах и знакомые любому уху — бряцанье стального оружия. Его сопровождало ржание коней, гортанные выкрики бьющихся противников, и, наконец, часто застучали копыта. Шум стремительно приближался.

— Хотел людей — получи,— скороговоркой произнес Мораддин.— Отойдем в сторону?

Конан кивнул и отскочил к зарослям кустов, усыпанных яркими оранжевыми цветами. На драку лучше посмотреть со стороны и вмешаться не раньше, чем определишь силы врага. Мораддин стал рядом, положив ладонь на рукоятку меча.

Из-за поворота вылетел всадник, а за ним с задорным гиканьем неслись еще трое. С первого взгляда Конану и Морадину стало ясно, что первого всадника преследуют. Двое кричащих седоков, облаченных в одинаковую одежду, размахивали слегка изогнутыми

мечами, а третий раскручивал аркан. Не замечая Конана и Мораддина, охотники и жертва пронеслись мимо, свистнула ременная петля, и передний всадник полетел на дорогу. Остальные спешили, выставили вперед клинки и кошачьей поступью двинулись к поверженному. Похоже, они собирались убить его на месте.

— Нехорошо,— ровным голосом произнес Мораддин.— Их трое, а он один.

— А вдруг идет охота на важного преступника? — предположил Конан.— Видишь, троица одета в похожие плащи? Значит, стража или военные. Хочешь вмешаться?

— Погодим,— буркнул Мораддин, наблюдая, как вырванный арканом из седла всадник сбросил петлю, вскочил и, выхватив тонкий меч с едва заметной круглой гардой, принял боевую стойку. Он наверняка решил драться насмерть, а потому сбросил шлем. Это было разумно: шлем сокращал обзор, к тому же противники наступали с трех сторон.

— Отродье Сета! — ругнулся Конан.— Мораддин, это же девчонка!

Да, воин, отбросивший в сторону шлем, был женщиной. Развязался узел на затылке, по плечам рассыпались иссиня-черные волосы. Черты лица, без сомнения, указывали на восточную красавицу-аристократку. Девушка, обнажив мелкие белые зубы в недоброй ухмылке, готовилась либо победить, либо умереть...

— Женщина все-таки,— озабоченно пожал плечами Конан.— А против нее трое мужиков... Поможем?

— Поможем,— согласился Мораддин, вытаскивая клинок.— Хотя... Она и без нас неплохо справляется.

Длинноволосая красавица, держа меч обеими руками, изящными и почти незаметными движениями парировала глубокие выпады нападавших, при этом не подпуская их к себе ни на шаг. Два-три неразличимых глазом удара, и на плече у одного из противников заалело пятно. Но он не вышел из боя, напротив, атаковал еще энергичней. Пока молодая красотка отражала резкие и умелые удары, Конан с Морадином не самым честным образом подобрался сзади к ее противникам и зарубили раненого, а затем варвар метнул свой магический кинжал, служивший зачастую самым обычным оружием, в самого ретивого из нападавших.

Остался лишь один, и он повернулся к Морадину. Потомок гномов легко отразил его меч и сильным ударом левого кулака по шее повалил на землю. Девушка, мгновенно подскочив к поверженному неприятелю, вонзила острие меча в его грудь, выпрямилась и недоверчиво поглядела на своих спасителей.

— Лихо ты дерешься,— широко улыбаясь, по-турански сказал Конан.

Красавица, высвободив меч, подняла его и медленно попятилась. Похоже, она не поняла слов киммерийца. Мораддин решил блеснуть своим знанием кхитайского и, подняв левую руку ладонью вперед, проговорил:

— Мы тебе не враги. Мы из другой страны. Решили помочь...

— Сама вижу,— быстро ответила девушка. Речь ее была похожа на кхитайскую, но странный акцент доказывал, что она не принадлежит к числу подданных Империи. Кроме того, в Кхитае было не принято учить женщин боевым искусствам.— Что вы хотите?

— Помочь,— пожал плечами Мораддин.— А еще узнать, как называется эта страна.

— Помочь? — красотка была явно озадачена.— Клянетесь Восходящим Солнцем и Нефритовым Императором?

— Ну-у...— протянул Мораддин, не представляя, что символизирует Восходящее Солнце и кем правит император из нефрита.— Хорошо, клянемся. Что надо делать?

— Ловите коней,— приказала девица.— И назад. Там, за поворотом — мой друг. Его надо спасти. Дом Тайса отблагодарит вас со всей щедростью, иноземцы!

* * *

Конан с трудом влез в непривычное, с высокими луками, седло, Мораддин же, оценив роскошную упряжь низких гладкошерстных лошадок, быстро проговорил на туранском:

— Очередное доказательство того, что нас занесло не в Кхитай. Наверняка это пограничная или близлежащая страна.

— Ну и что? — не понял варвар.— В чем разница?

— Потом,— бросил Мораддин, увидев, что темноволосая девушка поймала свою лошадь и одним прыжком взлетела в седло.

— Вперед! — скомандовала она.— Убивайте всех, кроме человека в красном!

— А что здесь происходит? — осведомился Конан, пришпоривая лошадь.— Я часто дерусь, но обычно знаю, за что и за кого!

— За семью Тайса! — крикнула девица.— За меч, яшму и зеркало!

— Бред,— проворчал Конан.

Скакуны уже перешли на галоп, и выспрашивать красотку, видимо носившую имя Тайса, о ее родственниках или о перечисленных ею безделицах не было времени. Петля тракта вывела трех всадников к широкой поляне. Слева от дороги разбрелись и пощипывали траву кони, киммериец успел насчитать десять животных, следовательно, и врагов, посаждавших неведомому «другу» новой знакомой, должно быть не меньше девяти.

— Опоздали! — с мукой в голосе выкрикнула воинственная красавица.— Они убили Кисо! Мерзавцы!

При виде того, что творилось на поляне, даже бывалому киммерийцу стало нехорошо. Несколько человек в темно-зеленых кафтанах и штанах и в квадратных черных шапочках увлеченно рубили на куски труп мужчины в ярких багровых одеждах, подвешенный за ногу к ветке невысокого дерева. Несчастному уже отсекли обе руки, на туловище виднелись чудовищные раны, из них вываливались синеватые внутренности, обезображенное лицо было залито многочисленными струями темной крови, а внизу трава поменяла свой цвет с зеленого на алый.

Ослепленная яростью девушка с нечленораздельным воплем бросилась вперед, за ней помчался Конан, а Мораддин, более привычный к пешему бою, спрыгнул на землю и пробормотал:

— Кажется, опять влипли...

На полном скаку черноволосая снесла голову одному из убийц ее друга, развернула лошадь и снова кинулась в атаку. Конан привычно орудовал мечом до тех пор, пока клинок самого низкорослого и юркого неприятеля не разрубил коню переднюю ногу чуть выше колена и лошадь не завалилась набок, придавив своей тяжестью киммерийца. Варвару оставалось одно мгновение, чтобы попрощаться с жизнью,— человек в зеленом поднял изогнутый меч, он явно вознамерился отсечь Конану голову. Но страшный миг миновал, и узкоглазую физиономию врага сменило улыбающееся лицо Мораддина.

— Прилеж отдохнуть? Выбирайся!

Пока варвар вылезал из-под агонизирующего коня, Мораддин сразил двоих, черноволосая — еще одного, а остальные убийцы, видя, что силы не на их стороне, начали отступать к мирно пасущимся коням.

— Всех убить! — исступленно выкрикнула девушка.

«Кром и боги Полуночи! — подумал Конан, на которого набросился тот самый проныра, что покалечил лошадь.— Что здесь все-таки происходит?»

Надо полагать, жители таинственной страны не были знакомы с техникой боя на длинных прямых клинках, которые можно держать и одной, и двумя руками. Киммериец, сделав обманное движение, широким взмахом распорол желтокожему живот и бросился к другому врагу, который уже вскочил на лошадь и лупил ее пятками и поводьями, спеша покинуть поле боя. Мораддин, вошедший в боевой экстаз и вспомнивший свое ратное умение, отбросил меч и с голыми руками напал сразу на двух противников. Белая летучаямышь описывала над головой хозяина круги и зигзаги и радостно верещала.

Конан настиг пытавшегося скрыться неприятеля, поймал его лошадь за узду, а левой рукой изо всех сил ударил бедное животное по храпу. Этому приему варвара некогда обучил ходивший на «Тигрице» вместе с ним и Белит наемник из Асгарда по имени Рагнар. Вот и теперь лошадь взбрыкнула от неожиданности, а когда варвар пнул ее в бок, упала. Тотчас подскочила девушка и, не размышляя, рубанула всадника по голове, и снова траву на поляне оросила кровь.

Мораддин, разгоряченный поединком с двумя вооруженными людьми, которых он убил ударами пальцев в особые точки на шее, оглядел поляну и разочарованно покачал головой.

— По-моему, всех прикончили, как ты и требовала, госпожа. Конан, тебе не кажется, что мы постоянно впутываемся в самые неприятные истории?

— Зато жить веселее,— хохотнул варвар,— уложить девятерых за время, которого едва хватило бы на кружку пива? Нет, что ни говори, мы с тобой молодцы!

Девушка толкнула кулаком Конана, говорившего на непонятном языке, и спросила по—кхитайски:

— Как твое имя, воин?

— Обычно люди зовут меня Конаном,— ответил киммериец, старательно подбирая кхитайские слова.— А вот его мамаша обозвала Мораддином.— Варвар ткнул большим пальцем в сторону потомка гномов, который держал в руке дрожащую от возбуждения мышку.— Он жил в Туране, а я родился в Киммерии...

— Да? — нахмурилась красотка.— А где это?

— Далеко,— хором отозвались Конан с приятелем. Оба были убеждены, что и Туран, и горная полуночная страна варваров — на другом краю света.

— Скажи, благородная госпожа,— вежливо заговорил Мораддин.— А как называется твоя страна?

— Империя Паган,— гордо отозвалась девушка.— Прежде она именовалась Ра-Танг, что означает «Берег Проклятых», ибо морские змеи водились здесь в изобилии, и выжить в этих краях могли лишь немногие. Но воины трех Великих Семей уничтожили нечисть, и теперь мы не ведаем страха перед Океаном... Что же до меня, то мое имя Томэо Йосинаки Тайса, дочь первой из трех Семей. Но вы можете называть меня просто Томэо.— Внезапно девушка всплеснула руками.— Великая Омитасу, что эти псы сотворили с моим женихом?!

Томэо повернулась к изрубленному телу, по-прежнему висящему на дереве. На ее лице

отразились ненависть и страдание. Девушка упала на колени прямо на залитую кровью траву.

— Не надо ей мешать,— шепнул Мораддин на ухо варвару, которого подмывало задать новые вопросы.— Видишь, эти зеленые убили ее суженого?

Конан молча подождал, пока Томэо закончит неизвестный ему обряд, во время которого она беззвучно шевелила губами, терла лицо ладонями и несколько раз поклонилась, коснувшись лицом земли. Наконец Томэо встала. Лицо ее было спокойным и сосредоточенным.

— Моего Кисо взял к себе Нефритовый Император,— сказала девушка.— Теперь Кисо будет радовать не меня, а красавиц из свиты Омитасу.— Заметив недоумение варвара и Мораддина, Томэо пояснила: — Омитасу и Нефритовый Император — владыки жизни и смерти, и каждый ушедший из мира людей приходит в их дворец...

— Похоронить бы надо.— Конан, как и все варвары полуночных стран, считал, что нельзя оставлять тело непогребенным, иначе душа покойника будет докучать живым. Однако вспоминал об этом киммериец только в исключительных случаях, как, например, сегодня.— Давай мы с Морадином могилу выроем.

— Ваш народ хоронит мертвых в земле, иноземец? — слабо улыбнулась девушка.— У нас другой обычай.

— В Киммерии сжигают тела,— отвечал Конан.— Но если нельзя отдать мертвого огню Крома, его кладут в землю.

— Паган знает только сожжение,— сказала Томзо.— Однако сейчас есть возможность предать моего Кисо священному огню из Ока Нефритового Императора.— Томэо указала рукой на солнце.

Девушка подошла к своей лошади, сняла вьючный мешок из желтоватой кожи, развязала горловину, покопалась и вынула небольшое круглое зеркало в простой серебряной оправе.

«Серебро,— подумал варвар.— Даже если здесь замешана магия, она не злая. Силы Ночи и прислужники Сета боятся серебра...»

Томэо вытащила кинжал из ножен, пришитых к матерчатому поясу ее одежды, встала на цыпочки и перерезала веревку, и когда тело ее бывшего жениха упало на окровавленную траву, отошла в сторону, на открытое место. Поймав зеркалом солнечный луч, Томэо направила его отражение на труп. Золотистый солнечный зайчик коснулся покрытого страшными ранами лица и скользнул по одежде к ногам.

Тело вдруг задымилось, почернело, его обьял почти неприметный в свете жаркого южного солнца голубоватый огонь. Дым исчез, когда догорела одежда, и Конан с Морадином зачарованно наблюдали, как пламя пожирает истончающийся остов человека, обнажает кости, превращает в сероватую, сносимую легким ветерком пыль некогда живую плоть и растворяет в себе желтоватый скелет...

— Отец всех гномов! — едва слышно прошептал Мораддин.— Хотел бы я заслужить такое погребение!

— Здорово! — Конан с нескрываемым интересом смотрел, как покойник исчезает в отраженном луче солнца.— Нет, это добрая магия. Между прочим, Мораддин, если Томэо — колдунья, можно попросить, чтобы она нас переправила обратно. Все-таки Туран поближе к закатым странам, чем границы Кхитая.

— Паган,— проворчал бывший гвардеец.— Об этой стране нет упоминаний в летописях или рассказах знаменитых путешественников... Нас занесло очень далеко.

— И во всем виноват ты.

Увидев, что труп Кисо растаял в солнечном жаре без остатка, а девушка опустила зеркало, Мораддин повернулся к ней.

— Томэо, скажи, пожалуйста, далеко ли от твоей страны Кхитай и Вендия?

— Кхитай? — От изумления у красавицы округлились глаза.— Совсем рядом. Видишь те горы на закате? Сразу за ними.

Значит, чтобы вернуться в Туран, необходимо пересечь всю Великую Империю Восхода, Вендию и Иранистан...

— Кром! — рявкнул Конан, потрянув мечом, который по-прежнему сжимал в руке.— Мораддин, я тебя сейчас убью! Дернула же тебя нелегкая ужинать за древним алтарем!

Поразмыслив, Мораддин нахмурился.

— Там упоминались некие «пронзающие время»... Конан, тебе не кажется, что мы с тобой пополнили их ряды? — Потомок гномов обратился к Томэо: — Послушай, благородная госпожа, тебе, случаем, не известно, кто сейчас властвует над государством Туран? Повелитель Илдиз?

— Повторяю, я никогда раньше не слышала о такой стране или повелителе Илдизе,— замотала головой Томэо.— Послушайте, чужестранцы, отчего бы нам не поговорить по пути? К дому Цзи Дарума путь немалый, а нас могут преследовать. Ловите лошадей! Дохлых псов Сутари мы оставим без погребения...

Глава третья

Томэо даже повидавшему разные страны и обычаи Конану казалась очень необычной девушкой. Негодяи в зеленой одежде только что разделали, будто свинью на бойне, ее жениха, а она вовсе не выглядит убитой горем. Мало того, на желтоватом, как, впрочем, у всех жителей восходных стран, лице блуждает умиротворенная улыбка.

За первые несколько лиг совместного пути Конан успел рассмотреть Томэо с головы до пят и сделал вывод: здешние женщины — создания красивые и воинственные, а потому ему нравятся. Томэо была невысока ростом, лишь на голову выше коротышки Мораддина; длинные прямые волосы она завязала в узел, укрепив его тонкими и острыми полосками металла, которые вполне могли служить метательными кинжалами; в глазах, не таких узких, как у кхитайцев, а скорее миндалевидных, светились природное умение повелевать, упрямство и решительность.

Одевалась Томэо, скорее всего, по мужской моде — свободные штаны темно-вишневого цвета и нечто похожее на кафтан с широким матерчатым поясом. Ножны с мечом девушка, сняв с пояса, переместила за спину. Конан молчаливо одобрил такое решение, благо сам всегда носил клинок за спиной, не понимая воителей, таскавших мечи или сабли на перевязи у бедра.

— Она слегка напоминает Белит, — тихо сказал Конан Мораддину по-турански. — Моя шемитка тоже была немного сумасшедшей и владела оружием не хуже нас с тобой.

— Не хуже... — усмехнулся Морадин. — Я не встречал женщин, по крайней мере в закатных странах, способных не то что меч, а самый обыкновенный кухонный нож держать так, чтобы не порезаться. Насчет Белит не знаю, а Томэо на первый взгляд еще слабовато освоила технику боя с несколькими противниками...

Девушка, услышав свое имя, обернулась.

— О чем разговор? — поинтересовалась она. — Обо мне?

— Морадин говорит, ты плохо обучена драться с двумя или тремя нападающими, — с саркастической улыбкой перевел Конан на кхитайский слова Мораддина. — По-моему, он ошибается.

— Ерунда какая! — поморщилась Томэо. — Конечно, я пока недостаточно выучилась, но убить троих соглядатаев Сутари, погнавшихся за мной, смогла бы самостоятельно! Желтоухие шакалы!

Между прочим, трое путников сейчас направлялись в сторону, откуда пришли Конан с Морадином. Варвар был недоволен — вместо веселого путешествия к Западной Столице пришлось повернуть кругом и ехать обратно к холмам, за которыми, как видно, находился таинственный «дом Цзи Дарума». Наверное, там жили родственники Томэо.

— Послушай. — Морадин пришпорил коня и поравнялся с девушкой. Томэо обернулась и смерила его надменным взглядом, в котором, однако, присутствовало и любопытство. — Будь любезна, скажи пришельцу из дальней страны, кто такой Сутари? Я так понял, это человек, пославший за тобой и твоим женихом убийц?

— Долгая история, — хмуро сказала Томэо. — Однако иноземцу простительно не знать о вражде дома Тайса и клана Барата.

— В Пагане что, война? — подал голос Конан и сокрушенно добавил: — Точно, влипли...

— Моя семья,— эти слова Томэо произнесла с искренней гордостью,— не воюет с Барата, ибо воевать можно лишь с иноземцами. Тайса подняли мятеж против сумасшедшего императора Готобы и его нэйу—буджана Сутари...

— А что такое нэйу—буджан? — простодушно спросил варвар.

— Это министр, ведающий внутригосударственными делами,— опередил его спутник, открывшую было рот Томэо.— Вроде визиря при дворе туранского эмира. Понятно?

— Так! — хмыкнул варвар и почесал в затылке.— Это что же получается, друг Мораддин? Мы напали на слуг визиря, государственных стражников, перебили всех до одного, спасли жизнь мятежнице, а теперь едем вместе с ней неизвестно куда? Чешуя Сета и его змееныши! Нигде покоя нет!

— Благородная госпожа.— Мораддин снова повернулся к Томэо.— Значит, твоя семья, несомненно достойнейшая из достойных, восстала против власти нынешнего правителя страны? Мы тебя правильно поняли?

— Правильно,— кивнула девушка.— Давайте я лучше расскажу все по порядку. Вы ведь вообще ничего не знаете о Патане? А потом вы расскажете, как очутились здесь. Ты говорил про магию?

Всадники свернули с мощеного тракта на неприметную проселочную дорогу, уводящую в лесистые холмы. Варвара, изнывающего от влажной жары и жажды, лишь порадовало, что дальнейший путь будет осенен прохладной тенью огромных деревьев.

Томэо говорила обстоятельно, путая слушателей бесконечной чередой имен, названий и должностей государственных деятелей.

Суть ее длительного повествования сводилась к следующему: страна, которую называют Империей Паган, лежит почти сразу за Кхитаем, однако немного ближе к полуночи, нежели Камбуя. Как понял Конан, гордый титул «Империя» чисто символический. Размерами Паган не превосходит Бритунию или Заморю, но сохранил независимость от огромного Кхитая — армиям Поднебесных Владык мешали непроходимые горы и леса на границе, а также широкий морской залив, отделявший Паган от земель Кхитая.

Издавна в Пагане правили семьи Тайса, Мориту и Барата, постоянно враждуя между собой. Лет пятьдесят назад клан Барата после долгой междоусобной войны отстранил от власти императора, выбранного семьей Тайса, и посадил на трон некоего Готобу. Готоба был неплохим правителем, но, состарившись, выжил из ума. Сейчас престарелому императору около девяноста лет. Правит вместо него и его именем нэйу—буджан Сутари, тоже выходец из семьи Барата. Мало того, что Сутари занимает посты главы Совета при императоре и начальника государственной стражи, он еще и волшебник и содержит в столице огромную магическую школу. Все боятся Сутари.

Не прощая Тайса старые обиды, фактический правитель отнимал у семьи Томэо земли и рабов и, наконец, решил извести своих давних недругов под корень, а заодно и клан Мориту, тоже претендовавший на трон императора. Разгромив с помощью верной ему стражи (настоящей армии, как выяснилось, в Пагане не существовало) несколько родовых поместий враждебных семей и, казнив всех, кто уцелел в боях, Сутари продолжал углубляться в окраинные провинции страны, надеясь полностью уничтожить всех Тайса и Мориту.

Вполне естественно, что семьи (семьей в Патане называлась очень большая община людей, носящих одно имя и возводящих свой род к единому предку) восстали, набрали отряды воинов из разных поместий, и армия под началом жениха Томэо сумела захватить столицу. Правда, не удалось найти Сутари и дряхлого императора, зато Кисо обнаружил в

брошенном дворце символы императорской власти — меч, зеркало и кусочек яшмы. Без этих трех вещей никто не имел права объявлять себя повелителем Патана.

Кисо провозгласил себя императором, однако править ему довелось лишь четыре дня. Вернулся Сутари, собравший в единый кулак свою армию и стражу со всей страны. Вдобавок подняла мятеж школа волшебников, верная своему господину, и сделала для взятия города больше, чем многие тысячи солдат с мечами. Маги Сутари сожгли ворота, убили огненными стрелами многих бунтовщиков и первыми захватили дворец нового императора. Только в нем не оказалось ни Кисо, ни, что самое главное, атрибутов верховной власти Пагана... Когда стало ясно, что поражение неминуемо, Кисо и Томэо выбрались из города, прихватив с собой яшму, зеркало и меч. Понятно, что каждая из этих вещей обладала некими магическими свойствами, но суть этих свойств знали лишь правящий император и несколько ближайших советников. Томэо слышала, будто зеркало, вылавливая лучи солнца или луны, сжигает все, на что направлен отраженный свет.

«Понятно,— подумал Конан.— Значит, своего приятеля ты похоронила с помощью шпучки, без которой никто в стране не имеет права называться владыкой. Интересно, а где остальные? Меч и яшма, правильно? Не ошибусь, предположив, что они у тебя в мешке...»

— ... Стражникам Сутари удалось выследить нас с Кисо и настичь. Остальное вы видели своими глазами,— закончила рассказ Томэо.

— Значит,— осторожно сказал Мораддин,— символы власти находятся... ну, не в столице. Тогда кто правит страной?

— Выходит, никто,— хищно усмехнулась девушка.— Этот полоумный ходячий мертвец Готоба и его приспешник Сутари не могут называться правителями, потому что исчезли священные предметы. У глав семей Мориту и Тайса яшмы, меча и зеркала тоже нет...

Варвар, как всегда, был прямолинеен:

— Они у тебя, благородная госпожа. Это однозначно вытекает из твоего рассказа... Да погоди хвататься за меч, нам они не нужны.

Томэо успокоилась, а Конан получил убийственный взгляд от Мораддина. Ну, кто тянул проклятого киммерийца за язык? Варвар продолжал:

— Таким образом, получается очень интересная история: я и мой друг Мораддин едем куда-то вместе с правительницей империи Паган?

— Да,— кивнула Томэо.— Получается именно так. О прочем поговорим позже. Я вашу просьбу выполнила, теперь вы рассказывайте, откуда пришли в...— Она улыбнулась, выделив следующие слова: — В мою страну.

* * *

— Это одна из лучших сказок, которые мне доводилось слышать.— Томэо восхищенно качала головой и с непритворным любопытством косилась на Мораддина: — Нефритовый Император учит нас покоряться судьбе, а потому я скажу так: если вы, чужеземцы, оказались в Пагане именно в то мгновение, когда дому Тайса была необходима помощь, значит, таково ваше предназначение.

— Предназначение! — возмутился варвар.— Мораддин, ты слышишь? Мы случайно

наткнулись на древний храм в горах, случайно зашли в него, случайно решили поужинать за синим алтарем, так же случайно наткнулись на тебя, Томэо... Одни случайности! Не склонен видеть здесь вмешательство какого—то бога или палец судьбы.

— Перст судьбы,— поправил Мораддин.

— Перст, палец — какая разница! — прорычал киммериец.— Я хочу обратно!

Томэо, выслушав удивительное повествование Мораддина о храме забытого бога и странном путешествии на край света, поверила сразу. Подумав, дочь семьи Тайса вспомнила, что в одной из летописей Пагана упоминались святилища Бога Времени, очень и очень древнего, но нигде не было написано, куда исчезли его последователи и когда последний раз люди Империи встречались со жрецами, поклонявшимися этому богу.

— Вы спасли меня, а самое важное, помогли отстоять драгоценные знаки власти,— сказала девушка.— Если Паган снова окажется под властью Тайса или Мориту, вы оба займете самые высокие должности при дворе императора. Оставайтесь у нас, Паган — хорошая страна...

— Хорошая страна на краю света,— вздохнул Мораддин, рассеянно поглаживая мышку, висящую слева на его плаще.— Поживем — увидим...

— Что значит — увидим? — взбеленился варвар. Душный, перенасыщенный миазмами лес начинал ему действовать на нервы. Кроме того, он был голоден, как горный волк, не нашедший добычи за целую седмицу.— Надо поискать какого—нибудь мага, колдуна, способного вернуть нас в Туран! Ехать обратно на лошадях через весь Кхитай и Ведию я не желаю! Год пути!

— Вы отказываетесь? — поинтересовалась Томэо.

— Не знаю,— Мораддин пожал плечами и состроил огорченную мину.

Перспектива возвращаться на закат через неведомые страны его тоже не прельщала. Однако выбирать, похоже, не приходилось. Более всего потомка горных гномов смущало имя бога, упоминавшееся в храме. Если бог властвует над временем, значит, их с Конаном могло занести не только в чужую страну, но и в другую эпоху. В прошлое или будущее.

Вот приедут они в Туран, а там вместо дворцов Султанапура или Хоарезма стоят простенькие палатки кочевников, живших тысячу лет назад... Следовательно, придется искать знающего человека, волшебника, способного проследить путь двоих наемников от заброшенного святилища в Кезанкийских горах до не известной никому на закате маленькой Империи Паган. Или самим почитать упомянутые Томэо древние летописи. Хотя теперь уже не до летописей, быть бы живу: мятеж против законной власти — дело серьезное и чреватое неприятностями для иноземцев, которых угораздило связаться с бунтовщиками...

Вскоре лес кончился, заросшая травой дорога вывела путников к обработанным полям. В отдалении виднелась деревушка из крытых соломой тонкостенных хижин, сновали просто одетые люди; на Томэо и ее спутников никто не обратил внимания. Неподалеку от деревни в болотце, подернутом ядовито-зеленой ряской, купались желтовато-серые быки, над ними вились тучи слепней. На холках рогатых громадин сидели белые птички, похожие на небольших цапель.

— Куда мы все-таки едем? — спросил киммериец у Томэо.— И долго еще? Я был бы не прочь заглянуть в деревню и купить еды.

— Нас покормят,— невозмутимо ответила красавица.— Вон, посмотри, у склона двугорбой горы стоит крепость. Это и есть дом Цзи Дарума.

— А кто там живет? — не унимался варвар.— Твои родители? Или другие

родственники?

— Нет,— возразила Томэо.— Это обитель благочестивых братьев, принявших обет служения Нефритовому Императору и его супруге Омитасу.

— Монастырь, что ли? — предположил варвар и получил ответ от Мораддина:

— Я слышал о Даруме, чье имя входит в название обители. Мой наставник рассказывал. Дарума — покровитель искусства боя без оружия, очень хороший и добрый бог, которому поклоняются и в Кхитае. Томэо, а кто такие Нефритовый Император и его жена?

— Владыки царства вечного блаженства,— пояснила девушка.— Покровители Пагана. Давным-давно Нефритовый Император был самым обычным человеком, но однажды, став владыкой этих земель, решил, что мир несправедлив. Он отрекся от трона и удалился в горы, где создал свое учение. У него было много учеников, среди них Нефритовый Император нашел свою подругу жизни, Омитасу, ставшую впоследствии его женой. Когда они вдвоем достигли высот совершенного знания и уподобились богам, случилась странная вещь — Нефритовый Император и Омитасу вознеслись на облака и до сих пор спят на поднебесных перинах, видя сны. В этих снах — вся настоящая и будущая история Пагана...

— Красиво,— кивнул Конан.— А в моей стране тоже есть бог. Его зовут Кром. Он очень суровый бог, и его никто никогда не видел. Правда, однажды Кром мне явился вживую, но... Похоже, я тогда просто перебрал молодого вина.

— Восхитительно,— пробормотал Мораддин.— А Сета ты случайно не встречал?

— Сета нет, а Дагота видел,— признался варвар, вспомнив старую историю с офирской принцессой, пытавшейся оживить статую бога сновидений Дагота с помощью волшебного рога. Оживить, конечно, сумели, но из мраморного красавца, покоившегося на ложе, получилась такая мерзость, что вспоминать тошно...

— Будешь столько пить,— наставительно сказал Мораддин,— и Сета скоро увидишь.

— А кто такой Сет? — Томэо заинтересовало незнакомое слово.— Тоже бог?

— Бог-змея. Очень плохой. Ему поклоняются в Стигии,— ответил киммериец.— Не будем больше вспоминать о нем.

Всадники, миновав зеленые поля, подъехали к склону горы с двумя вершинами. Действительно, впереди возвышались коричневые стены укрепления, смахивавшего на обыкновенный пограничный форт. За ними виднелись строения, немного похожие на кхитайские, как будто несколько домиков с острыми четырехугольными крышами были поставлены друг на друга. Колыхались узкие, украшенные кисточками разноцветные знамена, кое-где поднимались в небо струйки дыма. Варвар отметил, что открытые ворота дома Цзи Дарума не деревянные, а целиком отлиты из бронзы. Наверняка благочестивые братья начищали их ежедневно — отполированная бронза горела в солнечных лучах, будто золото.

У входа в монастырь Томэо и ее неожиданных спутников встретил наголо обритый привратник в оранжевом балахоне. В руках он сжимал укрепленный медными полосками посох. Низко поклонившись, привратник осведомился:

— Благородные гости, нельзя ли узнать, куда вы держите путь и чем может великий Дарума, благословенный Нефритовым Императором, помочь вам на избранном поприще?

«Витиевато, но вежливо,— подумал варвар, рассматривая пожилого монаха.— Значит, нас пустят. Конечно, если монастырская братия не на стороне правителя, у которого Томэо отобрала меч, яшму и зеркало... Интересно, этот монастырь похож на обители братьев Митры в Аквилонии и Немедии? Тогда нас будут потчевать протухшей рыбой и черствым

хлебом...»

— Здесь ли старший брат Ясухиро? — кивком поприветствовав монаха, спросила Томэо. — Мне необходимо поговорить с ним. Скажи, что приехала дочь Асаки Тайса. Эти люди — чужестранцы, Конан и Морадан.

— Морадин,— спокойно поправил коротышка. Он давно привык к тому, что люди коверкают красивое туранское имя.

— Женщина из дома Тайса,— высокопарно заговорил привратник,— всегда желанный гость в Цзи Дарума. Проезжай, сестра, вместе со своими друзьями.

Всадники въехали в обширный двор. Его подковой огибала одноэтажная галерея, крытая красноватой черепицей, далее виднелись три высоких строения — наверное, храмы,— а к подножию крутой скалы приткнулись хозяйственные постройки. Монастырь представлял собой небольшой самостоятельный городок с храмами, жилыми домиками, обширным садом и прямоугольником крепостной стены со стороны в тысячу шагов. Варвар слегка опешил, увидев, как справа десяток братьев в одинаковых оранжевых балахонах увлеченно дерутся шестами. Никто из них даже глаз не скосил на гостей.

— Томэо, возлюбленная сестра наша! — послышался тонкий старческий голос. — Неужели войско Тайса разбито?

Пожилой монах, одетый, в отличие от прочих братьев Дарума, в шафраново—желтую хламиду, с мальчишеской легкостью бежал со стороны дверей святилища, украшенных гербом с изображением тигра и змеи. Старец вытянул руки, принял в объятия соскочившую с седла девушку, после чего с интересом посмотрел на ее спутников.

— Томэо, познакомь меня с твоими друзьями,— лукаво сощурился монах.— Прежде всего, гостеприимство, дела — потом. Вы, наверное, устали с дороги, уважаемые?

Наевшийся до отвала варвар блаженствовал. Во-первых, его накормили, точно короля, заехавшего погостить в зажиточное баронское поместье, во-вторых, Конан выкупался в прекрасном теплом бассейне, смыл дорожную пыль, оставшуюся еще с султанапурской пустыни, и, в-третьих, его развлекали захватывающим зрелищем. Впрочем, нельзя сказать, что развлекали специально. Просто Морадин, немного отдохнув после обеда, высказал настоятелю монастыря Дарума желание немного поразмяться вместе с воинственными братьями.

В крытой галерее Конан устроился на соломенном коврике смотреть, как на отведенной для учебных боев площадке у стены монастыря Морадин пытается одержать верх над тремя молодыми монахами. Бывший капитан гвардии попал в свою стихию — честный бой без оружия, только руками да ногами...

Ясухиро, настоятель Цзи Дарума, оказался очень милым старичком. Едва путешественники вошли под сень монастыря, Ясухиро велел принести воду для омовения рук и лица, после чего повел гостей в трапезную. Сами монахи питались очень скромно, в основном желтым рисом и рыбой, но для пришельцев из внешнего мира всегда готовились прекрасные блюда из птицы или говядины, обильно приправленные невиданными специями.

Конан решил попробовать все, что стояло на столе. К пище он был непривередлив, тем паче, что за многие годы скитаний довелось испробовать сущей гадости, чтобы не протянуть ноги с голоду. Но сейчас радушные монахи предложили яства, на которые смотреть было страшно, не то, что дегустировать. Наряду с тушеной говядиной и жареными на вертеле птицами, похожими на голубей, Ясухиро приказал подать сугубо паганские кушанья.

Перво-наперво на стол выставили корзину с сушеной саранчой. Конану она была не в

диговинку — акридами питались и туранские кочевники. Затем появился котел супа, в котором плавали обезьяньи уши, а когда Мораддин помешал варево гладкой полированной палочкой, на поверхность всплыли безглазые змейки с ромбовидным рисунком на коже. Томэо, вытащив пальцами несколько змеек, отправила их в рот и заявила, что лучшего блюда она в жизни не пробовала. Конан, отбросив сомнения, испробовал копченого удава, обезьяньего мяса и уж совсем невероятный десерт — завернутых в широкие листья белых пальмовых гусениц длиной не меньше ладони. Ясухино объяснил, что у живой гусеницы отрубает жесткую голову, а тело жарят в кипящем масле. Мораддин взял предложенное лакомство, повертел, понюхал, но в рот положить не рискнул.

Искупавшись, варвар с потомком гномов отправились к площадке для боев. Мораддин предложил Конану тоже поучаствовать в ратной потехе, но тот решительно отказался, ему совсем не хотелось драться на полный желудок.

— ... Мораддин, справа! — выкрикнул Конан, приподнявшись на локте.

Его бородатого приятеля пытался атаковать монах, которого настоятель назвал одним из лучших бойцов. Двух других бывший гвардеец уже успел повалить. Пригнувшись, Мораддин незаметно переместился в сторону, избежав удара пяткой в голову, возвратился в прежнее положение, схватил монаха за рукав оранжевой рубахи, как—то чудно крутанул, поверг наземь и прижал к утоптанной глине коленом, уперев его в шею противника. Мышка ничуть не тревожилась о хозяине; закрывшись розоватыми крыльями, она висела под потолком галереи, где отдыхал Конан.

— Пришлось повозиться.— Дыша чуть тяжелее обычного, Мораддин поднялся к варвару. Монахи затеяли бой друг с другом.— Умельцы, Нергал их задери! Одного бы не хотел — встретиться с их учителями в настоящей драке. Мой наставник — помнишь, я тебе рассказывал о бежавшем в Туран старом кхитайце? — был великим воителем. Его звали Юн-Гван...

— Юн-Гван? Ты, почтенный, учился у мастера Юн-Гвана? — на хорошем туранском спросил незаметно подошедший настоятель Ясухино.— Он был родом из города Шу Чен?

— Ну-у... да.— Мораддин повернулся к Ясухино и взглянул на него с искренним интересом.— Скажи, откуда ты знаешь туранскую речь и имя моего учителя?

У коротышки сверкнула радостная мысль: «Значит, мы перенеслись только в пространстве, но не во времени! Если настоятель знает мастера Юн-Гвана, значит, здесь тот же год, что и у нас!»

— Вместе с Юн-Гваном мы жили в монастыре неподалеку от столицы Поднебесной,— мечтательно сказал Ясухино.— Потом я перебрался сюда, в Паган, а моего друга выслали из страны за непреднамеренное убийство. Языку людей степи и пустыни я обучился в том же монастыре, у нас было несколько братьев из Турана и Иранистана, уверовавших в Даруму и принявших обет послушания... Я не спрашивал прежде, но сейчас очень хотел бы узнать, как вы, жители далеких закатных стран, нашли дорогу к землям Пагана? Должно быть, долгое путешествие?

— Мы и не искали,— вмешался Конан.— Это Мораддин во всем виноват! А ты расскажи господину Ясухино, до чего доводят хорошие манеры!

Потомок гномов снова пустился в обстоятельный рассказ о приключении в дивном горном храме. Настоятель внимал сосредоточенно, не перебивал, а когда Мораддин закончил, монах стал вдруг расспрашивать о мастере Юн-Гване, словно история про синий алтарь Бога Времени его совершенно не заинтересовала. Собеседники пустились в

непонятные варвару воспоминания, перевели разговор на боевые искусства, и киммериец заскучал. Решив, что ничего интересного он не услышит, Конан поднялся на ноги и отправился гулять по монастырю.

Первым делом северянин решил заглянуть в самый большой храм, посвященный, как объяснил за обедом Ясухиро, Нефритовому Императору. Войдя под своды удивительно просторного каменного здания, Конан обнаружил, что стены храма расписаны сценками из жизни верховного бога Пагана, зачастую довольно предосудительными; перед статуей лежащего Императора горит множество свечей и натертые благовониями лучины расточают сладковатый дымок. Сам Нефритовый Император напомнил Конану недавно упомянутого Дагота, разве что рога не было. Цельная статуя из зеленоватого нефрита шагов в пятнадцать длиной внушала умиротворение и спокойствие. Бог лежал на правом боку, подперев ладонью голову, глаза познавшего покой небожителя были закрыты, а левая рука сжимала цветок лотоса. За статуей висел огромный круглый медный гонг, в нем тускло отражались огоньки свечей.

— Какой хороший бог,— проворчал варвар.— Все время спит! Это тебе не Сет и не Эрлик с Ариманом...

— Да,— послышался за его спиной женский голос — Нефритовый Император спит, но в его снах — наша жизнь.

Киммериец обернулся. В двух шагах от него стояла Томэо, держала двумя пальцами ароматическую палочку. Девушка шагнула к статуе бога, поставила подношение на скромный бронзовый алтарь, прошептала несколько слов и сказала недоумевающему варвару:

— Это в память о Кисо. Император учует сладкий дым и передаст Кисо, живущему в его дворце, привет от меня.

— Странный бог,— дернул плечом Конан.— Ему ничего не надо. Полагаю, и просить его тоже бессмысленно. Кажется, Нефритовому Императору на все плевать.

— Неправда.— Томэо замотала головой и, взяв Конана за руку, подвела к стене храма. Вдоль нее стояли десятки маленьких ведер, по всей видимости, серебряных. Показав на сосуды, Томэо пояснила: — Если у тебя есть монеты, положи по одной в каждую жертвенницу. Когда дойдешь до последней, загадай желание. Бог тебя услышит и выполнит его. Здесь тридцать три сосуда. Когда бросаешь деньги, раздается звон. Три десятка и еще три удара разбудят Нефритового Императора, и он, чтобы его больше не беспокоили, сделает все, о чем ни попросишь. Он добрый...

— Годится.— Конан взялся за кошель с деньгами.— Если твой бог способен вернуть нас с Мораддином обратно, я согласен разориться на тридцать три империаля. А если обманет?

— Ты плохо думаешь о владыке Пагана,— нахмурилась Томэо.— Ты не веришь в его милость? Учти, Император не станет помогать неверующему.

— Да ну?! — скривился киммериец и пошел к выходу.— В царстве Нергала я видел такие милости! Пойдем лучше на солнышко, а то в храме холодина, точь-в-точь как на асгардских снежных полях.

Некоторое время Конан и Томэо молча бродили возле посвященных богам построек. Наконец варвар не выдержал и спросил:

— Скажи, ты очень любила своего жениха?

— Как я могла его не любить? — удивилась девушка.— Он был предназначен мне с самого рождения. А разве у тебя в твоей стране нет женщины, которая рождена специально для тебя?

— Кром миловал,— усмехнулся варвар и пригладил ладонью волосы.— У нас в Киммерии по-другому. Будущую жену или будущего супруга можно только завоевать. Силой настоящей, любви или... Ну, настоящей силой. Понятно?

— Значит, у вас женщины дерутся ради мужчин и наоборот? — У Томэо округлились глаза.— Никакого Предназначения? Дикари!

— Великие боги,— простонал Конан.— Я уже почти тридцать лет слышу, как меня обзывают дикарем и варваром во всех странах мира! Хотя... Быть варваром гораздо лучше, чем разжиревшим аквилонским или туранским вельможей. Столько интересного случилось, столько разных земель повидал, с какими только людьми не встречался... Разве может граф из Тарантии или визирь из Аграпура пережить то, что досталось мне?

— А Аграпур и Тарантия — это где? — заинтересовалась Томэо.— Далечно за Кхитаем?

Конан повел долгий рассказ о странах, лежащих на берегах Великого Западного моря, о полуденных королевствах и царстве Илдиза возле моря Вилайет. Девушка зачарованно слушала. По представлениям Томэо, мир ограничивался горами, отделявшими Паган от далекого Кхитая, а известие, что в неизмеримой дали на закате живут неизвестные племена людей со светлой кожей, явилось для дочери благородной семьи Тайса сюрпризом. Попутно Конан выспрашивал Томэо о жизни в Пагане, требовал, чтобы она вспомнила, о чем еще говорится в летописи, где упомянуты «пронзающие время».

Разговор прервал молодой посланец настоятеля Ясухино. Монах прибежал с просьбой старца немедленно прийти в общий дом братьев Дарумы. По-видимому, у учителя Ясухино были очень важные новости для Томэо.

Быстрым шагом варвар, девушка и сопровождавший их брат, чей оранжевый наряд с непривычки резал глаз киммерийцу, вернулись к дому. На пороге их встретили настоятель и озабоченный Мораддин. Мышь, едва слышно попискивавшая, выглядывала из-за ворота его рубахи.

— Томэо,— тотчас обратился к красавице Ясухино,— только что приезжал гонец из Западной Столицы. Император Готоба и нэйу-буджан Сутари из семьи Барата объявили шейрам.

— Шейрам? — поднял брови киммериец.— А что такое шейрам?

— Приказ владык Империи, запрещающий любому человеку покидать поселок или город в течение одной луны,— объяснил Ясухино.— Ездить по стране может только стража или посланцы владык. Объявлен розыск заговорщиков, а особенно Томэо из семьи Тайса, незаконно захватившей символы власти императора. И вместе с Томэо ищут двоих чужестранцев, напавших на отряд стражи. Ты попала в неприятную историю, сестра моя...

«И не одна она,— мрачно подумал Конан.— Мы с Мораддином тоже влипли по самые уши... Но откуда власти узнали про нас? Или кто-то из подлых убийц жениха нашей приятельницы остался жив?»

Глава четвертая

Прошло три дня. После неожиданного визита гонца императора Готобы, заскочившего в монастырь Дарумы с указом паганского владыки, время замедлило свой ход. По крайней мере, для Конана.

Разуверясь в способности Нефритового Императора вернуть его вместе с Мораддином в Туран (и это даже после уплаты Спящему Божеству тридцати трех империалов Илдиза!), варвар места себе не находил. Ясухиро, лично говоривший с посланцем Готобы у врат обители, разъяснил: шейрам объявлен потому, что злокозненные заговорщики из дома Тайса покусились не только на жизнь императора и нэйу-буджана Сутари, но и на сокровища семьи повелителя государства Паган. Однако умалчивалось о том, что драгоценные вещи похищены...

Хотя называть меч, яшму и зеркало, увезенные Томэо и ее погибшим женихом из Западной Столицы, всего лишь ценным имуществом семьи Барата было глупо — в Пагане мог править любой клан, но три реликвии, оставленные еще легендарным Нефритовым Императором для своих потомков, всегда переходили от одного владыки к другому, из какой бы семьи ни происходил предшественник или наследник. Меч, яшма и зеркало в серебряной оправе принадлежали не семье императора, а всему Патану. Единственно истинным наследником великого бога Зрящего Сны признавался лишь тот, кто владел волшебными атрибутами власти.

Томэо была права, утверждая, что сейчас законной повелительницей страны является именно она. Как и предполагал варвар, чудесные вещи лежали в седельных сумках бывшей невесты Кисо, императора, правившего всего четыре дня. Томэо показала знаки власти старому Ясухиро, а так как девушка была из семьи, ранее правившей Патаном, настоятель немедленно признал гостью монастыря владычицей маленькой империи и объявил всем братьям, что имя Томэо ныне должно звучать во всех молитвах верховному богу, как имя новой императрицы...

Беда заключалась в том, что Томэо, с точки зрения подданных Паганской короны, несомненно, была владычицей страны, но не располагала верной армией или могущественной семьей, и ей не подчинялась государственная стража. Томэо могла сколько угодно называть себя императрицей, но реальные бразды власти в Патане держал дряхлый Готоба, а вернее, его родственник и верный слуга Сутари. Оба они сейчас находились в отбитой у мятежников Западной Столице. И очень хотели вернуть символы владычества обратно, желательно вместе с головой невесты Кисо из дома Мориту.

Три восхода, миновавшие после визита гонца Сутари, разносившего вести о победе законных правителей над бунтовщиками, тяжело дались Конану, Мораддину и их царственной подружке. Вечером второго дня в монастырь нагрянул отряд стражи, настолько неожиданно, что Ясухиро едва успел спрятать свою любимицу Томэо и ее друзей в потайной комнате позади покоев братии. Десятник, командовавший патрулем, разумеется, проявлял уважение к главе обители, ибо знал: любой конфликт с монахами Дарумы чреват крупными неприятностями. Благочестивые служители бога, дающего безоружному силы противостоять злодеям с мечами, могли, не особо утруждаясь, перебить отряд полностью или бросить стражников в таинственные подземелья храмов, о которых ходили самые невероятные слухи.

Командир спросил у Ясухиро, не видел ли он женщину, носящую имя Томэо Йосинаки

Тайса, и сопровождавших ее иноземцев крайне подозрительного вида. Сразу подтвердились опасения Конана: Мораддин в схватке с убийцами Кисо на лесной прогалине у тракта, ведущего к главному городу Империи, пощадил одного из них — не убил, а всего лишь оглушил. Придя в себя, стражник все рассказал отряду, посланному Сутари на помощь душегубам.

— Дубина! — заорал на Мораддина варвар, выслушав рассказ настоятеля. Заглянувший в Цзи Дарума патруль к тому времени уехал оповещать окрестные деревни.— Что за дурацкая привычка — щадить врагов?! Именно из-за тебя они теперь ищут не только Томэо, но и нас! Сколько можно вдалбливать в твою тупую гномью голову — каждый, кто с оружием встал на нашем пути, должен умереть! Посмотри, что получилось, любитель белых мышей! Едва мы очутились в совершенно чужой стране, тут же ввязались в историю почище султанапурской!

Ругался Конан по-турански, а посему, кроме Мораддина и Ясухино, его никто не понимал. Может быть, оно было и к лучшему. Мораддин краснел, бледнел, грыз ногти, однако помалкивал, дожидаясь, пока Конан отведет душу. Сын гнома, перенявший понятия чести у народа своего отца и кхитайских мастеров боевых искусств, остался при своем убеждении: нельзя убивать противника, если он слабее тебя и ты можешь победить без кровопролития. Отступать от старых принципов Мораддин не собирался. И плевать, что наговорит безмозглый варвар...

— Я полагаю,— невозмутимо начал он, едва Конан выдохся и перестал кричать,— мы уже ничего не в силах исправить...

— Конечно! — рявкнул киммериец.— Теперь по всему этому захудалому королевству идет охота на двоих болванов, оставляющих после себя следы в виде живых врагов! Ты во всем виноват! Что теперь делать? Бежать в Кхитай? А любой стражник знает, что нужно ловить длинного, черноволосого, белокожего человека из полуночной страны и бородатого недомерка, прекрасно владеющего мечом!

— В Пагане растет одна травка,— подал голос Ясухино, с интересом внимавший перепалке двух иноземных приятелей. — Она красит волосы в рыжий цвет... Тебя можно перекрасить.

— Великий Кром и все боги! — взревел Конан.— Почтенный настоятель, ты хочешь сделать меня рыжим, как провонявший сыр асгардец? Да лучше броситься на собственный меч!

Пока киммериец крыл на все корки гнусных рыжих асгардцев, Мораддин соображал, что делать дальше. Безусловно, для варвара перемещение за тысячи лиг от знакомого Турана не прошло даром — Конан, и без того вспыльчивый, стал просто невыносим. А когда они случайно вмешались в интересы могущественных кланов этой маленькой страны и приняли сторону разбитых бунтовщиков, Конан совсем вышел из себя. Трудно, конечно, смириться с тем, что тебя постоянно преследуют неудачи, но разве стоит из-за подобной ерунды так вопить?

Мораддин снова дал киммерийцу накричаться и, взяв его за запястье, промолвил:

— Друг мой варвар, все будет хорошо. Выберемся мы отсюда...

— Как же! — рыкнул Конан.— Куда? В Кхитай? Инициативу неожиданно перехватил Ясухино. Пожилой настоятель понял, что дело близится к драке и что Конана с Мораджином необходимо успокоить. Старик предложил такой выход:

— Уважаемые, не нужно ссориться. Вы и Томэо можете жить в доме Цзи Дарума сколько захотите. Надеюсь, именно здесь вас никто не станет искать. А когда бдительность

нынешних властителей Патана притупится, вы уедете на закат, в Кхитай. Оттуда доберетесь до Турана...

— Через год, по меньшей мере,— устало вздохнул Конан.— Больше всего жалко наших лошадей, они остались в храме Пронзающих Время и подохнут от бескормицы.

— Наконец-то он подумал о ком-то, кроме себя,— ядовито проворчал Морадин и повернулся к настоятелю Ясухиро: — Мы благодарим тебя за гостеприимство, почтенный. Но что будет, если стража императора узнает, где мы скрываемся? Насколько я понимаю, вашему Сутари нужны не мы с Конаном и даже не Томэо, а символы власти?

— Верно,— кивнул Ясухиро.— Самое забавное в том, что Томэо, дочь Асаки Тайса, сегодня единственная настоящая владычица Патана. Императрица без империи...

— Здорово,— язвительно хмыкнул варвар.— А если я заберу эти дурацкие безделушки и объявлю их своими, значит, не кто иной, как Конан из Киммерии, станет новым императором вашей страны?

Ясухиро осуждающе воззрится на Конана и ответил, старательно выговаривая туранские слова:

— Наследником Нефритового Императора может называться только человек, происходящий из семей Тайса, Мориту или Барага. Насколько я знаю, ты, чужестранец, не связан родством ни с одним из этих кланов.

— Ну-у...— осклабился Конан.— Все еще впереди. Томэо очень хороша собой...

— Идите отдыхать,— решительно махнул рукой Ясухиро.— Если произойдет что-нибудь неожиданное, я вас извещу. Почтенный Конан и ты, Морадин, ученик Юн-Гвана, я вас больше не задерживаю.

Варвар и его друг вышли из комнаты настоятеля, оставив Ясухиро наедине с несколькими присутствовавшими при разговоре помощниками, и выбрались во двор обители. Погода, как и все последние дни, стояла прекрасная, полуденная жара сменилась предзакатной прохладой, а со стороны гор налетал свежий ветер, свободно проникая через ограду обители Дарумы.

— Зря ты так с Ясухиро,— упрекнул Морадин.— Томэо старику как родная дочь. В странах восхода не понимают варварских шуточек...

— Брось! — Конан тихо рассмеялся.— Ты сейчас куда пойдешь?

— В сад монастыря, погуляю,— ответил Морадин.— А что?

— Да так...— Варвар улыбнулся еще шире и указал взглядом на дом братьев, где Ясухиро поместил гостей.— Иди, гуляй. А меня ждет Томэо — хочет услышать новый рассказ о чудесах Аквилонии и странах, покрытых вечными снегами.

— Ну-ну. Только постарайтесь вести свои... беседы потише. Братья, посвятив себя Нефритовому Императору и Даруме, дали обет целомудрия.

Морадин повернулся на каблуках и быстро пошел к дальней стене обители, где монахи заботливо взрастили на каменистой почве садик.

* * *

— Говоришь, в твоей стране люди не принимают Предназначения? — Томэо тяжело

дышала Конану в грудь, прижатая к ней сильными руками. Мозолистые ладони варвара, обычно грубые, сейчас будто превратились в две нежные губки; они скользили от лопаток к ягодицам, захватывая край груди и верхнюю часть бедра.— Мое Предназначение не исполнилось, потому Томэо Тайса свободна...

— Я люблю свободных женщин,— шепнул Конан, чьи руки вдруг позволили себе больше, чем паганская красавица.

Пальцы киммерийца незаметно развязали пояс ее кафтана, отбросили полу вишневого одеяния, проникли к прохладной коже, а девушка, плохо осознавая, что делает, осторожно расстегивала пояс варвара, путаясь в ременных дырочках. Спустя миг проклепанный ремень с висящим на нем простеньким кинжалом в темных ножнах бесшумно упал на плетеную циновку, и тонкая ладонь Томэо, оттянув мягкий ремешок кожаных штанов северянина, прокралась к тому, что туранские поэты именуют «долиной любви», и осторожно коснулась чего-то, знакомого лишь по рассказам замужних подруг и обучавших ее искусству наслаждения нянюшек.

Мгновенно вспыхнувший внутренний огонь ожег все тело Конана, сосредоточившись ниже живота, и тотчас одежды непризнанной владычицы Пагана, почти невидимые в полумраке, с легким шуршанием сползли с ее плеч, а сама Томэо с едва слышным вздохом опустилась на устланное шелковыми покрывалами ложе, ощущая, как возле ее лона все растет сила, способная, казалось, растворить в себе не только тело старшей дочери Асаки Тайса, но и ее душу. Нежные пальцы гостя из далекой закатной страны двигались где-то внизу, освобождая путь для потаенного достоинства воина меж бедрами Томэо, наконец, она почувствовала невероятную, невиданную доселе сладость, проникающую в глубь тела, и все ее существо охватили то накатывающие, то отступающие волны тепла и блаженства. Губы киммерийца ласкали ее лицо, длинные красивые пальцы Томэо с легким шорохом сползали по спине Конана к гладким узлам мышц за поясницей, слышалось тяжелое дыхание и нарождающиеся в глубине легких стоны...

—... Тебе понравился мужчина по имени Конан? — ласково спросил киммериец. Голова Томэо лежала на его груди, темные прямые волосы красавицы закрывали его бугристые мышцы, пологими горками выраставшие на животе, а правая рука Томэо гладила впадину у бедра,— раньше говорили, я совсем неплох в любовных делах...

— Это был лучший миг моей жизни,— тихим зачарованным голосом призналась Томэо.— Хочешь стать моим мужем?

— Огорчу тебя, дорогая,— с несколько притворным сожалением ответил киммериец.— Я не собираюсь жениться еще лет десять. Однако быть твоим другом я согласен целиком и полностью. А ты?

— Конечно,— промурлыкала Томэо.— В Пагане мужчине и женщине можно жить вместе, даже не получив благословения Нефритового Императора и Омитасу...— Девушка наклонила голову и коснулась губами маленького темного соска на груди Конана.— Можно, я попрошу тебя сделать это снова?..

— Зачем просить? — Конан повернулся набок и обнял Томэо.— Королеве следует не просить, а приказывать. Дикарь из Киммерии всегда выполнит ее повеление...

Едва Томэо заново почувствовала мощь любви чужестранца, легкая решетчатая дверца, занавешенная белой кисеей, отодвинулась, и на пороге возникла тень старика в шафранных одеждах.

— Томэо! — осторожно позвал непрощенный гость.— Великий Дарума, что вы здесь

делаете, брат и сестра?!

Конан с трудом подавил шедшее из глубины души проклятие и желание послать старца куда подальше. Дал обет целомудрия, вот и блюди его, не мешая прочим вкушать радости жизни! Варвар недовольно откинулся на спину, прикрыл бедра оранжевым шелковым покрывалом и, утерев пот со лба, сказал:

— Ясухиро, я просто знакомлю Томэо с обычаями моей страны. Возмущаться будешь, когда застукаешь монаха с деревенской красоткой или двух монахов одновременно...

— Нефритовый Император и его супруга проповедуют любовь,— миролюбиво заметил настоятель, не осмеливаясь шагнуть в комнату.— Посему у меня нет причин негодовать. Однако, сестра Томэо, и ты, Конан, должны выслушать мои слова...

— И мои,— послышался из-за спины старика голос Мораддина.

На лице коротышки, взиравшего на варвара и его подружку через плечо настоятеля, разом читалось огорчение и ехидство. Мышка, для которой ночь была благословенным временем суток, сидела у Мораддина на голове, покрывала его макушку расправленными крыльями, точно необычной колдовской шапочкой. Зверюшка с интересом рассматривала красными глазками распластанного на низкой постели Конана и прижавшуюся к нему императрицу Пагана.

— Вы должны немедленно уехать,— серьезно сказал Ясухиро.— Жители деревни Кио, мимо которой вы проезжали, заметили троих всадников, вошедших в стены обители. Одного опознали, это был ты, Конан. У тебя слишком высокий рост и крупное телосложение для жителя Пагана.

— Кром! — стукнул кулаком по постели Конан.— Все вы здесь недомерки, вдобавок желтокожие и узкоглазые! Как прикажете жить в Пагане нормальному киммерийцу?

— Не о том речь,— жестко пресек изливания варвара Ясухиро.— Верные мне люди сообщили, что к рассвету у стен обители должен появиться большой отряд стражи. Братья Дарума смогут сопротивляться очень долго, но рисковать самим существованием монастыря я не могу. Император Готоба, подстрекаемый Сутари, рано или поздно издаст указ о закрытии обители. Я не хочу ссориться с императором, а тем более с его приближенным, в совершенстве изучившим волшебство. Сутари способен испепелить огненным дождем всех нас, и искусство боя без оружия братьям Дарума не пригодится...

— Что ты предлагаешь? — перебил Конан.

— Томэо,— обратился к девушке Ясухиро.— Твой дядя Торинга Тайса живет всего в двух днях конного пути от дома Цзи Дарума. Поезжайте к нему. Немедленно. Необходимо выехать до рассвета, тогда вы избежите погони, а я впущу стражу, чтобы прислужники Сутари обыскали монастырь и никого здесь не обнаружили.

— Хорошо,— решительно ответила Томэо и, совершенно не смущаясь, встала, отбросив покрывало.— Прикажи братьям приготовить лошадей. Я обязана спасти не только свою жизнь и жизни чужестранцев, которые мне однажды помогли, но и меч, яшму и зеркало.

Конан состроил зверскую рожу и заложил руки за голову. Вот те на! Только что все было прекрасно, над монастырем простерла свои руки Ишгар, богиня любви, а сейчас приходится вскакивать с благословенного ею ложа и нестись куда-то в ночь, через незнакомую страну к некоему дядюшке восхитительной Томэо, живущему, мягко говоря, совсем не рядом... Дернула же Мораддина нелегкая ужинать на заброшенном алтаре!

«Алтарь? — У Конана вдруг мелькнула догадка.— Погоди-ка! Перед тем, как нас забросило в Паган, мы с Морадином собирались слегка перекусить... Я порезал палец и

пролил вино. В древней надписи говорилось о какой-то жертве... А вдруг под жертвой подразумевались не бык, не овца или даже человек, но самые простые вещи, доступные каждому? Кром, Митра, Эрлик и все боги заката, помогите вспомнить! Кровь есть, вино тоже... Обычно нормальные боги принимают как требу именно их. Что еще мы с Морадином положили на алтарь?»

— Одевайтесь, — оборвал Ясухиро внезапно нахлынувшие на Конана воспоминания. — Одевайтесь и выезжайте побыстрее. Я не хочу зла ни вам, ни слугам императора Готобы. И, естественно, не хочу неприятностей для обители Дарума.

Томэо уже подобрала с пола и натянула на себя вишневые одеяния, и теперь вопросительно смотрела на Конана. А тот все еще валялся на широкой квадратной постели.

— Ты хочешь стать братом Дарума? — невинно поинтересовалась она. — Или уподобиться спящему Нефритовому Императору? Если желаешь продолжить нашу дружбу, вставай. Учитель Ясухиро сказал, что лошади ждут...

Выехав затемно и ориентируясь лишь по свету звезд, необычайно крупных и ярких, Конан, Морадин и Томэо до рассвета одолели пятнадцать ли. Одна ли, как разъяснила Томэо, равнялась приблизительно пятистам шагам, следовательно, в пересчете на аквилонские единицы расстояния, до утра было пройдено почти две лиги. Дорога, ведущая не к Западной Столице, а дальше, в обход двугорбой горы, возле которой стоял монастырь, должна была привести Конана и его друзей-попутчиков к главной крепости, оставшейся под властью родственников Томэо. Она называла это место Баолэй Тайса.

В городке правил ее дядя, Торинга Тайса, один из самых знаменитых воинов Пагана и, как говорила девушка, один из наиболее хитрых и осторожных людей нынешнего времени. Торинга не участвовал в мятеже родной племянницы и ее жениха, предпочтя выждать и посмотреть, кто победит и чем все завершится. Томэо собиралась просить помощи Торинги в борьбе против императора Готобы и его всесильного министра, но особых надежд не питала. Она призналась, что с дядюшки вполне станется указать несостоявшейся императрице и ее подозрительным спутникам на дверь.

Дальнейший путь проходил через дремучие густые леса, в самом сердце которых был проложен грунтовый тракт. Ехали молча. На разговоры Конана и Томэо не тянуло, они малость стеснялись Морадина, который вместе с настоятелем монастыря застучал влюбленную парочку в один из самых интересных моментов. Сам Морадин убивал время размышлениями о вечном или рассматривал окрестности, заводил пустой разговор «о том, о сем» ему тоже не хотелось. Потомок гномов получил от Ясухиро достаточно сведений о Патане и нравах местных жителей и не желал досаждать Томэо расспросами.

Паган отличался от Кхитая в лучшую сторону. Земли маленького государства не были чрезмерно заселены, леса не вырубались, а его удивительная живность не служила предметом всеобщей охоты. Конечно, благородные господа зачастую выезжали на травлю оленей, значительно не похожих на животных, носящих это название в закатных странах: Аквилонии, Немедии и Зингаре. По пути встретился табунок этих зверей, по—пагански называвшихся «милу», и Конан подивился их несуразной внешности. Милу, казалось, были сотворены неизвестным богом с большого похмелья: голова оленья, туловище и ноги ослиные, хвост коровий, а рога вообще неизвестно чьи. Однако бегали милу быстро. Едва завидев на дороге всадников, вожак задрал голову, протрубил что—то на своем зверином языке, и тотчас все стадо кинулось прочь, скрылось в не проходимых для человека зарослях.

К вечеру дорога вывела из обширной долины к отрогам невысоких пологих гор. Где-то в

их глубине и скрывалась крепость Тайса.

— До заката не успеем,— предупредила Томэо спутников.— Нам ехать еще около семидесяти ли. Я не слишком хорошо знаю край между Западной Столицей и провинцией Тайса, но люди говорят, проводить ночи среди холмов далеко небезопасно.

— То есть? — не понял Конан.— Разбойники? Тогда ничего страшного. Втроем мы отобьемся от целой полусотни.

— Ты слишком самоуверен, друг мой варвар,— подал голос Мораддин.— Не забудь, Паган совершенно чужая страна, и здесь могут водиться не только странные олени, рыжие обезьяны и черно—белые медведи. — Спутник варвара повернулся к Томэо: — Послушай, ты говорила, что именно ночью в холмах может подстерегать опасность. Ты имела в виду тварей, не относящихся к миру людей или животных?

— Вот именно,— мрачно подтвердила Томэо.— У нас тут всякое встречается... А особенно после заката, когда Нефритовый Император засыпает так глубоко, что его не разбудить даже призывами о помощи.

— Кто водится-то? — выпрашивал Конан.— Гули? Оборотни? Или демоны выползают поохотиться?

— Юкки встречаются,— сказала девушка.— Это такие демоны, живущие в лесах. Они пугают людей, заманивают их в чашу и приводят к домам старух-йог. А йоги людей обычно едят. Лисы—оборотни шастают, но они не очень опасны, только головы проезжим морочат забавы ради. Есть еще бэнкей — женщина—ворона. Она, если голодная, может до смерти заклевать. Хватает всякого...

— Обрадовала,— буркнул Конан.— Я-то надеялся, что есть хоть одна страна, в которой не водится всякая непотребная нечисть.

— Тот еще бестиарий,— кивнул Мораддин.— Раньше, еще на службе в Аграпуре, доводилось мне встречаться с разными существами из чуждых миров... Тайная гвардия не только заговоры раскрывала и ловила контрабандистов, но и охраняла двор Илдиза от всяких тварей, вылезающих из небытия по ночам...

— Охраняли они! — ядовито заметил киммериец.— Между прочим, лет семь назад я тоже служил у Илдиза. Помнишь историю с Рукой Нергала?

— Вот как? — поднял брови домиком Мораддин.— Что ж ты раньше не рассказал? Постой, постой, оказывается, мы встречались в прежние годы! Как я сразу не сообразил, ведь ты — тот самый Конан, которого выставили из почетной стражи туранского владыки из-за дурацкой истории с бабой?

— Именно,— подтвердил варвар.— Наверное, мы могли даже видеться во дворце. Ты ведь уже был капитаном хэрда в те времена?

— Был,— ответил Мораддин.— А случай с Рукой Нергала я помню. Появилась целая куча оживших мертвецов, вызванных каким-то сумасшедшим ханом... Кстати, тогда почти четверть моих подчиненных погибла.

— Не следует говорить перед закатом о подобных вещах,— напомнила благоразумная Томэо.— Посмотрите лучше направо! Там можно переночевать.

Узкая дорожка вела наверх по склону холма к полуразрушенному дому, прежде, видимо, принадлежавшему обеспеченной семье. Два строения с обычной для Пагана четырехугольной изломанной крышей были обнесены невысокой кирпичной стеной, украшенной поверху кованой решеткой. Перекосившиеся ворота — нараспашку, одна створка едва держится, а насквозь проржавевшие петли скрипят от легкого ветерка. Идеальное место

для ночевки!

Всадники свернули вправо и через сотню шагов оказались в пустом дворе, заваленном кусками штукатурки и рыжей черепицей с ветхих крыш. В дома решили не входить, боясь, что от малейшего сотрясения рухнет кровля или провалится пол.

— Отлично! — Конан спешился.— Томэо, мы с тобой пойдем за дровами, Мораддин, ты займись лошадьми и поищи колодец. В каких я только странах ни побывал, но в каждом уважающем себя доме находил источник воды.

Мораддин привязал лошадей к медной коновязи, покосившейся и покрытой голубовато—зеленым налетом, и пошел осматривать широкий двор. Колодец нашелся быстро, а рядом — как на заказ — старое металлическое ведро с прикрепленной к нему цепью. Зачерпнув воды, Мораддин принес ведро к собранной Конаном и Томэо куче дров — пищей для огня послужат отвалившиеся от стен доски сарая.

На холмах люди давно не живут.— Томэо с сожалением окинула взглядом брошенную усадьбу.— Владельцы хуторов и семейных усадеб лет десять—пятнадцать назад переселились на равнины.

— Из-за нечисти? — спросил Мораддин, возившийся с кресалом.

— Не только,— ответила красавица.— В горных реках размножились водяные драконы, они пожирают все живое без разбору и часто выползают на берег. Много тигров, черных леопардов... А император Готоба в последние годы не особенно заботился о безопасности и спокойной жизни подданных. Раньше опасных зверей истребляли особые отряды стражи и ополчения семей, но сейчас клан Тайса предпочитает, чтобы столицу от принадлежащей семье провинции отделяли холмы, изобилующие хищниками и ночными тварями. Еще немного, и наш край вновь станут именовать Берегом Проклятых...

— Весело вы живете,— сказал Конан.— Такая маленькая страна, народу не густо, земли для всех достаточно, так нет же! Деретесь из-за побрякушек, режете друг друга на кусочки... Сильной власти нет, вот в чем беда. Армии нет, а только дурацкая стража...

— Зачем армия? — удивилась Томэо. Она ничуть не обиделась на слова варвара.— Паган не воюет ни с Кхитаем, ни с Камбуей, ни с Джапуном. За всю историю нас никто не пытался завоевать.

— Пойми,— пустился в объяснения Конан,— армия всегда нужна. Вот представь: ты стала владычицей. Набранная из местных жителей стража всегда поддержит семью, на чьей земле живет, и, если что не понравится, не станет выполнять твоих приказов. Сейчас Готоба, имея он десять тысяч кавалеристов, прошел бы через все холмы, захватил все земли твоей семьи и силой усмирил бунтовщиков. А так у императора только ополчение его клана. Барата, правильно?

— Правильно,— согласилась Томэо.— Когда я стану императрицей и займу дворец в Западной Столице, я вспомню твои наставления.

— Вот лучше Мораддина порасспрашивай,— указал Конан на приятеля, который раздувал огонь.— Он пятнадцать лет в гвардии отслужил, плохого не посоветует. И потом, с чего ты взяла, что повелители Камбуи или Кхитая никогда не захотят прибрать к рукам ваше государство? Нет, армия необходима...

До самой темноты Томэо приставала к Морадину с вопросами об устройстве войска в Туране, численности и выучке отрядов и закатной стратегии. Попав в свою стихию, отставной капитан гвардии выкладывал все, что знал, изрядно удивляя непризнанную владычицу Пагана своими познаниями в необычной для далекой восходной страны науке.

Огонь весело трещал под походным котелком, которым снабдил беглецов настоятель Ясухиро. Хоть и покидала троица монастырь в большой спешке, предусмотрительные братья Дарумы дали уезжающим гостям самое необходимое для дороги — еду, рисовое вино и даже глиняную посуду. Разобрав мешки и приготовив ужин, Конан, Мораддин и их приятельница сели перекусить.

— Спать будем по очереди,— не терпящим возражений тоном заявил варвар.— Первую часть ночи посторожу я, потом Мораддин, а под утро разбудим тебя, Томэо. От костра лучше не отходить. Насколько мне известно, нечисть побаивается огня.

— Мне рассказывали,— с набитым ртом проговорил потомок гномов,— будто где-то на границе Боссонских топей и Гандерланда, возле истоков Громовой реки, есть край под названием Ямурлак, там живут только нечистая сила и всякие животные, сохранившиеся со времен Валузии...

— Враки! — ответил Конан.— Нет, Ямурлак на самом деле существует, я бывал на его границах, но насчет всяких страшилищ, обитающих в его пределах, ты преувеличиваешь. Хотя... Всякое может быть. Вернемся в Туран, переберемся через Карпашские горы, мимо Бельверуса и Тарантии — можно будет съездить в Ямурлак и посмотреть. Если не побоишься...

— Уже боюсь,— хмыкнул Мораддин. А затем вдруг встал и прислушался. Из темноты доносились подозрительные звуки. Мышка тоже забеспокоилась, слетела с хозяйского плеча и быстро описала несколько кругов над костром. Возвратясь к Морадину, зверек заверещал и юркнул под его плащ.

— Так! — бросил Конан, уже привыкший к тому, что любимец его спутника загодя предупреждает об опасности.— Что происходит? Томэо, ты ничего не ощущаешь?

— Помоги нам, Омитасу! — воскликнула девушка, глядя вверх, и истошно закричала: — Падайте на землю! Скорее!

Глава пятая

На своем веку Конан навиделся нечисти, однако не переставал удивляться великому разнообразию существ, порожденных болезненной фантазией темных богов, начиная от Сета и заканчивая мелкими, давно позабытыми, но исключительно зловредными божками. Ну, подумайте, какому здравомыслящему богу взбредет в голову создавать или призывать на службу зеленочешуйчатых, покрытых слизью демонов, зубастых вампиров... или летучие головы, живущие отдельно от туловища?..

— Это еще что такое? — прохрипел варвар, лежа на животе у самого костра. В воздухе над пляшущим огнем шныряли довольно большие округлые предметы, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся настоящими человеческими головами. Отсутствие крыльев не мешало им летать, словно птицы.

— Проклятие! — шипела Томэо, поглядывая вверх.— Рокубони учуяли добычу и решили подкрепиться!

Времени выяснять, кто такие рокубони и откуда они берутся, не оставалось. Головы, перебрасываясь меж собой фразами на паганском наречии, очень похожем на кхитайское, явно собирались атаковать троих людей. На лошадей летучие головы почему—то внимания не обращали.

— Не вставать! — Томэо яростно посмотрела на варвара, который приподнялся на локте и протянул руку к мечу за спиной.— Если рокубони напали на открытом месте, то единственное спасение — лежать! Им будет труднее зацепить нас зубами!

— Вниз! — пронзительно выкрикнула одна из голов, и самая нахальная тварь спикировала на Мораддина, пролетела всего в пальце от его одежды. Сын гнома машинально отмахнулся. Моментально другая голова, оказавшаяся поблизости, расцарапала длинными острыми зубами его ладонь и наверняка отхватила бы несколько пальцев, не приди на помощь хозяину белая летучая мышка. Зверек, поборов страх, выполз из-за воротника, взмахнул крыльями, поднялся в воздух и с гневным писком вцепился в обидчицу своего хозяина, закрыв собой ее узкие, горящие голубоватым пламенем глаза. Голова вильнула в сторону и исчезла в темноте вместе с мышкой, вонзившей миниатюрные зубы в тощий нос.

Еще два рокубони упали варвару на спину и сразу принялись терзать его кожаную куртку.

— Ах, ублюдки! — взревел Конан и покатился по земле, чтобы сбросить головы. Предупреждение Томэо позабылось, киммериец вскочил на ноги, выхватил меч и привычным движением, словно отражая удар чужого клинка, рассек налетевшую прямо на него тварь пополам. Две половинки черепа упали на землю, расплескалась темная вонючая кровь, но желаемого результата это не дало — разделенные части поползли друг к другу, воссоединились, голову на миг обьял призрачный синий огонь, и спустя мгновение рокубони взлетел, скорчил рожу и показал Конану язык.

Морадин, следуя примеру киммерийца, тоже поднялся и теперь стоял у костра, чуть согнув ноги и выставив перед собой слегка изогнутый длинный меч. Двух-трех ночных существ он сумел отпугнуть, однако рокубони казались неуязвимы, даже отсеченные уши немедленно прирастали к своему носителю...

Мышка скоро вернулась и, чтобы не мешать хозяину, вцепилась в его воротник сзади. Конан мельком заметил, что зверь все-таки откусил летающей голове нос и сейчас

дожевывал его.

— Что вам надо? — заорал варвар. Прямо перед ним на высоте человеческого роста висели трое рокубони. Левому недоставало носа.

— Сдавайтесь! — прошипела голова с развевающимися на ветру длинными седыми волосами.— Вам не уйти!

— Что вам нужно? — напирал Конан, пытаясь выиграть время.— Что здесь делаете?

— Мы все летаем! И есть хотим! — простонала голова. — А ты будешь сожран первым!

— Вряд ли,— возразил киммериец. Похоже, загадочные рокубони желали только хорошенько закусить. Значит, и говорить с этими тварями не о чем.

Конан молниеносно выбросил вперед руку, схватил рокубони за грязные космы, крутанул визжащую голову, точно пращу, и ударил о стену полуразвалившегося сарая. Раздался глухой хруст, голова затихла, и варвар запустил ею в костер. Бесполезно — волосы вспыхнули, тварь завизжала еще громче, но смогла взлететь и теперь выписывала над костром бешеные зигзаги, уподобляясь жутковатому метеору. В свете пылающей летучей головы люди увидели, что наверху парят не меньше полутора десятков ее сородичей.

— Конан! — по-турански, чтобы не поняли головы, рявкнул Мораддин, раскромсав еще одного страшного врага.— Нам нужно любое укрытие! Пещера, сохранившаяся комната в усадьбе! Хватай Томэо и беги к большому дому! Я прикрою отход!

Варвар повернулся к девушке и увидел, как два рокубони, на вид довольно молодые (если такое понятие применимо к самостоятельно живущей голове), ухватили Томэо зубами за волосы и пытаются оттащить ее в сторону. Приметив, что твари после рассечения надвое воссоединяются не сразу, киммериец понял: у него и спутников есть шанс отступить к дому. Томэо истошно вопила и отбивалась коротким прямым кинжалом с широким зубчатым лезвием.

Оглянувшись на Мораддина и оценив страшную красоту зрелища — возле бывшего гвардейца кружили семь или восемь летучих голов,— Конан легко подхватил левой рукой Томэо, перед тем обезвредив на время обоих ее противников, и со всех ног бросился к старому дому. Мораддин поспешил следом, отшвыривая на бегу устремившихся за ним тварей. Мышь сидела на воротнике с самым недовольным видом и тихонько пищала.

— Не пускайте! — вдруг завывла одна из голов.— Не пускайте их к человеческому жилью! Поймать хоть одного!

Этой ночью рокубони не повезло. Конан был слишком упорен, а Мораддин — очень опытен для того, чтобы вот так запросто достаться кровожадным летающим тварям. Варвар споро взбежал по ступенькам, которые затрещали под его тяжестью, дождался Мораддина, способного видеть в темноте, и, взвалив Томэо на плечо (против чего она начала вяло возражать), попятился, разя мечом уже проникших через сломанную дверь рокубони.

— Проклятие! — раздался впереди рев Мораддина, его сопровождал грохот падения тела.

Потомок гномов не заметил в кромешной тьме ведущую в подпол лестницу и покатился по ступеням. Более осторожный варвар, нащупав носком сапога прогнившие доски, пошел на звуки ругани, прося богов лишь об одном: чтобы не рухнула лестница.

Наверняка боги, к которым взывал киммериец, были очень заняты или находились слишком далеко от Пагана, а потому последняя треть лестницы, не выдержав веса огромного варвара и прижавшейся к нему Томэо, развалилась, и они растянулись на холодном, скорее всего каменном, полу. Наверху уже раздавалась переключка летучих голов, они даже не

думали прекратить погоню.

— Куда дальше? — спросил Конан Мораддина, превозмогая острую боль в ушибленной голени.— Мы в подвале?

— Не совсем,— послышался из темноты голос спутника.— Справа от тебя в трех шагах крышка квадратного люка. Скорее всего, под нами есть еще одно помещение.

— О, Омитасу! — вдруг простонала Томэо.— Наверху остались меч, яшма и зеркало!

— Лучше забудь о своих игрушках,— прорычал Конан, нашаривая люк, о котором сказал Мораддин.— Я не пойду за ними. А—а, сопли Нергала!

Один из рокубони, обнаружив беглецов, неслышно спустился в подвал и попытался цапнуть Конана за шею.

Киммериец успел увернуться, но пострадало его ухо — зубы рокубони зацепили мочку, едва не откусив ее. Мораддин первым сообразил, что делать, а пока он стаскивал с себя куртку и накрывал ею летучую голову, слегка оглушенную ударом Конана и потерявшую почти все зубы, сам варвар, кряхтя от натуги, поднимал тяжеленную крышку люка.

Счастье, что прежние хозяева устроили неглубокий подпол, а лестника, ведущая вниз, была металлической. Томэо первой сползла по ней, следом спустился киммериец, Мораддин, закрыв люк, присоединился к ним.

— Так—так.— Каменные стены отражали и многократно усиливали голос туранского гвардейца.— По-моему, здесь хранилось вино. Справа от нас бочки, не ушибитесь. Чуть впереди — невысокий столик... Ого! Хозяева оставили даже масляную лампу, и в ней есть фитиль. Конан, надеюсь, кремень с кресалом ты догадался убрать в кошель, а не оставил наверху?

— Держи.— Варвар, пошарив на поясе, протянул в сторону Мораддина кремень с кресалом, надеясь, что тот увидит его руку.

Невидимые пальцы спутника коснулись его ладони, раздалось клацанье, и, наконец, слабый оранжевый огонек осветил подвал заброшенного поместья. Наверху раздавались удары о камень — рокубони тщетно пытались прорваться к людям.

Когда-то в этом подвале действительно держали рисовое и фруктовое вина, столь любимые жителями Патана. Несколько огромных пятидесятиведерных бочек, покрытых пылью и плесенью, выстроились вдоль стены из желтоватого песчаника, а на столе в беспорядке валялись осколки фарфоровой кхитайской посуды и несколько бронзовых чарок.

— Мораддин? — Конан насторожился, увидев в руках приятеля куртку, которой было обернуто что-то круглое.— Что ты притащил сверху? Отвечай!

— Ну-у...— замялся его спутник и виновато посмотрел на киммерийца.— Я поймал тварь, едва не лишившую тебя уха. А в суматохе забыл отпустить...

Неприятности не закончились. Летучая голова, запеленатая в куртку Мораддина, дергалась и ругалась, угрожая «ж-жалким людиш-шкам» самыми разнообразными карами, у Конана невыносимо болела ушибленная лодыжка и кровоточила мочка уха, а белую мышку Мораддина вытошнило пережеванным носом рокубони.

— Впредь будешь думать, прежде чем жрать всякую гадость! — наставительно сказал Мораддин взерошенному, хворому на вид зверьку. По всей видимости, летающие головы были ядовиты. Мышь обиженно скосила на хозяина красные глазки и притихла.

— Нам здесь до рассвета сидеть, это точно,— сказал Конан и легонько толкнул Томэо, которая сидела рядом с ним, опершись спиной на бочку.— Детка, ты поведала уйму кошмарных историй про женщин-ворон, лис-оборотней и прочих верных друзей каждого

странника, но о едва не сожравших нас головушках не предупредила. Откуда взялась эта мерзость?

— О рокубони люди ничего не слышали лет сто, не меньше,— ответила Томэо.— Когда-то в этих горах пряталась отвратительная секта, отвергшая милость Нефритового Императора и его поднебесной супруги. Члены этого тайного общества поклонялись вендийской богине Кали. Они возжелали бессмертия, и жрецы Кали обучили потерявших разум сектантов некоему обряду, дарившему жизнь после смерти...

— Что за обряд? — заинтересовался Мораддин, поглядывая на сверток с летучей головой. Тварь перестала ругаться и теперь только злобно взрыкивала.

— Члены секты, пройдя через некоторые испытания, умерщвляли друг друга путем отсечения голов,— медленно, словно нехотя, объяснила Томэо.— Тела складывали в горной пещере и замуровывали, а головы поклонников Кали получали вечную жизнь.

— Да разве это жизнь? — с отвращением произнес киммериец.— Летать можно только по ночам, рук нет, ног нет, кой-чего еще тоже нет... Тьфу!

— Не в том дело,— нахмурилась красавица.— Во времена правления императора Мияко Тайса, моего прапрапрадеда, один могущественный маг по имени Цуно сумел усыпить всех рокубони и уничтожить секту. Бессмертные головы наверняка спали в горах с той поры, но я читала, что Цуно заклинал их не просыпаться до конца существования мира. Кто-то снял с рокубони его заклятие...

— А может, конец мира уже наступил? — «обнадеживающе» предположил варвар.— А мы тут сидим и ничего не знаем!

— Этим не шутят! — Томэо бросила на Конана суровый взгляд.— Если в стране пробудились темные твари, значит, появился некто, желающий не только взять власть, но и погубить всех своих противников.

— Ага,— сообразил Конан и, вскочив, шагнул к столу.— Мораддин, ты не зря отловил это пугало! Его можно одновременно и удерживать, и допрашивать?

— Попробуем,— пожал плечами бывший гвардеец. Осторожно засунув руку под завязанные узлом рукава куртки, Мораддин ухватил рокубони за волосы, а второй рукой стал развязывать сверток.— Как только вытащу, хватай эту пакость за уши,— велел он Конану,— тогда не вырвется.

Киммериец так и сделал. Едва показалось лицо летучей головы, варвар схватил ее обеими руками и поднял перед собой.

— Пуус-стии! — прошипела голова.— Сожру!

— Поэтому и не пущу.— Конан хмыкнул, увидев, что выбитые длинные зубы успели отрасти заново.— Побеседуем?

— А отпустишь? — сварливо осведомилась голова.— Убить меня все равно не сможешь...

— Отпущу, отпущу,— посулил варвар. — Потом. Скажи-ка, друг любезный, ты откуда взялся? Тебе почти сотню лет полагается спать, как Нефритовому Императору.

— Нас выпустил живой человек, могущественный волшебник,— ответил рокубони. Когда-то лицо твари принадлежало молодому мужчине.— Приказал нам охранять горы.

— От кого? — встряла Томэо.

— От всех. Любой ночующий на перевале подарен этим волшебником нам, наследникам Кали, пожирающей мир.

— Имя волшебника назови,— задумчивым голосом попросил Конан.— И я тебя отпущу.

— Сутари Барата. Он приходил в наши пещеры, подчинил нас себе и повелел именем Кали выполнять его поручения,— поразмыслив, ответила голова.— Отпускай!

И тут варвар придумал довольно удачную шутку. Отверстия громадных бочек, каждое диаметром примерно в локоть, были закупорены деревянными пробками. Киммериец привык держать слово даже перед нечистью и посему, указав Морадину на затычку, которую тот моментально вынул, затолкал голову в бочку. Пробка тут же вернулась на место и была прочно забита гардой меча под возмущенные вопли рокубони.

— Ты знаешь,— задумчиво сказал Морадин,— вся прелесть в том, что на дне каждой бочки осталось немного фруктового вина. Усадьбу покинули лет десять назад, следовательно, оно неплохо выдержано... Нашему кусачему бессмертному приятелю повезло.

— И нам.— Сметливый киммериец быстро собрал со стола чарки, подошел к другой бочке, просунул руку в отверстие и наполнил чарку загустевшим, пахнущим незнакомыми плодами вином. Один сосуд варвар передал Морадину, а второй вручил угрюмо молчащей Томэо.— За что пьем?

— За скорейшую смерть Сутари,— проворчала девушка. — Нет, обезумел не император Готоба, а проклятый маг! В борьбе с моей семьей и кланом Мориту он призвал на помощь темные силы, а такого Нефритовый Император не прощает! Если Сутари...

— О волшебнике поговорим утром,— перебил варвар.— А сейчас лучше выпьем.

Конан величественным жестом поднял бронзовую чарку и торжественно произнес:

— За владычицу Пагана Томэо Тайса!

Вино оказалось отменным, только очень уж крепким. Спустя некоторое время это подтвердил и рокубони, загорланивший в бочке разудалые песни. Его дурной голос, лишь чуть-чуть приглушенный клепками, мешал спать, поэтому кто—нибудь из людей иногда вставал и награждал бочку пинком. Голова замолкала, но ненадолго.

Проснулись непонятно когда, однако Морадин, унаследовавший от предков—гномов способность различать время суток, не выглядывая из подземелья, уверенно сказал, что солнце взошло и бояться летучих голов не стоит, они уже вернулись в свои пещеры. Собирались недолго, благо дорожный скарб остался наверху. Морадин забрался по лесенке и, поднатужившись, откинул крышку люка.

— Эй,— окликнул приятеля Конан и ткнул большим пальцем в сторону бочки.— А с нашим зубастым дружкой что делать?

По подвалу разносился глуховатый храп уснувшего в бочке рокубони.

— Не надо открывать,— посоветовал Морадин.— Пускай посидит. А если вдруг подохнет, получится отличная винная настойка на мертвой голове.

Лошади остались целы и невредимы. Рокубони питались лишь человеческим мясом, птицы и животные их не прельщали. Томэо тотчас бросилась к мешку, что валялся возле стелых углей костра, и дрожащими руками развязала горловину. Лишь убедясь, что бесценные символы императорской власти на месте, она успокоилась.

— Сутари — круглый болван,— усмехнулась она.— Если бы маг приказал своим летающим прихвостням обыскивать вещи жертв, мы бы уже этой ночью лишились меча, яшмы и зеркала!

Конан зажмурился, ему представилось, как над лесом мчится рокубони с объемистым кожаным мешком в зубах. Вот была бы потеха!

— Куда теперь поедет? — спросил более практичный Морадин.— Если нечисть появляется каждую ночь, необходимо к вечеру отыскать не менее надежное убежище.

— О,— махнула рукой Томэо, забираясь в седло.— До Баолэй Тайса, крепости моего дяди, мы доберемся быстро. И ночевать будем уже в доме.— Девушка подумала и добавила:— Если Торинга нас пустит.

Обитаемый край начался сразу за перевалом. Вначале через каждую тысячу шагов попадались придорожные неотесанные камни с надписями, извещавшими каждого, что «путник зашел на собственные земли семьи Тайса и порядок на тракте охраняется законами клана». Позже появились вырубki, занятые под крестьянские поля, несколько отдельных хуторов и даже большая деревня. Народу в поселке было мало. Томэо разъяснила, что большинство жителей сейчас трудится на рисовых полях, в домах остались лишь дряхлые старики да совсем маленькие дети. И, конечно, жрец Нефритового Императора. Само собой, что жрец происходит из клана Тайса и является спутнице варвара дальним родственником.

Служитель Спящего Бога вышел из-за тростниковой хижины посмотреть, что за гости приехали в его деревню, и быстрым шагом направился к остановившимся всадникам.

— Да хранит вас Нефритовый Император и его божественная супруга! — Пожилой и гладко выбритый, как и монахи Дарума, жрец сложил руки на груди и поклонился.— Не пожертвуете ли храму несколько монет? Бог вознаградит вас в царстве вечного покоя!

«Во всем мире жрецы одинаковы,— разочарованно подумал Конан.— Выпрашивают, клячат, требуют... Обещают награду от своих богов, только не сейчас, а в необозримом будущем...»

— Не жертвуем,— решительно сказал киммериец, глядя на служителя храма сверху вниз.— Нам некогда.

Жрец поднял глаза, внимательно и огорченно осмотрел всадников. Когда его взгляд скользнул к Томэо, старец всплеснул руками — узнал ее.

— Да, это я,— подтвердила девушка.— Здравствуй, Ибусуки. Я вернулась. Скажи, мой дядя сейчас в крепости?

— Конечно.— Жрец расплылся в улыбке, но тотчас стал серьезным.— Томэо, правда, что восстание подавлено?

— Да. Кисо погиб, ополчение наших братьев Мориту ушло в свою провинцию. А Сутари решил погубить всех нас. Он использует черное колдовство!

Томэо вкратце рассказала жрецу по имени Ибусуки о ночном происшествии в брошенном поместье, не забыв упомянуть признание летающей головы. Служитель Спящего Божества мрачнел с каждым ее словом.

— Поезжай в Баолэй Тайса, сестра,— сказал он.— Расскажи все старшему в семье. Боги, какое счастье, что у нас в деревне есть собственный колдун! Он должен помнить, как защищаться от рокубони, ведь мы живем возле самых гор!

Крепость показалась ближе к вечеру, когда солнце уже довольно низко висело над горизонтом. Обиталище рода походило на монастырь Дарума, разве что было побольше. Четырехугольник каменной стены был опоясан земляным валом и рвом, через который вел единственный мост. Подъехав к самому краю широкого, заполненного водой почти доверху рва, киммериец увидел, что там лениво плавают несколько крупных животных, немного смахивающих на дарфарских крокодилов.

— Это кто? — спросил он у Томэо, указывая взглядом на зеленовато—серых чудищ.

— Детеныши водяных драконов,— ответила красавица.— При штурме крепости врагам сначала понадобится преодолеть ров. А у водяных драконов завидный аппетит...

Морадин, с интересом рассматривавший неизвестных в Туране зверюг, почесал бороду

и тоже задал вопрос:

— Это всего лишь детеныши? Тогда любопытно, как выглядит взрослый дракон.

— Раз в пять—семь побольше... А ну, помолчите, мы подъезжаем.

Мост, ведущий к воротам крепости, был, на взгляд Конана, необычен. Он состоял из трех частей, каждая из них поднималась и опускалась отдельно, особым механизмом, скрытым в надвратном укреплении. Если две крайние трети убирались, средняя представляла собой узкий проход без перил, на котором с трудом могли разойтись два человека. Позже Конан узнал, что во время боевых столкновений между кланами частенько устраиваются переговоры. Вожди встречаются посередине моста, гарантирующего своей шаткостью и узостью, что ни один не посмеет обнажить оружие — кому охота свалиться прямо в пасти водяных драконов? Традиция...

Однако сейчас все трети моста были опущены, а возле обычных для Пагана бронзовых кованых ворот с рельефными изображениями богов и самых знатных вождей прошлого, стояла стража в черных с серебром одеяниях и жутковатых шлемах, изготовленных из черепов драконьих детенышей. Доспех был выложен черными костяными пластинами, отчего воины Тайса слегка напоминали раков—переростков.

— Куда идете? — Старший охранник, которого отличал пучок длинных красных перьев на шлеме, предостерегающе поднял руку.— Назовите ваши имена!

— Томэо Тайса,— гордо ответила девушка.— И мои телохранители из закатных земель.

«Вот теперь нас сделали телохранителями.— Конан с Морадином обменялись выразительными взглядами.— Недопеченная королева, не спрашивая согласия, взяла нас на службу».

Увенчанный плюмажем стражник, не говоря ни слова, взмахнул рукой. Один из его подчиненных повернулся кругом и побежал за ворота к трехэтажному, потемневшему от времени и непогоды, деревянному строению.

— Ждите здесь,— донесся из-под костяной решетки шлема голос старшего.— Без приказа господина Торинги мы никого не впускаем в Баолэй Тайса.

— Что за чушь! — возмутилась Томэо.— Я дочь родного брата Торинги! Здесь мой дом! С каких пор семья забыла о гостеприимстве?

— Нельзя,— непреклонно сказал стражник и взял копьё наперевес, так как Томэо заставила лошадь пройти вперед несколько шагов.— Стой!

Пришлось ждать. Томэо, не решаясь пробиваться за ворота, на чем свет стоит поносила стражу, дурацкие приказы дяди и нэйу-буджана Сутари, из-за которого страна переполошилась настолько, что семьи боятся пускать в крепости своих же родственников. Конан, мечтательно глядя в небеса, безмятежно насвистывал старую песенку наемников, а спешившийся Морадин перегнулся через перила моста и рассматривал купавшихся в мутной воде дракончиков. Мышка выглядывала из-под плаща и настороженно попискивала.

На пороге появился страж, посланный начальником, вслед за ним появились несколько человек и быстро пошли к стене крепости. Впереди шествовал невысокий, полноватый мужчина в темно—синем кафтане, его талию облегал идеально расправленный широкий шелковый пояс.

— Дядя! — не приветствуя брата своего отца, возмущенно завопила Томэо.— Что за шутки? Почему я должна ждать, пока меня пустят в собственный дом?

Торинга Тайса остановился возле ворот и смерил племянницу хитрым взглядом. Его свита безмолвствовала.

— Прости, но твой дом теперь в крепости Мориту,— сказал он.— Разве ты и Кисо не совершили свадебного обряда? А, я догадался! Он все-таки не стерпел твой необузданный нрав и отправил тебя обратно?

— Прекрати! — рывкнула Томэо.— Кисо убили! Он четыре дня был императором Патана после того, как мы захватили столицу! А ты отсиживался в безопасности! Пустишь ты нас, наконец, или нет?

— Проезжайте,— поморщился Торинга.— Полагаю, твои спутники—чужеземцы — люди верные? Где ты их нашла?

— Это еще вопрос, кто кого нашел,— бесцеремонно встрял в разговор Конан.— Не окажись мы с почтеннейшим Морадином вовремя на дороге, твоя родственница кормила бы сейчас гиен!

— Кого кормила? — не понял дядя.— Кто такие гиены? И почему ты осмеливаешься разговаривать со мной? Ты знаешь, кто я?

— А ты знаешь, кто я? — вспомнив знакомого по Султанапуру шемита, всегда отвечавшего вопросом на вопрос, парировал варвар.— Я Конан из Киммерии, а тот человек — Морадин из Турана, капитан гвардии тамошнего... императора.— Конан благоразумно опустил перед титулом Морадина слово «бывший».

— По-моему, вы просто двое проходимцев,— усмехнулся Торинга.— Впрочем, моя дорогая племянница всегда была неразборчива в выборе знакомых. Хорошо, проходите и будьте гостями семьи Тайса...

«Сразу бы так! — подумал киммериец.— Все-таки обидно, что дядя моей подружки мигом нас раскусил...»

За воротами крепости Томэо уверенно направилась в сторону дома, из которого вышел дядя. Похоже, там жили все старшие члены многочисленной семьи. Конан, тихонько спросив у девушки, сколько же всего родичей насчитывает клан, получил такой ответ:

— Три с половиной тысячи воинов, около четырех тысяч женщин и столько же старцев с детьми.

— Изрядное семейство,— улыбнулся варвар.— А у меня были только мать и отец. Очень давно. Я их почти не помню.

— Какой кошмар! — ужаснулась Томэо и уставилась широко раскрытыми глазами на Конана.— Жить без семьи? Ты действительно очень несчастный человек...

— Сирота.— Конан, смеясь про себя, попытался состроить жалобное лицо. Не получилось.— Поэтому и стал наемником да обучился драться. Нас, сирот, всякий обидеть может...

Морадин, чтобы не рассмеяться, зажал рот ладонью. Томэо же вполне серьезно восприняла слова варвара и в доме, по пути к трапезной, раздумывала, как бы лишнего родного очага киммерийца пристроить в какой-нибудь паганский род приемышем. Варвар, глубоко тронутый такой заботой, лез вон из кожи, чтобы не расхохотаться.

Обеденное время миновало, потому троим новоприбывшим еду принесли отдельно. Блюда не слишком отличались от кушаний, которыми угощал настоятель Ясухино. Снова копченые змеи, птицы наподобие жаворонков и прочая снедь, от которой любого аквилонца стошнило бы. Среди блюд была латка с тушками летучих мышей под соусом. Конан, первым увидевший это экзотическое блюдо, из ребяческого баловства подsunул мышатину Морадину со словами, что в жизни ничего вкуснее не едал. И сполз на пол от хохота, когда сын гнома двумя пальцами вынул из кастрюльки за кончик крыла тушеного сородича своей

любимицы, позеленел, как весенняя листва, и уронил наводящее дрожь кушанье обратно.

— Помнишь госпожу Стейну? — хрипло спросил Мораддин.— Представь, что бы случилось с тобой, если бы тебе на обед подали ее саму в зажаренном виде?

— Был бы голодный — съел,— хищно осклабился Конан.— Моя старая приятельница неплохо откормилась в Султанапуре!

— Варвар,— с отвращением бросил Мораддин, отодвигая латку с летучими мышами.— Черствый дикарь, равнодушный ко всему, кроме собственного кошелька и желудка!

Томэо не без интереса слушала перепалку приятелей.

— Неправда! — возразил Конан.— Варвар — да, не спорю. Но выше золота и хорошей еды я всегда ценил добрую драку и красивых женщин!

Спор опять грозил перерасти в долгое и нудное выяснение, кто здесь варвар, а кто нет. Но вошедших в раж киммерийца и его спутника неожиданно прервал голос появившегося в дверном проеме Торинги Тайса:

— Вам тут весело, как я погляжу? — Глава семьи прошел в комнатку и сел, скрестив ноги, напротив Томэо.— Теперь я жду рассказа о смерти Кисо, дорогая племянница. Кроме того, хотелось бы побольше узнать об этих странных иноземцах. Кстати, почему император Готоба объявил в стране шейрам на тебя и твоих... друзей?

Глава шестая

— Невероятно! — сдавленным голосом произнес Торинга. Перед ним прямо на низком столе лежали три невзрачные вещицы — символы власти Империи. Меч, называемый в Пагане «кэн», яшма, именуемая «биуй», и круглое серебряное зеркало — «цзин-цза».

Короткий, словно игрушечный, меч представлял собой обычный стальной клинок с маленькой круглой гардой и рукоятью, обтянутой черной шершавой кожей. Кэн символизировал возмездие нечестивым людям, которое последует либо из рук земного владыки, либо от самого Нефритового Императора по окончании преступником круга телесной жизни.

Биуй — небольшой, всего с кулак обломок необработанной зеленоватой с темными вкраплениями яшмы — являлся олицетворением земного богатства и могущества повелителя.

И, наконец, зеркало цзин-цза. Эта вещь отражала для царствующего императора сны Спящего Божества, а заодно служила оружием, испепеляющим врагов.

Варвар, следует заметить, подозревал, что все предметы обладают некими магическими способностями, хотя в действии видел только зеркало.

— Потрясающе! — Казалось, Торинга, рассматривая знаки императорского достоинства, потерял способность говорить внятно. Томэо выложила вещи из мешка довольно давно, желая похвастаться перед дядей своими сокровищами, и тот застыл, будто пораженный молнией. Конану становилось понятно, почему в стране объявлен шейрам — всеобщий розыск преступника. Престарелый Готоба не мог называться повелителем без яшмы, меча и зеркала.

Стоит ли говорить о том, что волшебные предметы некогда были сделаны самим Нефритовым Императором, еще во время его жизни среди людей!

— Девочка моя, — наконец проговорил Торинга. — Ты вернула семье драгоценности, искони принадлежащие Тайса! Теперь я, как старший в роду и наследник древних владык, могу называться старшим сыном Спящего Бога и императором Патана!

«Вот это поворот! — мелькнула мысль у варвара. — Дядюшка решил прибрать эти штучки к рукам!»

Предположение Конана оказалось верным. Томэо, услышав слова Торинги, замерла, побледнела и едва смогла выдавить:

— Дядя... Последним императором был Кисо, мой жених! Я должна наследовать ему! Я владычица!

— Вы не успели пожениться, — холодно ответил Торинга. — Поэтому ты не можешь получить титул. Обещаю, ты займешь самую высокую должность при дворе, но с этой минуты император Пагана — я, как самый старший в нашей семье! Ты ведь не пойдешь против законов клана Тайса?

— Нет, — прошептала Томэо и поклонилась. Варвар заметил в ее глазах злую искорку. — Приветствую тебя, повелитель!

— Идите за мной! — Торинга с благоговением взял со столика все три предмета и оглядел присутствующих. — Чужеземцы, вернувшие мне трон предков, могут просить любое вознаграждение.

Мораддин, рассказавший Торинги историю появления в Пагане его самого и

«благородного Конана», несколько опешил и изрек:

— Господин, мы с другом хотели бы вернуться обратно, в страны заката. Вот наша просьба...

— После! — махнул рукой новый император. Томэо скрипнула зубами.— Идемте, идемте! Я должен объявить всем о радости, постигшей семью Тайса!

В главном зале дома Торинга приказал стражникам собрать на площади у ворот всех людей, находящихся в крепости. Слуги со всех ног кинулись исполнять поручение, а Конан с грустью посмотрел на обиженную красавицу. Еще бы! Рисковать жизнью, потерять жениха, избежать стольких опасностей ради того, чтобы родной дядюшка отобрал принадлежащие ей по праву атрибуты верховной власти! Ни один киммериец такого не потерпел бы, сразу полез бы в драку... Однако законы чужой страны нужно уважать, и потому Конан держал язык за зубами.

Вскоре на обширной площадке у дома начал собираться народ. В основном воины, немного женщин, монахи из братств Дарумы, а также члены семьи Мориту в фиолетовой одежде, приехавшие в Баолэй Тайса из соседней провинции. Когда скопилось не меньше тысячи человек, Торинга, ждавший на веранде с резными деревянными панелями и картинами на шелке, покинул свое кресло, вышел на верхнюю лестницу и поднял руки, требуя тишины. Толпа мигом утихла, и глава клана Тайса, взяв из рук одного из приближенных символы, воздел их над головой на вытянутых руках.

— Смотрите! — выкрикнул он.— Нефритовый Император вернул нам свою милость! Моя племянница Томэо Тайса, невеста Кисо Мориту, привезла отнятые у узурпатора Готovy священные меч, яшму и зеркало! Теперь наш клан снова властвует над Патаном! Сегодня, когда все вы слышите мои речи, я, Торинга Кобаяси Тайса, провозглашаю себя пожизненным властелином Пагана, ибо на то есть соизволение Спящего Бога и его жены Омитасу!

Народ некоторое время безмолвствовал и вдруг взорвался неопишуемой бурей восторга. Над головами воинов сверкали выхваченные из ножен клинки, женщины визжали от радости, а монахи в оранжевых балахонах немедленно затянули заунывный гимн Нефритовому Императору. Даже люди из семьи Мориту радовались и выкрикивали поздравления новому повелителю. Сочувствуя Томэо, варвар держал ее за руку. Похоже, из всей семьи только ее не восхищала пламенная речь Торинги.

— Брось! — прошептал на ухо девушке Конан.— Разве плохо быть приближенной императора? Ведь ты женщина, а трон лучше занимать мужчине...

— Неправда! — тихо ответила Томэо.— Омитасу покинула круги этого мира на двадцать лет позже своего божественного супруга и все эти годы царствовала счастливо, разумно и милостиво. Во времена ее правления народ жил в Золотом Веке... Ей наследовала дочь Миотэрасу, а той — внучка. Женщины правили Паганом двести семьдесят лет кряду! Все они мои далекие предки. Чем я хуже?

— Ничем,— согласился Конан.— Хочешь вернуть себе вещишки? Я тебе помогу. И Морадин тоже. Он очень хороший человек и терпеть не может, когда обижают женщин.

— Значит, теперь у меня два врага,— тоскливо вздохнула Томэо.— Проклятый Сутари и родной брат моего покойного отца. Без твоей помощи мне их не одолеть. Конан, ты подумай, по-настоящему теперь в Патане три императора: Торинга, Готоба и я...

— Больше — не меньше,— легкомысленно заметил варвар.— Я тебе скажу вот что... Киммерийцы всегда держат слово, а потому сделаем так: ты, Томэо, станешь королевой,

тьфу, императрицей, а когда возьмешь власть, найдешь способ отправить нас с Мораджином обратно. Идет?

— Договорились,— почти беззвучно сказала девушка.— Давай послушаем моего дядю.

Торинга, во всеуслышание посулив, что «налоги будут снижены, а вольности последуют», изрек следующее:

— Я повелеваю всему ополчению семьи Тайса из всех деревень, поселков и крепостей нашей провинции к завтрашнему утру быть при полном вооружении возле Баолэй Тайса! Немедленно будут посланы гонцы к главе клана Мориту, с приказом привести войско к Среднему ущелью, разрезающему хребет Абукума! Западная Столица и узурпатор Готоба вместе со своим прихвостнем Сутари будут повержены через три дня! Йомо!

Толпа дружно проревела последнее слово Торинги. Видимо, это был боевой клич семьи.

Император повернулся и ушел в дом. Киммериец, отдав Томэо на попечение Мораджины, бросился вслед и нагнал Торингу в парадном зале.

— Прости, повелитель.— Конан подобострастно склонил голову.— Помнишь, мы тебе говорили об алтаре в покинутом храме?

— Конечно,— ответил царственный дядя красавицы Томэо.— Что ты хочешь?

— Скажи...— Варвар склонился еще ниже, всячески демонстрируя учтивость.— Нет ли в Пагане могучего волшебника, способного сделать так, чтобы мы с почтеннейшим Мораджином снова очутились в нашей стране?

— Есть,— усмехнулся Торинга.— Его имя — Сутари Барата, помощник самозванца Готобы. Предлагаю сделку. Ты и твой друг — бывалые наемники, наверняка у вас за плечами немало переделок. Я прав?

— Безусловно,— осторожно подтвердил Конан.— Смотря что называть переделками... Каково твоё предложение, мой господин?

— Поймайте мне волшебника Сутари, а я заставлю его перенести вас в любую точку мира. Он может. Согласен?

— Согласен,— скрепя сердце уступил варвар. Значит, лучший маг этой страны — заклятый враг Томэо и ее дядюшки, а, кроме того, он отдал приказ о розыске чужестранцев, перебивших отряд стражи. Все-таки придется ехать через Кхитай и Вендию... Однако невыполнимых поручений не бывает. Просто надо действовать с умом.

— Замечательно.— Торинга широко улыбнулся, показав два ряда крупных белых зубов.— Завтра на рассвете мое войско отправится к Западной Столице. Вы поедете с нами.

— А Томэо поедет? — спросил Конан, опасаясь, что император оставит свою опасную сподвижницу в крепости.

— Она любит битвы.— Рот Торинги растянулся еще шире.— Пускай повоюет... Прошло немногим более суток. Выступившая поутру из Баолэй Тайса маленькая армия, предводительствуемая новым императором Патана, до заката миновала всю провинцию и вышла к просторному ущелью, по дну которого протекала широкая и полноводная река с совершенно непроизносимым названием Омихатиман. Впрочем, Томэо, ехавшая вместе с Конаном и Мораджином, называла ее просто Оми.

Сюда, в назначенное Торингой место сбора, должны были вскоре прибыть отряды союзной семьи Мориту. Глава этого клана передал через гонца, что ополчение появится к утру, и поэтому Торинга отдал приказ разбить лагерь и отдыхать. Всего, по оценке варвара, в войске Тайса было примерно три тысячи человек, и если Мориту приведет столько же, то к стенам Западной Столицы подступит довольно сильная армия. Томэо по пути рассказала

Конану, что в Пагане любой ребенок мужского пола, будь он крестьянином или благородным, с пеленок обучается военному искусству. Именно искусству, а не ремеслу — Паган не воюет с соседями, владеть же холодным оружием следует просто для развлечения и отдыха. В деревнях и крупных поселениях любимое зрелище — никогда не доходящие до крови шуточные поединки между лучшими воителями. А иногда деревенские богатыри всего лишь втроем или впятером выходят биться с речными или горными драконами.

Маленькая группа заговорщиков, состоящая из Конана, Мораддина, Томэо и ее родных братьев, оказавшихся в войске Торинги, образовалась, как только слуги разбили палатку для племянницы императора. Братьев у красавицы было четверо, и каждый имел в подчинении полторы сотни воинов. Познакомив сыновей Асаки Тайса с друзьями из дальних земель, Томэо рассказала, что именно она придумала.

Перво-наперво необходимо овладеть столицей, любым способом обезвредив волшебника Сутари. Эту миссию будущая императрица возложила, конечно же, на Конана, который вместе с Мораджином должен будет в ночь перед штурмом проникнуть в город и с помощью верных людей, живущих в квартале Розовой Цапли, пробраться во дворец. Мораджин вздыхал и твердил, что задача невыполнима, однако Томэо не желала даже слушать его возражений. Убив, а лучше пленив мага, Конану следует оставаться в укромном уголке дворца, ждать, пока армия возьмет город. Четверым братьям в плане отводилась такая роль: старший, Горисакава, вместе с верным ему отрядом захватит Торингу и сокровища трона, а трое младших окружают шатер низложенного императора и не дадут сторонникам Торинги освободить его. План простенький, можно даже сказать примитивный, но действенный.

На том и порешили. Мораджин, одарив Конана испепеляющим взглядом, ушел спать в палатку Горисакавы, большого знатока искусства Дарумы (оттого-то старший брат Томэо и бывший начальник туранской гвардии мигом нашли общий язык), а варвар с красавицей остались наедине.

— Надеюсь, у нас все получится,— неуверенно произнесла Томэо, разглаживая пальцами черные волосы киммерийца.— И дядя ничего не заподозрит...

— Ай-ай-ай,— попенял ей Конан.— Разве приличные девушки роют яму главе собственной семьи? Что скажет Нефритовый Император своей наследнице, а?

— Он скажет, что я умная,— без тени сомнения заявила Томэо.— Закон на моей стороне. Я отобрала меч, яшму и зеркало у Готобы. Он, старый безумец, убегая от войска моего жениха, забыл вынести из дворца священные предметы. Первый человек из царственной семьи, заявивший права на трон, становится властелином... Конан, давай лучше отдыхать. Нам предстоит три тяжелых дня.

— Отдыхать! — воскликнул киммериец.— Детка, твой дядюшка тоже обещал исполнить любое мое желание, если я добуду ему первого министра живьем. Теперь и ты требуешь, чтобы я пробрался в незнакомый город, поймал Сутари и держал его связанным до вашей победы! Почему мне всегда достаются самые опасные поручения?

— Я тебе говорила о Предназначении,— промурлыкала Томэо, незаметно расстегивая куртку варвара.— Оно есть и у тебя и проявляется в разных тяготах, выпадающих на твою долю. А сейчас я хочу, чтобы ты забыл о Предназначении и думал только обо мне...

Конан и Томэо уютно расположились на расшитых шелковыми нитками подушках и отдались под покровительство богини Иштар. Игра продолжалась долго, а потом уставшая Томэо предложила киммерийцу искупаться в реке. Они покинули шатер и осторожно

двинулись к берегу через спящий лагерь. Внезапно девушка остановилась, схватила Конана за запястье и вытянула левую руку.

— Посмотри вон туда, чуть левее факела над палаткой жрецов и правее дерева! Ты ничего не видишь?

Поглядев в указанном Томэо направлении, Конан обнаружил чуть светящуюся зеленым тень, скользящую у ствола высоченного раскидистого дерева. Прозрачный человеческий силуэт бесшумно перемещался в воздухе. Он направлялся к Конану и Томэо.

— Ложись! — шикнул варвар.— Это обычное привидение.

— Какое еще привидение? — Девушка рухнула в высокую траву рядом с Конаном.— Посмотри на его одежду! Великая Омитасу, это же дух Сутари!

— Если это дух, значит, ваш министр помер,— рассудил киммериец, пока призрак в расшитой драконами невесомой бесцветной накидке проплывал мимо. Призрак летел в сторону реки и вскоре исчез из виду.

— Наши маги умеют во сне отделять дух от тела и, перемещаясь на огромные расстояния, следить за недругами,— все так же шепотом сказала Томэо.— Сутари увидел армию Тайса и теперь готовится к встрече!

— Ладно,— Конан встал и отряхнулся.— Пошли купаться. Дух не может повредить человеку, а до встречи с почтенным министром у нас еще целые сутки.

... Обнаженные, они вошли в теплую, будто специально подогретую, воду и долго плавали при свете луны и звезд. Неожиданно варвар открыл, что служение богине любви Ишгар в чистой как слеза проточной теплой воде куда приятнее, чем в душном и тесном шатре. А потом Конан и Томэо решили отдохнуть, плавая на спине в небольшой заводи. И сразу варвар ударился правой лопаткой о твердое.

— Нергал и его демоны! — вполголоса выругался он.— Томэо, здесь камень, осторожнее.

«Камень» вдруг двинулся вверх и поднялся над гладью реки. Киммериец, взяв Томэо за руку, отплыл к берегу на полдесятка локтей, оглянулся и обмер. Оказывается, он стукнулся не об огромный булыжник. Прямо перед людьми высилась покрытая крупной чешуей драконья морда шириной с торс Конана. Глаза величиной с кулак взрослого мужчины, если не больше, отсвечивая зеленым в лунных лучах, недоумевающе уставились на влюбленную парочку.

— Извини,— севшим голосом сказал ящеру варвар и покосился на Томэо.— Поплыли отсюда, а?

— А-а...— невнятно простонала красавица.— Не шевелись, он замечает движение...

Конан, нащупав пальцами ног песчаное дно, постарался исполнить приказ Томэо, но прежде крепко прижал ее к себе. Дракон, поведив взглядом туда—сюда, зашипел, точно кобра, высунул из пасти темный раздвоенный язык, выпрямился и прошествовал на берег, поднимая огромные волны.

— Хотел посмотреть на взрослых речных драконов? — с нервным сарказмом шепнула Конану девушка.— Пожалуйста.

— Великая Ишгар! — Варвар сам не заметил, как помянул имя богини, которую уважал, но которой не поклонялся.— Ну и переполох он сейчас устроит в лагере! Ты говорила, речные драконы жрут все подряд?

Неповоротливое четвероногое чудище стояло на усыпанном галькой берегу и будто бы размышляло. Не видеть редкие факелы и угасающие костерки в лагере войска Тайса дракон

не мог. Переваливаясь, зверюга пошла вперед, и в тот же миг завопили благим матом караульные, заметившие в темноте чешуйчатую зубастую тварь.

— На берег! — скомандовал Конан.— Мы у дракона за спиной, он нас не заметит. Отыщи одежду!

А стан уже наполнился криками перепуганных людей и утробным рычанием вышедшего на охоту водяного ящера...

Речной дракон мало походил на своих сородичей, обитающих в полуночных странах — в горах Асгарда, пустошах Гипербореи и боссонском Ямурлаке. В холке он достигал локтей десяти, передние лапы заканчивались изогнутыми, как туранские сабли, зеленоватыми когтями, а задние более смахивали на широкие ласты: речные драконы, как явствует из названия, жили в воде и лишь изредка выбирались на берег поохотиться или погреться на солнце.

Учув многочисленную и легкую добычу, ящер пополз через лагерь, круша палатки и стараясь ухватить зубами людей. Благодарение Митре, речные драконы были довольно неповоротливы, у них отсутствовал орган, дающий знаменитое на весь свет «драконье пламя», а потому многим воинам армии Тайса удалось бежать или затаиться. Однако дракон чувствовал, что добыча рядом, и отказываться от нее не собирался. В реке водилось слишком мало крупной рыбы для насыщения его бездонной утробы.

В дракона кидали копьями, несколько самых отчаянных храбрецов пытались распороть ему брюхо, другие стреляли из луков по глазам... Бесполезно. Толстая ороговелая чешуя, покрытая вдобавок речными водорослями и ракушками, надежно защищала монстра от оружия людей. Дальше всех не отступали лучники, надеясь ослепить его или всадить стрелу в небольшое отверстие над скулой или ухом. Чудовище не слишком хорошо видело, зато слышало малейшее движение и бросалось на него.

Конан и Томэо быстро натянули на себя одежду (благо ее было немного — у варвара лишь кожаные штаны, а у наследницы императорской короны длинный голубой кафтан со знаками рода Тайса) и со всех ног понеслись вокруг лагеря к своей палатке и шатру брата Томэо Горисакавы. Мораддин, по своему обыкновению спокойный и невозмутимый, встретил их шагах в десяти от палатки.

Дракон осерчал на атакующих воинов Торинги и с раскатистым ревом принялся крушить все вокруг, сбивая своих недругов толстым шипастым хвостом.

— Где вас носило? — тихо осведомился Мораддин.— Я подумал, вы уже съедены.

— Купались,— коротко ответил киммериец.— Что теперь будем делать?

— Одна такая тварь,— заметила Томэо,— может за ночь затоптать целый поселок в пять сотен человек. Если обычных зверей только голод толкает на убийство, то речной дракон уничтожает всех подряд ради удовольствия...

— Его можно убить? — сдавленным голосом произнес киммериец.— Учти, дорогая моя, если ящер перебьет часть армии, не видать тебе императорского трона.

— Можно,— резко кивнула Томэо.— Самая тонкая чешуя у него на шее, сразу под головой. Еще дракону можно повредить уши или глаза, он обезумеет от боли и уберется. Ты что, хочешь сразиться?

— Не хочу,— буркнул варвар.— Ты недавно болтала о моем Предназначении? Вот, пожалуйста, лишнее подтверждение твоим словам. Мораддин, пойдешь со мной?

— Конечно,— с неожиданной готовностью согласился Мораддин.— Никогда не дрался с драконами, мне даже интересно.

— Эй,— возмутилась Томэо и, нырнув в палатку, нашла у матерчатой стены свой меч.— Куда без меня?

Все трое направились к ворочавшейся почти в центре лагеря огромной туше, которую окружили самые смелые воины семьи Тайса. Там же были братья Томэо и ее дядя Торинга. Зверь как раз доедал одного из телохранителей императора. Несчастный подошел слишком близко и не успел отскочить, когда дракон, выгнув шею, метнулся вперед и вонзил прямые треугольные зубы в человеческое тело. Остальные, видя, какая участь постигла их товарища, попятились и образовали вокруг ящера ошестиненное сталью живое кольцо. Дракону, однако, было все нипочем — отведав крови, монстр раззадорился и восвояси не собирался. Треугольная голова поворачивалась из стороны в сторону, все, что шевелится, ящер считал своей добычей.

Конан, увлекаемая за собой Морадина и Томэо, пробился сквозь неплотный строй ополченцев семьи Тайса и оказался чуть правее ящера. В этот момент чудище как раз дернулось в противоположную сторону, чтобы поймать человека, метнувшего ему в голову копье. Копье отскочило от чешуи под драконьим ухом, а неизвестный смельчак успел вскрикнуть, прежде чем его раздавили огромные челюсти.

— Томэо, Морадин, сумеете его отвлечь? — хрипло спросил киммериец, глядя, как дракон заглатывает свою жертву.— Я попробую вскочить ему на спину и перерезать горло...

Не дожидаясь ответа, Конан рванулся вперед, легко вспрыгнул на основание хвоста речного ящера, уцепился за костистый гребень на его спине и осторожно пополз к драконьей шее. Зверь не обратил внимания на прыгающую по его спине двуногую мелочь, он высматривал на земле новые жертвы.

Морадин, всегда идущий в бой без рассуждений, с одной лишь целью: победить и помочь товарищу, выскочил из охваченной страхом толпы, прямо к морде зверя. В тот же миг чудовище повернуло к нему окровавленную пасть и сверкнуло горящими глазами.

Белая летучая мышь сорвалась с плеча хозяина, поднялась высоко над ящером и тончайшим писком попыталась удержать Морадина от необдуманных, как ей казалось, действий. Сам бывший начальник тайной стражи Илдиза творил чудеса: невероятное владение собственным телом, удивительная быстрота реакции и воспитанная с детства учителем-кхитайцем выдержка помогли ему остаться в живых и на этот раз. Дракон, бросаясь на Морадина, щелкал челюстями в пустоте, хотя всего миг назад в этом месте находился невысокий бородатый человек, который теперь спокойно стоял в шести шагах поодаль. И снова зверь пытался его поймать, но потомок гномов выписывал в воздухе невероятный кульбит и опять оказывался в стороне, дразня зеленое чешуйчатое существо.

Наконец дракону надоело кидаться за неуловимой тенью, и он решил прибегнуть к охотничьей хитрости, о которой Томэо забыла предупредить Морадина и Конана. В подчелюстных мешках ящера таилось оружие, не уступающее огненному дыханию летучих драконов Полуночи — самая обычная вода.

Мощные мускулы резко сдавили наполненные речной водой мешки, и на этот раз Морадин не успел отскочить. Тугая струя сбила его с ног, отбросила шагов на пятнадцать и впечатала в мигом размякшую от влаги землю. Перепугавшись за хозяина, белая мышка спикировала с высоты в пятьдесят локтей. Дракон двинулся к увязшему в грязи Морадину...

— Эгей, скотина! — раздался звонкий голос Томэо.— Я здесь! Попробуй поймай меня!

Чешуйчатая тварь обернулась на зов и увидела справа от себя человека, который стоял на чуть согнутых ногах и размахивал руками. Дракон тотчас потерял из виду замершего

Мораддина и ринулся на подвижный силуэт.

Конан тоже не бездействовал. Сначала вскарабкался по широкой и скользкой спине ящера, а затем, держась за растущие из шеи костяные шипы, полез к голове. Предстояло самое трудное: подняться по длинной, в шесть локтей, гладкой шее и пробить мечом тонкую кожу возле головы. Держаться приходилось обеими руками, а значит, он никак не мог достать тяжелый меч.

Спасительное решение пришло неожиданно. Конану вдруг вспомнилось, что драконы (заметим, все драконы: огнедышащие, ледяные и обитающие в водах) не столько живые существа, сколько порождения вездесущего Сета. Нет, безусловно, ходят слухи о драконах, происходящих от иных прародителей, как, например, встретившиеся ему лет пять назад, еще во время службы у Илдиза, крылатые и совсем не злые драконы. Водились они в полуночных районах Кхитая...

«Если эта тварь — наследие Сета, значит, на нее должен подействовать подарок шейха аль-Баргэми,— подумал Конан, подтягиваясь на острых шипах, торчащих из кожи монстра.— Может, пригодится волшебный клинок?»

Варвар левой рукой выхватил изготовленный великим магом Разном Танасульским кинжал и стиснул лезвие зубами. Когда дракон накинута на Томэо, киммериец был уже возле громадной головы чешуйчатого речного обитателя. Конан, обхватив шею дракона левой рукой и ногами, правой схватил кинжал, уже успевший порезать ему губы. Удар пришелся точнехонько в пульсирующую под кожей толстую жилу.

Как ни странно, рукоять клинка, обычно нагревавшаяся в битвах с темными силами, на этот раз осталась холодной, и обошлось без загадочного свечения, которым лезвие встречало порождения зла. Ящер дернулся, из глубокой раны выплеснулась прохладная струя темной крови, и дракон, в агонии замотавший головой, отбросил Конана далеко в сторону.

Варвару повезло, он приземлился точно на крышу большой палатки новоявленного императора Торинга, и плотная ткань смягчила падение. Конан провалился вниз, прямо на пуховые подушки, и ударился виском о священную яшму, лежавшую вместе с мечом и зеркалом в изголовье ложа владыки Патана. Сам Торинга, которому нельзя было отказать в воинской доблести, находился рядом с издыхающим драконом.

Пятеро охранников сразу ворвались в шатер, но, обнаружив перед собой героя, в одиночку сразившего речного дракона, помогли Конану встать. Варвар с подозрением и любопытством осмотрел сокровища трона и подумал, что Торинга — круглый болван.

Дядя смелой красавицы мог бы запросто отразить волшебным зеркалом свет луны и звезд и испепелить ящера за несколько мгновений... Глава семьи Тайса, безусловно, знает о магических свойствах созданных Нефритовым Императором предметов! Все-таки Торинга вряд ли достоин императорского титула.

Вежливо, но непреклонно выставленный охранниками из императорского шатра, Конан побежал к месту поединка со змеем. Земля вокруг дракона была обильно полита его кровью, воины Тайса кричали свое «банзай!», радуясь победе, и добивали чудище, окружив его со всех сторон. Мораддин, с ног до головы вымазанный липкой глиной, и бледная Томэо стояли поодаль.

— Привет, ребята! — помахал им рукой Конан.— Славно я полетал по милости этого зеленого пугала! Мораддин, теперь твоя очередь купаться.

Летучая мышка, кружившая над хозяином, не решилась опуститься на его грязную одежду, видимо, боялась испачкать белоснежную шерстку, и поэтому облюбовала для отдыха

Конана. Острые коготки больно впились в кожу, но варвар только улыбнулся и погладил указательным пальцем загривок верной зверюшки. Все-таки врут люди, будто летучие мыши — порождение сил тьмы! Такое существо получше любой собаки!

— Это звучит странно,— буркнул Мораддин.— Но мы все остались живы. Столь безумной авантюры я не припоминаю с тех пор, как по приказу визиря Аграпурского мой отряд преследовал караван торговцев серым лотосом неподалеку от Хоарезма...

— Пропустите меня к ним! — послышался резкий голос, и самопровозглашенный император Торинга с отрядом телохранителей подошел к неутомной троице.— Благодарю! Вы спасли не только мое войско, но и мою честь! — воскликнул он. — Теперь я снова требую, чтобы вы изъявили ваши желания. Император выполнит просьбу победителей речного дракона, которому наверняка было не меньше двух сотен лет! Сами подумайте, какой позор лег бы на мою голову, разойдись по стране слух о том, что войско Тайса было разбито чешуйчатым пожирателем пескарей!

— Та-ак...— протянул варвар.— Первое наше желание ты уже знаешь, а второе будет таким: подари нам с Мораджином кусок золота величиной с голову быка! Устраивает?

— Конечно! — Торинга хлопнул себя ладонью по бедру.— Как только возьмем столицу и ты поймаешь Сутари, я прикажу выдать тебе два слитка оговоренного размера. Если хочешь, получишь любые другие сокровища, равноценные весу этого золота!

— Сутари? — пробормотала Томэо.— Его призрак? Великая Омитасу, не проклятый ли волшебник натравил на нас водяных драконов?

Глава седьмая

Правый берег реки, именуемой жителями Патана Омихатиман, или попросту Оми, к рассвету седьмого дня пребывания Конана и его друга из рода подгорных гномов в далекой стране у самого края мира представлял из себя весьма дивное зрелище.

Двое речных драконов — один серого цвета, а другой голубоватого — ночью обезглавили своего собрата, убитого человеком, и теперь справляли на его останках кровавую каннибальскую тризну. Громадные звери ворчали друг на друга, отрывали от туши куски светло-розового мяса и изредка посматривали в сторону, где шевелились мелкие и невкусные двуногие букашки...

После ночного нападения Торинга приказал перенести лагерь на полтысячи шагов от реки. Речные драконы жили семьями, на одну самку приходилось три-четыре самца и в два раза больше детенышей. Если бы стан атаковали несколько драконов, то войску, чтобы спастись, пришлось бы рассеяться по лесу. В таком случае штурм столицы задержался бы на полную седмицу.

Конан не только сразил выползшее из речных волн зубастое чудище, но и отвлек внимание появившихся вскоре двух его братьев. Драконы не стали преследовать юрких людей, запах крови привлек их к неподвижному телу родича, способному насытить обоих.

Перед самым рассветом, когда драконы выползли на берег, варвар решительно заявил своим друзьям, что устали убивать этих двоих тварей отказывается. В конце концов, воины Торинги получили неплохой наглядный урок по истреблению речных ящеров и теперь вполне могут справиться сами. С этими словами Конан быстро снял палатку Томэо, навьючил ее на свою лошадь и, не слушая Морадина, бурчавшего что—то вроде «пойдем еще поохотимся», двинулся в сторону леса. Там, найдя неплохую широкую поляну, расположился вместе с усталой и еще не пришедшей в себя от испуга красавицей.

— Они все еще там? — донесся из шатра голос Томэо. Варвар стоял, обнимая правой рукой дерево, и смотрел разыгравшееся у самой воды кровавое действо. Драконы успели наполовину обглодать скелет первого ящера до половины и теперь выглядели сытыми и довольными.

— Жрут,— бросил через плечо киммериец.— Послушай, что ты говорила ночью по поводу того призрака?

Томэо высунула голову из-за полога, протерла глаза и уставилась на Конана.

— Сутари неспроста ходил среди наших шатров. Его тело отдыхало, а дух действовал! Маг вполне мог противопоставить нам силы природы. С помощью колдовства Сутари приказал несмышленным ящерам напасть на стоянку, и будь драконы поумнее, они бы рассеяли или перебили войско Тайса.

— Знаешь,— Конан широко зевнул, не сводя глаз с огромных зверей, ссорящихся у реки из-за большого куска мяса,— ваши речные ящеры совсем не страшные. Если хочешь, потом расскажу про огнеды...

— Томэо, он все равно тебе наврет,— раздался поблизости голос Морадина.— Вы устроились в сторонке от главного лагеря, а я остался с твоим братом, прекрасная госпожа.— Бывший гвардеец продрался сквозь заросли на поляну и критически оглядел Конана, который до сих пор не удосужился одеться, как следует.— Совсем недавно со стороны болот пришло ополчение Мориту. Оно остановилось в полулиге к закату.

— Сколько людей? — сразу деловито поинтересовалась Томэо.

— Немногим больше двух тысяч, — ответил Мораддин. — Собирайтесь. Объединенное войско пойдет по долине к Западной Столице. Выступаем за два колокола до полудня.

Конан, неоднократно бывавший в Зингаре и Аквилонии, понял, что подразумевал Мораддин: в странах заката некие умельцы изобрели штуковину, называемую «куранты». Это механическое устройство намного превосходило в точности измерения времени солнечные и водяные часы, известные даже в Киммерии и Асгарде. Куранты отбивали время через равные промежутки и за несколько лет успели распространиться до Турана. «Два колокола» означали, что до отправления в путь еще можно подогреть еду и не торопясь сложить все вещи, валявшиеся в беспорядке после ночной схватки с драконом.

— Хорошо, — сказал Мораддин. — Вы поторапливайтесь, а я пойду к Горисакаве. Мы хотели утром отработать несколько интересных движений, которые твоему, Томэо, брату показал один монах Дарумы. Они позволяют ладонью отбивать прямой удар меча, если, конечно...

— Иди, иди. — Конан замахал руками. Если Мораддин начнет распространяться о своих обожаемых боевых искусствах, его будет не остановить.

Сын гнома обиженно умолк, прикрыл плащом мышку, вылезшую оглядеться, и снова исчез в кустах.

Томэо — не только прекрасно обученная воительница, но и неплохая стряпуха — бросила в котелок несколько кусков сушеного мяса и поставила его на костер, разведенный варваром. Они вдвоем позавтракали, Конан, чтобы взбодриться после бессонной ночи, не морщась, осушил половину баклагы с рисовым вином, сноровисто убрал шатер, превратившийся в его умелых руках в маленький сверток, и забрался в седло.

— Считай, что твой путь к трону Нефритового Императора начался с этой полянки, — с серьезным выражением на лице сказал киммериец. — Потом приведешь сюда внуков, чтобы показать старое кострище и поведать об одном варваре из очень далекой страны...

— Внуков? — нахмурилась Томэо. — Не только моих... Видишь ли, монахи Дарумы обладают даром определять зарождение в чреве женщины новой души...

— И что? — невинно переспросил Конан.

— Перед выездом из Баолэй Тайса меня осмотрел жрец, — нервно улыбнулась Томэо. — Уже несколько дней я ношу ребенка. Твоего, между прочим.

— Начинается, — неслышно для девушки буркнул варвар и добавил уже громче: — Вот и прекрасно, у императрицы будет наследник. А я, если придется однажды бежать куда подальше из королевств заката, всегда смогу найти убежище под крылом собственного сына.

— И это все, что ты хочешь мне сказать? — изумилась Томэо. — Бездушный дикарь!

— Да, — с притворным огорчением опустил голову Конан. — Именно так — бездушный дикарь. Не расстраивайся, если Кром и Митра пожелали видеть в мире новое существо, значит, ни ты, ни я в этом не виноваты. Буду рад, если однажды на престол Пагана сядет человек, являющийся по отцу киммерийцем. Кстати, а ты уверена, что забеременела именно от меня?

— Я не занималась любовью с Кисо, моим женихом, — холодно ответила Томэо. — И ты, дубина, мог бы и заметить, что раньше я была непорочна. Хватит болтать о ерунде, поехали! Впрочем, я была бы не против видеть тебя моим мужем...

«Еще не хватало! — мелькнула у Конана мысль, и сразу вспомнилось волшебное сокровище джавидов, у которого он попросил королевский венец. Нейглам, древняя реликвия

гномов, исполняла любое желание...— Великие боги, Митра, Кром, Эрлик и даже Нергал! Что, если дурацкий кувшин бородатых карликов начинает выполнять обещание? Я согласен стать королем Немедии, Аквилонии, Зингары или, на худой конец, Шема, но здесь?.. Только не это! Захудалое государство, малочисленный народ, вольные кланы, постоянно грызущиеся друг с другом... Не дождетесь!»

Миновав заросли лиан и неизвестных варвару колючих растений с роскошными розовыми цветами, они вышли к лагерю, который бежавшее от драконов ополчение Тайса разбило возле самой опушки. Место, где находился император Торинга, было окружено многочисленными знаменами с разноцветными ленточками и лисьими хвостами, а также белыми шелковыми штандартами с эмблемой семьи Тайса — круглым багровым солнцем, испускавшим во все стороны широкие лучи. Пока слуги снимали шатры и навьючивали походный скарб на лошадей, император разговаривал с человеком средних лет, облаченным в фиолетовое. Томэо успела шепнуть Конану, что это Саката Омагари Мориту, старейшина союзного клана. Здесь же оказались Морадин и подружившийся с ним Горисакава Тайса, лучший воин ополчения семьи.

Монахи Дарумы били в бубны и хриплыми голосами распевали гимны в честь Нефритового Императора, Омитасу и бога по имени Хатиман, покровительствующего сражениям; телохранители Торинга уже садились на коней; прочие ополченцы снимали лагерь, а прислуга из мальчишек и женщин сновала туда-сюда, добавляя суматохи. Драконы, пиршествовавшие в тысяче шагов, не обращали на людскую кутерьму ни малейшего внимания.

Когда Мориту ушел к своим, Торинга обернулся к выжидательно молчащему Конану, за спиной которого стояла Томэо. Император помолчал, хитро посматривая то на варвара, то на девушку, а потом сказал:

— Полагаю, ты, чужеземец, хорошо провел время?

— Лучше не бывает,— улыбнулся углом рта Конан.— Столько веселья на мою долю не перепадало еще ни разу. Сначала стража Сутари, потом его же призрак, после драконы... Но я все равно рад служить трону Патана.

Конан сказал «трону Пагана», а не «императору». Видимо, Торинга это заметил, так как сразу помрачнел.

— Ты вернешься домой не прежде, чем нэйу-буджан Сутари окажется передо мной на коленях.

Торинга отвернулся, подошел к лошади и сел в высокое седло. Варвар его больше не интересовал.

— Домой,— невесело усмехнулся Конан.— А где мой дом?

Сутки и еще половина дня прошли довольно быстро. За это время объединенная армия семей Мориту и Тайса численностью в пятьдесят пять сотен воинов прошла через разрезавшее горный хребет ущелье. В пути она один раз подверглась нападению полусотни летучих голов рокубони, потеряв около девяти десятков человек. Наученные недавним опытом Конан, Морадин и Томэо старались держаться вместе; той ночью они укрылись в небольшой пещерке и потому не участвовали в ночной битве с летающими порождениями злой богини Кали. Остальные же люди пребывали в смятении и ужасе, пока розовые лучи восходящего солнца не окрасили небо и не прогнали прожорливые головы обратно в горы, где им предстояло спать до следующей ночи.

Затем был более легкий путь по равнине, через вотчины семьи Барата, вскормившей

нынешнего императора Готобу и его всемогущего министра — волшебника. Естественно, что деревни и хутора нещадно выжигались, но маленькие крепости оставались в тылу: штурмовать их — значит задерживаться на пути к Сы-Цзин, Западной Столице Пагана.

Стены города появились вечером второго дня пути, и за это время стража неоднократно докладывала повелителю, что ночами по стоянке ходил призрак, как две капли воды похожий на Сутари Барата. Привидение бродило неподалеку от палатки императора, наверняка оно пыталось разведать, где хранятся священные символы власти. Однако по ночам Торинга держал меч, яшму и зеркало при себе, а днем они лежали в его седельной суме.

Ворота столицы, занимавшей территорию не меньшую, чем блистательный Султанапур, естественно, оказались заперты. На стенах виднелись лучники и тяжеловооруженные солдаты стражи, а над главной башней крепости колыхалось знамя клана Барата: золотистый круг на красном поле, а в центре круга — свернувшийся кольцом дракон. Кроме того, меж зубцов, венчавших мощные стены города, мелькали люди в белоснежных хламидах — ученики магической школы Сутари. Волшебник набирал учеников только из своей семьи, и найти союзников среди младших магов старейшинам Тайса или Мориту было невозможно.

По традиции, Торинга выехал к самым воротам один, даже без телохранителей, и предложил переговоры. Защитники крепости отказались опустить среднюю часть моста, ответив на призыв гневными воплями. Стрелять, однако, не решились: переговоры — дело святое, и Нефритовый Император может жестоко покарать за нарушение короткого перемирия и убийство посланника. Впрочем, в законах ничего не говорилось о том, что в парламентаря нельзя швырять гнилыми фруктами, отчего Торинга вернулся к своим приближенным в несколько грязноватой одежде.

Когда воинство Мориту и Тайса обосновалось возле стен столицы, за немислимо короткий срок построив укрепленный лагерь с земляным валом высотой в половину человеческого роста, император собрал совет в своем шатре.

Пока план Томэо по низложению родного дяди претворялся в жизнь безукоризненно. Отряды братьев встали вокруг палатки Торинги, старший, Горисакава, вместе с Мораддином устроился и вовсе по соседству, да и Томэо с Конаном находились неподалеку, всего через пять шатров.

На совет Торинга пригласил не только командиров отрядов, но и племянницу, а также чужеземцев, которым поручалась важнейшая задача — захватить Сутари. Конан шел в палатку императора с нехорошим предчувствием, Мораддин тоже был хмур и неразговорчив.

— ...Завтра мы начнем штурмовать ворота.— Торинга сидел на плоской четырехугольной подушке, набитой конским волосом, и держал в правой руке священный меч Спящего Бога, а в левой зеркало. Яшма лежала у ног, как символ мирского богатства, попираемого стопами мыслящего лишь о вечном властелина.— Отряды Саката Мориту пойдут первыми.

Саката, глава союзного клана, человек с коротко стриженными волосами, тронутыми на висках сединой, удивленно поднял голову.

— Владыка,— осторожно начал он,— почему нельзя объединить самые опытные войска кланов и ударить вместе?

— Мы уступаем эту честь достойнейшему,— с ядовитой улыбкой молвил Торинга.— И потом, так хочу я, наследник Нефритового Императора.

— Восхитительно,— подала голос Томэо, стоявшая вместе с Конаном, Мораддином и Горисакавой у самого входа в шатер.— Тех, кто пойдет первым, ждет вечное блаженство в

царстве Спящего Бога. Но дальнейшая жизнь в кругу этого мира им вряд ли грозит...

«Кром,— подумал Конан.— Моя красotka что, зачинает ссору? В плане этого не было, и мы не договаривались столкнуть лбами ее дядюшку и союзников. Впрочем, если Томэо считает, что так нужно, значит, я буду ей помогать».

— Позвольте высказаться,— неожиданно заговорил киммериец.— Я в Пагане человек чужой, но неплохо смыслю в военном искусстве...

Мораддин покосился на варвара с откровенным презрением.

— ...Я участвовал во многих битвах повелителей заката,— продолжал Конан.— Одним из тех сражений был штурм форта Венариум.— Северянин умолчал, что тогда ему едва исполнилось всего пятнадцать лет и его вклад в победу киммерийского войска был весьма и весьма невелик. Конану тогда удалось сразить всего троих аквилонцев, и то лишь благодаря невероятной удаче.— Так вот, самыми первыми на штурм пошли люди из рода Черного Медведя...

— И что с ними стало? — напряженно спросил Саката Мориту.

— Они победили,— улыбнулся варвар.— Но род был полностью перебит.— И добавил как бы невзначай: — В живых остался лишь один человек. Совсем молодой. Ему просто повезло. С него Черные Медведи опять повели свою родословную...

Томэо едва сдержала смехок и незаметно толкнула варвара локтем, догадавшись, что он понял правила игры. Мораддин видел, что между союзниками назревает крупная ссора, и стоял, насупившись, но молчал.

— Я прошу императора предоставить нам два отряда из семьи Тайса по полторы сотни человек,— решительно сказал Саката.— Мы вместе возьмем ворота и вышвырнем из Сы-Цзин сумасшедшего Готобу и злобного Сутари.

— Мое решение окончательно.— Говоря эти слова, Торинга пожирал взглядом варвара, с лица которого не сходила саркастическая усмешка.— Или ты хочешь воспротивиться воле владыки Пагана?

Сопровождавшие старейшину Мориту воины из ближайшей его родни возмущенно зашептались. План Торинги был понятен даже полному дураку: Мориту своими телами вымостят путь Тайса в крепость, и все богатства столицы достанутся Торинге и его семейству.

— Все могут идти,— не терпящим возражений тоном сказал император.— Здесь останутся только три командира сотен, которые на рассвете начнут штурм.

Никто из клана Мориту не двинулся с места. Саката вдруг положил руку на рукоять меча и выдвинул клинок из ножен на два пальца.

— Я настаиваю на своей просьбе,— твердо сказал он, и Томэо снова пихнула варвара локтем.— Или мне придется спорить с тобой, Торинга, за право обладать мечом, яшмой и зеркалом. Наша семья тоже происходит от Нефритового Императора и имеет столько же оснований претендовать на его вечный престол!

Тут уже взялись за оружие телохранители Торинги вместе с ближайшими советниками. Варвар, Томэо и Мораддин неподвижно стояли у входа. Интересно было наблюдать за распрей среди союзников. Киммериец подумал, что завтра вообще никакого штурма не будет, потому что сейчас два семейных ополчения попросту передерутся между собой на радость колдуну Сутари.

— Я вызываю тебя на поединок! — выкрикнул Торинга прямо в лицо Саката.— Здесь же, на площадке перед шатром! Ты оскорбил власть императора, обвинив меня в

бесчестности!

— Пока жрецы Спящего Бога не пришли к согласию, что на троне будешь именно ты, называться повелителем ты можешь только в кругу своей семьи! — жестко сказал Саката.— И скажи, ты ли добыл драгоценности трона?

Томэо отчетливо фыркнула, но на этот звук никто не обратил внимания.

Торинга отложил в сторону меч кэн и зеркало цзин—цза, взял свой клинок, лежавший поодаль, и встал с подушки.

— Все решит поединок, — рявкнул он.— Пошли!

Все высыпали из шатра под темное звездное небо. Томэо дернула киммерийца за рукав и указала глазами на опустевшую палатку. Никем, кроме Мораддина, не замеченный, варвар осторожно обошел толпу, окружившую место поединка, и исчез в темноте.

Ранним утром по лагерю семей, восставших против Готобы и колдуна Сутари, пронесся слух, что ночью произошла смена предводителя, Торинга убит, Саката Мориту тоже, а заправляет всем принявшая знаки власти Томэо Тайса, бывшая невеста императора Кисо.

Вожди отрядов сразу после рассвета прибыли к палатке Торинги и, попросив аудиенции через окружившую шатер стражу, прошли за полог. Слухи подтвердились, хоть и не полностью. Томэо в красном родовом облачении действительно сидела на императорской подушке, держа в руках священные предметы, по правую руку от нее стояли два чужеземца: один высокий и темноволосый, второй низенький и коренастый. На плече последнего восседала белая летучая мышь и шипела, едва кто-нибудь из пришедших делал резкое движение. Рослый северянин почему-то все время ухмылялся.

Ночью произошло вот что. Торинга и возмущенный его подлостью Саката дрались на поединке. Каждый хотел победить, потому что главным призом выигравшему был императорский трон. Пока соперники махали мечами, а Томэо с Мораддином заговаривали зубы охране, Конан вспомнил молодые шадизарские годы, со спокойствием истинного сына Бела разрезал матерчатую стену опустевшего шатра Торинги и без всяких затруднений изъясил вещи, дававшие право на трон. Далее все обернулось как нельзя лучше для Томэо.

Сойдясь в яростной схватке, Торинга и Саката сильно изранили друг друга. Старейшина клана Мориту умер прямо на месте поединка, а император, потеряв много крови, упал без сознания и к утру был при смерти. Томэо, не дожидаясь, пока кто-то другой захватит власть, предъявила драгоценные вещи войску и объявила себя императрицей, наследующей Кисо и самому Спящему Богу.

Братья Томэо безоговорочно поддержали сестру и зарубили двоих советников Торинги, заявивших, что не признают новую владычицу, пока жив ее дядя, и нескольких вождей семьи Мориту, потребовавших меч, яшму и зеркало себе. Потом все разошлись спать.

Не отдыхал только лекарь, тщетно пытавшийся остановить кровотечение у Торинги.

Конан неожиданно для себя был немедленно назначен повелительницей начальником стражи, заняв таким образом третий после нэйу—буджана пост в государстве. Варвара, однако, это совсем не радовало, вдобавок Мораддин заявил, что начальник стражи — должность опасная.

— Мне теперь называть тебя «ваше превосходительство»? — ядовито осведомился сын гнома.— Или специально ради тебя Томэо введет титул ночного короля? Кажется, вы очень близко подружились. Будет прекрасное разделение власти: днем правит она, ночью — ты...

— А в морду? — проворчал Конан. Любопытно, но все приближенные двора Торинги, братья Томэо и даже жрецы Спящего Бога теперь роняли на киммерийца взгляды, которые

можно было бы назвать презрительными и почтительными одновременно.— Нет, Мораддин, если хочешь, я уступлю тебе это место.

— Спасибо,— отозвался потомок гномов.— Я не справлюсь. Ты, кстати, хоть знаешь, в чем состоят твои обязанности?

— Конечно, нет.— Конан накрылся с головой шерстяным одеялом.— В случае чего спрошу твоего совета.

Как ни странно, пришедшие утром к Томэо командиры полуторасотенных отрядов сразу признали ее императрицей. Они прекрасно понимали, что лучше иметь вождем женщину, чем вообще никого. Тем более находясь под стенами Сы—Цзин.

— Я приказываю двум отрядам ополчения Мориту и такому же количеству воинов Тайса выдвинуться к воротам города,— ровным голосом говорила Томэо. Перебить ее никто не осмеливался.— Пусть наши волшебники прикроют людей и противостоят ударам колдунов школы Сутари. Кроме того, я просила бы выслушать начальника моей стражи, он расскажет, как штурмуют города в странах заката. Кажется, более привычные к войнам чужеземцы разбираются в этом лучше нас.

— Ну-у...— выступил вперед Конан и слегка поклонился насторожившимся командирам.— Вообще-то, сначала необходимо перебраться через ров...

Варвар и изредка дополнявший его рассказ Мораддин объяснили, как они себе представляют захват столицы ценой сравнительно небольших потерь. Ров следовало забросать фашинами и замостить длинными и широкими досками, способными выдержать тяжесть тарана. Несколько отрядов лучников будут обстреливать стены и надвратное укрепление, три сотни воинов попытаются захватить башню над воротами и удержать ее, пока не будут разбиты ворота и основная часть войска не ворвется в столицу.

Объяснения киммерийца прервал вбежавший в палатку полусотник в синей одежде Тайса. Выглядел он озабоченно и даже слегка испуганно.

— Моя госпожа! — Полусотник низко поклонился Томэо.— В городе творится нечто невообразимое! Слышны звуки битвы, а со стороны императорского дворца поднимается столб дыма, наверное, там пожар!

— Интересно,— сдвинула брови девушка.— Приведите ко мне жреца Омуру, пусть захватит всевидящий камень. Великая Омитасу, что там происходит? Восстание народа против Сутари и Готобы? Или что-то другое?

Стража, почтительно держа под руки, ввела в шатер древнего старца с жидкой седой бородой. Позади шествовали монахи Дарумы, старший из них торжественно нес темный стеклянный шар.

— Что это такое? — шепнул на ухо Морадину Конан.— Волшебный кристалл?

— Вроде того,— столь же тихо отозвался спутник.— Я слышал, такие вещицы умеют делать в Кхитае. Смотришь в нее и видишь то, что происходит в отдалении или даже другом времени. Не помню, как называются эти кристаллы.

Жрец Омур опустился на колени перед возвышением, где сидела Томэо, монах положил перед ним всевидящий камень и отошел. Омур прижал узкие, изрезанные морщинами ладони к гладким выпуклым бокам кристалла, прошептал несколько непонятных слов, и тотчас внутри камня начало разгораться багровое пламя. Вскоре появилось хорошо различимое изображение высокой черной башни на фоне неба с ядовито-розовым оттенком, промелькнули бесформенные тени, затем возникли очертания города на холме. Наконец жрец Спящего Бога поднял взгляд на Томэо и сказал хриплым старческим голосом:

— Смотри, владычица. Камень сейчас показывает окрестности императорского дворца.

Томэо вместе со сгоравшим от любопытства варваром нагнулась над всевидящим камнем. Конан, непривычный к кхитайским колдовским предметам, долго примеривался, отыскивая угол, с которого лучше видно, и вскоре во всех деталях различил происходящее в стенах Западной Столицы.

Возле очень большого и красивого белого здания с золотистым куполом и рядами колонн перед фасадом шла битва. Стража в знакомых зеленых одеждах и черных шапочках сражалась с людьми, одетыми в черно—изумрудные кафтаны телохранителей. На заднем плане маячил человек в белом, отдавал неслышные приказы.

— Я не верю своим глазам,— растерянно проговорила Томэо.— Стража, подчиненная Сутари, набросилась на телохранителей сумасшедшего Готобы!

— Госпожа,— вдруг позвал императрицу Мораддин,— если в городе передрались между собой его защитники, значит, штурм надо начинать немедленно! Их слабость — это наша сила!

— Отлично! — Томэо оторвалась от кристалла и взмахом руки дала понять жрецу, что его услуги больше не требуются.— Действуем, как условились. Ты, Конан, и ты, Мораддин, останетесь здесь. Мне нужно с вами поговорить. Все остальные должны идти к стенам, и да хранят нас Нефритовый Император и его божественная супруга!

Военачальники почти бегом покинули шатер, монахи увели древнего жреца, и Томэо осталась наедине с варваром и его другом.

— Конан,— скороговоркой обратилась к киммерийцу девушка,— ты все равно должен отправиться в город. Сейчас, когда Сутари поднял бунт против Готобы, ты сумеешь незаметно проскользнуть ко дворцу. Посмотри,— Томэо вынула из стоящей рядом шкатулки свиток и развернула его,— вот план города. Здесь — квартал Розовой Цапли, в нем живут родственники Мориту и чужеземные купцы. Если будет необходимо, попросишь помощи у них. О том, что ты — друг наших кланов, им скажет вот это яшмовое кольцо.

Томэо сняла с пальца зеленый перстень с печаткой, изготовленный из цельного камня, отдала варвару, и тот спрятал его за пояс.

— Я тоже пойду,— решительно сказал вдруг Мораддин.— Вдвоем будет веселее, и потом, я неплохо знаю кхитайские боевые искусства. Может, пригодится.

Мышь глянула красными глазками на Томэо и утвердительно пискнула.

— Хорошо,— подумав, ответила владычица.— Как уславливались — убейте или схватите Сутари и ждите, пока мы не возьмем город. Надеюсь, все будет хорошо. Я попрошу монахов вознести молитвы Нефритовому Императору...

— Вместо такой ерунды,— скривился киммериец,— лучше бы присмотрела за своими командирами. К полудню ворота уже должны быть разбиты. И потом, как мы попадем в город?

— Я сейчас, — Томэо положила меч, яшму и зеркало в мешок и вышла из палатки. Вскоре она вернулась, приведя с собой одного из охранников.

— Он проводит вас к самой стене возле торгового квартала. Там очень мелкий ров и низкие укрепления. Если повезет, переберетесь через стену.

— А если нет? — буркнул варвар.— Одна надежда, что мы сумеем поймать вашего министра и я вытрясу из него способ возвращения в Туран...

— Идите,— сказала Томэо.— Помощь ждать себя не заставит. Мы обязательно возьмем город.

Конан и Мораддин поклонились, взяли свои мешки и пошли вслед за проводником. От Томэо не укрылось, с каким недовольством Мораддин поглядывает на киммерийца, а особенно на его поклажу. Что—то странное было в очертаниях мешка, который уносил Конан...

— Расскажи про такую крепость любому аквилонцу или немедийцу — засмеют,— бурчал Конан, протягивая руку Морадину.— Поднимайся же!

Паган был удивительной страной. Однако самым потрясающим из увиденного варваром в этом государстве оказалась стена главного города, столицы Сы-Цзин. Шагов на пятьсот справа от ворот, возле которых всю кипела подготовка к штурму, стена понижалась до высоты полтора человеческого роста, охраны наверху не было, так как все сбежались к воротам, а ров был глубиной по колено даже Морадину! Захолустье...

Трех человек, подобранных к смехотворному укреплению, никто не заметил. Стражник, доведя Конана и его приятеля до рва, указал рукой на низкую стену, молча поклонился и ушел обратно к шатру владычицы. Даже не снимая сапог, Конан преодолел ров, подпрыгнул, уцепился за кирпичный зубец и забрался наверх. Втащив Морадина, варвар осмотрелся по сторонам и отметил, что в этом месте к крепостной стене действительно примыкает некое подобие рынка, сейчас пустого и безлюдного. На площади теснились десятки тростниковых палаток, в торговые дни битком набитых товарами; высились кучи мусора и грызлись из-за отбросов тощие собаки.

— Если я правильно запомнил план,— сказал Конан,— дворец должен быть левее, через шесть кварталов. Пойдем?

— А что еще делать? — мрачно произнес Морадин.— Не нравится мне здесь. В городе творится что—то непонятное и как пить дать нехорошее. Людей не видать...

— Вот и прекрасно.— Конан спрыгнул на утоптанную глину торговой площади.— Если все чересчур заняты своими делами, значит, до нас никому нет дела. Лучше подумай, как проникнуть во дворец. Наверняка у Сутари неплохие охранники...

— ... Которые сейчас дерутся между собой.— Морадин легко приземлился рядом.— А потому гораздо более осторожны, чем обычно. Интересно, кто победил? Стражники престарелого Готобы или гвардия первого министра?

— Неважно.— Варвар, постоянно оглядываясь, зашагал вперед, к ряду одноэтажных строений с плоскими крышами, меж которых виднелась узкая улица.— Чем быстрее сделаем дело, тем скорее отпразднуем победу!

Скорее всего, мирные жители Западной Столицы попрятались по домам. Едва ли часто штурм спокойного и счастливого Пагана совпадал с кровавыми конфликтами между его защитниками. Двое чужестранцев осторожно пробирались по улицам, время от времени затаивались, чтобы пропустить спешащий то к крепостным воротам, то к императорскому дворцу немногочисленный отряд стражи. Варвар несколько раз замечал, что из окрестных домов за ним и Морадином наблюдают — отодвигались шторы, мелькали встревоженные лица горожан. А один житель большого и, видимо, богатого дома, выходящего фасадом на улицу, даже спросил у чужеземцев, что происходит вокруг.

— Да так, пустяки,— по-кхитайски ответил Морадин.— В стране три императора, даже четыре, если учесть, что Сутари Барата поднял мятеж против Готобы.

— А остальные два? — ужаснулся горожанин.

— Стоят за воротами,— бросил через плечо Конан.— Ее величество Томэо Тайса и ее дядя Торинга. Хотя последний, наверное, уже умер... Скажи, дворец в той стороне?

— Зачем тебе во дворец? — несказанно удивился высунувшийся из окна толстяк.— Там

же опасно!

— Я тоже хочу стать императором,— вполне серьезно ответил киммериец.— Так мы правильно идем?

— Конечно,— пискнул горожанин и скрылся за зеленой шелковой занавеской.

— Если нас поймают,— заявил Мораддин,— я скажу, что во всем виноват ты! На суде нас обвинят еще и в самозванстве!

— Скорее всего, нас просто прикончат на месте,— обнадежил приятеля Конан.— Надо пройти еще два квартала, будь внимательнее.

Лишь один раз по пути к дворцу Готобы пришлось разбираться с патрулем стражи, но все закончилось благополучно. Мораддин походя уложил троих гвардейцев Сутари, но не убил, просто лишил сознания. Варвар снова заворчал, дескать, нельзя оставлять в тылу живого противника, но сын гнома уверил, что стражники очнутся не раньше заката, а к тому времени город наверняка будет взят армией Томэо.

Дворец, а точнее, несколько десятков построек, служивших обиталищем владыке Пагана, был обнесен невысокой стеной, вдоль нее ходило множество патрулей. Высунув голову из переулка, Конан окинул стену оценивающим взглядом и повернулся к Мораддину.

— Либо пробиваемся, либо ждем, — расстроено произнес варвар.— Там прогуливается не меньше полусотни болванов в зеленом, вроде тех, которых мы перерезали в первый же день.

— Стража Сутари,— кивнул Мораддин.— Вряд ли они уйдут. Томэо тебе ничего не говорила о тайных путях во дворец? О подземном ходе?

Конан покопался в памяти, но ничего такого не припомнил. Хотя где—нибудь наверняка есть подземный ход или тайная дверь. Варвар принял решение, как обычно, недолго раздумывая.

— Сделаем просто,— сказал он.— Подойдем к страже и попросим отвести нас к министру Сутари. А там поглядим, что получится.

— Ты перебрал рисового вина,— убежденно проговорил Мораддин.— Во-первых, нас ищут, император не случайно объявил шейрам. Во-вторых, даже если охрана состоит из непроходимых тупиц, у нее наверняка хватает ума не пускать во дворец иноземцев. А мы с тобой кто?

— Попытка не пытка, — упорствовал Конан. Киммериец, а за ним и Мораддин прогулочным шагом вышли из переулка и направились к воротам дворца. Охранники, патрулировавшие улицу, несколько опешили от такой дерзости, затем десятник в украшенной пышными перьями шапочке решительно двинулся навстречу двоим подозрительным типам.

— Вы кто такие? — недоуменно спросил он.— Разве не слышали о приказе нэйу—буджана Сутари не покидать домов?

— У нас дело к нэйу-буджану,— высокомерно заявил Конан.— Оно касается украденных из дворца яшмы, зеркала и меча.

— Украденных? — Глаза начальника полезли на лоб.— Сокровища короны у императора, в главной кладовой! Кто вы такие, спрашиваю?

«Значит, Сутари не рассказал своим людям, что волшебные вещи исчезли,— подумал киммериец, озабоченно косясь на окруживших его и Мораддина стражников.— Кажется, мы все-таки дали маху...»

— Меня зовут Конан,— сказал он.— Я приехал из далекой северной страны. А это мой друг Мораддин. Я очень прошу отвести нас к повелителю Сутари.

— Отдайте оружие,— ледяным голосом проговорил начальник караула.— И следуйте за мной.

Конан бросил на Мораддина торжествующий взгляд — получилось! Потомок гномов промолчал, лишь тяжело вздохнул. Тотчас их мечи переключивали в руки охранников, и начальник повел иноземцев к воротам. Позади следовало не меньше десятка солдат министра.

— Сначала вы будете говорить с цжан—кио, дворецким,— не оборачиваясь, сказал начальник караула.— А там видно будет, примет вас Сутари или нет.

Варвар не внял предостережениям Мораддина и поплатился за это. Успокоенный вежливой, хоть и прохладной, речью начальника, он утратил бдительность. Едва процессия миновала ворота, человек с перьями на шапочке махнул рукой толпившимся возле тростниковой сторожки солдатам, указывая на незваных гостей, и почти два десятка вооруженных до зубов головорезов накинудись на Конана с Морадином.

И варвара, и его спутника скрутить было совсем не просто. Несколько нападавших сразу полетели на землю, кто со сломанной шеей, кто с разбитым лицом. Киммериец хотел было добраться до своего меча, пока Морадин дрался с пятью охранниками, но повисшие на плечах солдаты Сутари повалили его на траву, стянули запястья прочной ременной петлей и на всякий случай добавили сапогами по ребрам.

Мышка успела взлететь и теперь, истерично вереща, кружила над местом короткой схватки.

Когда пленников схватили за воротники курток и поставили на ноги, начальник караула вышел вперед, презрительно осмотрел варвара и бывшего гвардейца и сказал:

— Вас опознали. Это вы напали на отряд стражи вместе с изменницей Томэо Тайса. Поражаюсь, как у вас хватило наглости появиться возле самых ворот императорского дворца.

— Отведи нас к Сутари,— прорычал упрямый Конан.— Повторяю, у нас к нему важное дело, речь идет о драгоценностях трона!

— У нэйу-буджана нет времени выслушивать байки заговорщиков,— отрубил начальник.— Казнить их!

— Но...— раскрыл рот Морадин и сразу осекся. Потрясающе: закончить свою жизнь в безвестном крошечном государстве только из-за дикой прихоти проклятого варвара! Вот что значит судьба...

Ноги пленникам не связали. Идти к лобному месту пришлось самим, терпя частые удары тупыми концами копий. Конан выглядел растерянным и все пытался разорвать тугие путы.

— А можно узнать,— спокойно спросил Морадин у охраны,— каким способом нас хотят отправить в царство Нергала?

— Какого такого Нергала? — буркнул один из солдат.— Царством мертвых правит Сусаноо, падший в своей гордыне брат Нефритового Императора, осужденный им на вечное пребывание в царстве теней! А насчет способа сам узнаешь.

— Спасибо.— Морадин повернул голову к варвару.— Кстати говоря, в странах восхода распространены самые утонченные способы казни... Иногда человека запирают в тесной комнате с огромным количеством голодных крыс. Ты как относишься к крысам?

— Еще посмотрим, кто кого съест,— угрюмо сказал Конан. Настроение у него было хуже некуда. Киммерийца и раньше неоднократно пытались спровадить на тот свет многочисленные князья, владыки и повелители, но всякий раз ему удавалось выкрутиться. А

сейчас? Остается надежда лишь на его величество Случай.

Их провели на огороженный бамбуковыми кольями круглый дворик, в центре которого виднелось отверстие в земле. Наверняка дно ямы утыкано заостренными палками или еще чем похуже... Не слушая угроз варвара, стража подвела его и Мораддина к краю ямы и пинками отправила вниз.

— Ненавижу змей! — рывкнул Конан, сидя точно под кусочком голубого неба, обрезанного стенами змеиного садка.— Мораддин, как думаешь, отчего они не нападают?

— Боятся отравиться,— слабым голосом ответил туранец.— Даже Сета наверняка стошнит, если он попробует тебя на зубок.

В одном им повезло: яма оказалась неглубока. При падении никто не переломал костей. Варвар умудрился приземлиться на обе ноги и сразу попытался смягчить падение Мораддина. Кончилось это тем, что посланники Томэо вдвоем повалились на усыпанное костями дно ямы, а из-под истлевших останков во все стороны шмыгнули десятки разнообразных змей, от лесных гадюк до огромных упитанных кобр. Кроме детей Сета, в яме обитали длинные и жирные лошадиные пиявки, они гроздьями висели на выступах стен. Змеи расползлись к стенам сужающейся кверху ямы и теперь злобно шипели на сидящих в центре людей.

Белая летучая мышь, нимало не страшась чешуйчатых гадов, проскользнула сквозь редкую опускную решетку и с радостным повизгиванием уцепилась за волосы хозяина.

— Отвратительно,— ворчал Мораддин.— Что за скверная страна! Додуматься до такого гнусного способа казни! Яма со змеями и пиявками! Никогда тебе этого не прощу!

— Брось,— поморщился Конан.— Такие же ямы есть в Асгарде и Ванахеиме, даже у пиктов... Все естественно и привычно. Но все-таки почему отродья Сета не кусаются? И пиявки не подползают?

— Должно быть, время трапезы еще не наступило,— ответил Мораддин.— Пока змеи нас не трогают, попытайся развязать меня. Паганские недоумки забыли снять с твоего пояса кинжал.

И действительно, стража второпях оставила чужеземцам кинжалы и заплечные мешки. Скорее всего, у гвардии Сутари хватало дел поважнее, чем обыск пленников.

Конан отрицательно помотал головой.

— Давай лучше ты. Вынь зубами кинжал и попробуй перерезать ремень на моих руках, а потом я тебя освобожу.

Мораддин, ерзая по выбеленным временем костям прежних «постояльцев» змеиной ямы, подобрался к Конану, взялся зубами за рукоять кинжала аквилонского мага, раньше скрытую под плащом, и, вытянув из ножен клинок, стал осторожно резать прочный кожаный ремень на запястьях киммерийца.

Получилось. Лишь слегка оцарапав левую руку Конана, Мораддин перерезал ремень, и варвар, сбросив путы, с довольным ворчанием стал растирать предплечья, на которых остались багровые следы.

— Про меня не забыл? — сварливым тоном спросил Мораддин.— Развяжи побыстрее, руки затекают.

Конан повертел кинжал в руках, словно раздумывая, резать веревки или нет. Северянин редко отказывал себе в удовольствии позлить Мораддина. Лишь когда спутник зло зашипел, точь-в-точь как пресмыкающиеся неподалеку змеи, Конан едва заметно взмахнул аквилонским клинком и миг избавил Мораддина от тугих петель. Мышка сразу перебралась

с затылка хозяина ему под рубашку.

— А все-таки почему нас не трогают змеи? — недоумевал Конан, внимательно рассматривая дно ямы. — Чувствуют родственные души?

Даже самые крупные и агрессивные на вид кобры предпочитали держаться в стороне от людей. Некоторые змеи сплелись клубками в небольших углублениях стен, другие, обвив кости прежних жертв, не двигались, третьи шипели всего в двух-трех шагах от сидящих спина к спине Конана и Мораддина, однако подползать ближе не осмеливались. Пиявки висели неподвижно, словно диковинные плоды.

— Какая-то дурацкая казнь, — заметил Мораддин. — Хотя я предпочел бы умереть не от голода, а от укуса кобры. Все-таки быстрее.

— Посмотри, сколько еды вокруг, обжора! — киммериец указал на шевелящихся змей. — При желании их можно есть сырыми. Не пропадем!

— Тихо, — поднял руку Мораддин и взглянул наверх. — По-моему, к нам гость!

Решетка, которой был закрыт сверху земляной мешок, отодвинулась в сторону, послышались голоса людей и тонкие надрывные вопли. Похоже, в яму хотели посадить еще кого-то.

— Добро пожаловать! — крикнул Конан, задрав голову. — У нас тут весело!

На стену ямы упала человеческая тень, страдальческие крики зазвучали громче, а стража стала ругаться изощреннее. Человек, обреченный на смерть, не был связан — судя по движениям тени, он отчаянно размахивал руками и брыкался.

— Он упадет прямо на нас, — быстро сказал Мораддин. — Отодвинемся?

— Куда, к змеям? — Конан инстинктивно вскинул руки, потому что человек в изумрудно-зеленой хламиде уже полетел вниз. — О, поймал! Какой он легкий!

В лицо варвара уставились широко раскрытые и перепуганные серые глаза древнего старца. На тщедушном теле старика был кафтан цветов клана Барата, с растительным орнаментом, а на голове — квадратная лиловая шапочка.

— Оставь меня, нечестивый преступник! — взвизгнул новый узник змеиной ямы. — Не смей прикасаться к потомку Нефритового Императора!

— У вас тут каждый второй — потомок, — хмуро произнес Конан, но все же выпустил его из своей железной хватки. Старик откатился к стене. Казалось, он не заметил шипящих гадюк.

— Дедуля, тебя за что посадили в нашу яму? — осведомился варвар, рассматривая нежданного гостя. — Как твое имя?

— Я — Готоба, император Пагана! — прокричал старик. — Изменники! Негодяи и убийцы!

— Кто здесь изменник? — Киммериец аж рот раскрыл от изумления. Ничего себе! Престарелого Готобу засадили в яму, будто распоследнего душегуба-разбойника! Очень может быть, что в Патане появился новый император, и, видимо, таковой носит имя Сутари Барата... Никто, кроме главного министра, не мог устроить переворот и отправить на смерть выжившего из ума Готобу! — Предали тебя мы или твоя бывшая стража?

— Быстрее иди к нам! — Мораддин встревожился, видя, как оживились прежде безразличные к людям змеи. К нему и Конану они по-прежнему питали отвращение, однако прижавшийся спиной к стене ямы Готоба явно их заинтересовал. — Иди в круг, эти твари не поползут к середине ямы!

Готобе не повезло. Должно быть, люди так напугали незадачливого императора, что он

считал менее опасным общество ядовитых змей. К нему подползла зеленая древесная гадюка, и когда император отшвырнул ее в сторону, она разозлилась, бросилась вперед и вонзила ядовитый зуб в обнаженную старческую голень.

— Нет! — простонал Готоба.— Спасите меня!

Мораддин кинулся было к ужаленному императору, но Конан удержал его за плечо.

— Чем ты ему поможешь? — рявкнул варвар.— Старикашке конец! Сейчас надо думать о том, как выжить самим! Где, задери ее демоны, Томэо со своей дурацкой армией? Не могут взять такой паршивый городишко!

Готоба, почти мгновенно парализованный ядом гадюки, посинел от удушья и задергался в судорогах. Умирал низложенный владыка довольно долго, и это зрелище не доставило двоим приятелям, сидящим в считанных шагах от него, никакого удовольствия. Варвар по-прежнему гадал, отчего змеи не уделяют ему и Мораддину внимания.

— Ну вот, одним императором в Патане меньше,— сказал Конан, когда Готоба затих.— Как ты думаешь, Мораддин, что вообще происходит в этой стране?

— Там сам Нергал копыта сломит! — заключил потомок гномов после некоторых раздумий.— Слушай, становись здесь королем, а? Наведи порядок, создай сильную власть... Помнишь свою просьбу к волшебному кувшину гномов? — Мораддин замолк, прислушался к бурчанию в животе и неожиданно заметил: — Кстати, раз мешки остались при нас, можно слегка перекусить. У тебя что—нибудь осталось?

Варвар, сняв со спины котомку, развязал горловину и сунул внутрь руку, надеясь нащупать кусок сушеного мяса, еще вчера вечером прихваченного со стола Томэо. Пальцы наткнулись на что-то твердое и тяжелое.

— Это не еда,— пробормотал киммериец.— Кром и все боги Полуночи! Мораддин, ты только посмотри!

Небольшая круглая вещица, извлеченная им из мешка, отразила скупые лучи света. В правой руке Конан держал зеркало цзин-цза, священный символ императорской власти...

Киммериец расчистил местечко на земляном полу ямы (для этого пришлось разбросать кости казненных ранее преступников) и разложил на утопанном суглинке меч, яшму и зеркало. Змеи зашипели громче, поползли вдоль стен, тычась головами во все щели. По-видимому, они очень испугались колдовских предметов.

— Теперь понятно, почему они нас не прикончили,— сказал Мораддин, хмуро рассматривая драгоценности трона Пагана.— Наверняка Спящий Бог вложил в эти штуковины колдовскую силу, каким-то образом отпугивающую врагов. Все хотел спросить, зачем ты украл символы власти из палатки Томэо?

— Неправда! — возмутился Конан.— Я их позаимствовал на время! Кстати, спасибо за то, что ничего не сказал нашей красавице—королеве.

— Зачем? — допытывался Мораддин.— Бедная девушка вышла, чтобы с лучшими пожеланиями отправить нас в город, а возвратясь в шатер, обнаружила, что залог ее власти над страной исчез! Наверняка она сразу поняла, кто это сделал. Интересно, как она поступит, когда увидит тебя в следующий раз?

— Не забудь,— с упреком в голосе напомнил киммериец,— эти штучки спасли нам жизнь. Просто я решил позаботиться о нас с тобой. Томэо все поймет правильно и поторопится со штурмом города. А когда ее войско займет дворец, мы с радостью отдадим символы власти обратно.

— А если не возьмет?! — взорвался Мораддин.— Не забывай, Сутари — колдун и у него

в подчинении целая шайка магов! Помнишь, Томэо рассказывала, как отряды ее жениха были уничтожены огненным дождем? Представь, что с нами будет, если от армии Томэо уже ничего не осталось, а первый министр, точнее, новый император сейчас пьет рисовое вино в честь своей победы над бунтовщиками?!

Летучая мышь, словно соглашаясь с хозяином, тоскливо и протяжно запищала под плащом. Варвар сидел как в воду опущенный. Ему и в голову не приходило, что войско красавицы Томэо может потерпеть поражение. Вечно Мораддин предполагает самое худшее! Однако следует искренне поблагодарить всех богов, покровительствующих киммерийцам и гномам, за тупость стражи, не обыскавшей злоумышленников. Вдруг все-таки удастся спастись?!

— Эй, там, внизу! — раздался крик над головами варвара и его друга. Конан поспешил прикрыть сокровища паганских императоров полой плаща.— Сидите?

Кому—то из стражников приспичило узнать, что происходит в яме. Или он просто решил убедиться, что свергнутый император уже мертв.

— Сидим,— даже не взглянув наверх, гаркнул Конан.— Покойника уберите! Он скоро вонять начнет!

Послышался шорох, решетка откинулась, и в отверстии появилась жирная физиономия незнакомого человека с пучками волос на краях верхней губы и узкими хитрыми глазами. Он внимательно осмотрел дно змеиной ямы, долго разглядывал труп Готобы и, наконец, остановил взор на киммерийце.

— Вы, двое, почему живы?

— Ваши змеи и пиявки насытились бывшим императором.— Варвар лениво глянул наверх, с удовольствием отметив, что на лице незнакомца появилось туповато—озадаченное выражение.— А ты откуда взялся?

Человек помолчал, потом состроил брезгливую мину, но все же ответил:

— Ты, обреченный, говоришь с Сутари Барата, законным повелителем Пагана...

Мораддин неожиданно пихнул Конана локтем, чтобы умолк, и сам вступил в разговор, подняв лицо к волшебнику:

— Как это — законный? Я, конечно, приехал издалека, но знаю, что императором может называться только человек, связанный кровным родством со Спящим Богом, а самое главное, владеющий мечом, яшмой и зеркалом!

Конан окаменел, сообразив, что Мораддин — старый интриган, наточивший зубы за годы службы в тайной гвардии, — затеял хитрую и опасную игру. На всякий случай киммериец как бы невзначай одернул плащ, получше укрыв упомянутые драгоценности.

— У тебя нет вещей Нефритового Императора,— невозмутимо продолжал Мораддин, обращаясь к Сутари.— Некоторое время они были у Томэо Тайса, а где находятся сейчас... Об этом известно только мне и моему другу. Между прочим, ты, господин, был не прав, объявив нас преступниками и злодеями. Просто нелегко было разобраться в делах принадлежащей тебе страны и выяснить, кто является настоящим и законным властелином.

— Где вещи? — хрипло спросил Сутари.— Скажите, и я прикажу вас вытащить!

— Сначала вытащишь, хорошенько накормишь, выслушаешь историю нашего появления в Пагане, а потом мы вернем тебе сокровища,— ответил Мораддин.— Согласен?

Варвар уже незаметно запихивал меч и яшму за голенище левого сапога, а зеркало под куртку. Если болтовня Мораддина поможет выбраться наружу, то волшебные предметы лучше сразу не показывать. А вдруг Сутари прикажет бросить похитителей обратно в яму? Остается

надеяться, что потомок пронырливых гномов сумеет охмурить колдуна.

Послышались отрывистые команды, с шуршанием развернулась веревочная лестница, и Мораддин, подхватив свой мешок, полез наверх. Конан, надежно упрятав символы власти, бросил прощальный взгляд на мертвого Готобу и поднялся следом за другом.

Вскоре они стояли на краю ямы перед бывшим министром, а ныне императором. Волшебник Сутари оказался пухлым, средних лет, и был очень похож на свой призрак, бродивший две ночи назад по лагерю войска Тайса. Разумеется, он щеголял багровым парадным мундиром императоров, а не коричневым или зеленым кафтаном, выдающим принадлежность к семье Барата. Вокруг стояли телохранители и стражники.

— Где меч, яшма и зеркало? — недоверчиво глядя на Мораддина, спросил Сутари.— Если вы обманули меня, клянусь, вас ожидает смерть гораздо страшнее, чем от змеиных клыков.

— Позволь объяснить, владыка,— на кхитайский манер поклонился бывший гвардейский капитан.— Мы с другом пришли в столицу засвидетельствовать свое почтение особе законного императора, попросили начальника стражи отвести нас к тебе, а он, не разбираясь и не слушая возражений, приказал бросить нас в эту зловонную яму. Мы знаем, что драгоценности были украдены из дворца самозванцем Кисо...

«Слышала бы его Томэо! — мелькнула у варвара мысль.— Зарезала бы на месте!»

— Пойдемте в покои,— вполголоса проговорил Сутари.— Там поговорим.

Оно и понятно: императору не хотелось, чтобы горожане и даже его собственная стража узнали о похищении волшебных предметов, дающих право на трон. Поэтому Сутари поспешил к выходу из дворика, а затем к дому под золотой крышей — тому самому, который Томэо и киммериец видели в волшебном камне жреца Спящего Бога. Конан и Мораддин пошли за императором, стража не отставала ни на шаг.

Сутари привел иноземцев в комнату и оставил при себе только двоих высоченных охранников. Они застыли по сторонам дверного косяка.

— Они ничего не расскажут,— указал на молчаливых здоровяков император.— Мое колдовское искусство пожизненно лишило их дара речи... Однако вы пока владеете своими языками. Где сокровища?

— Здесь,— улыбнулся Мораддин.— Мы принесли их тебе, повелитель.

Сын гнома взглянул на Конана, и тот нехотя достал зеркало, меч и яшму. Положив их перед Сутари, варвар с легким поклоном отступил на шаг. Если сейчас колдун прикажет убить его и Мораддина, то гвардеец—неудачник умрет не от топора палача или укусов змей, а от кулака Конана! Причем сейчас же!

Однако Сутари не был расположен казнить своих благодетелей. Маг просиял, заулыбался, любовно поглаживая три чудесных предмета; его жирные щеки тряслись от восторга.

— Хорошо,— сказал он.— Очень хорошо! Я огорчен, что стража доставила иноземным гостям неприятности.— Сутари хлопнул в ладоши, дверь отворилась, и на пороге показался один из телохранителей.— Доставить сюда начальника дворцового караула, велевшего казнить этих гостей из закатных стран!

— Эй,— напомнил о своем существовании Конан.— Пусть вернет наши мечи!

Телохранитель вопросительно посмотрел на властелина, тот кивнул. Приказы в Патане исполнялись незамедлительно — это правило варвар с Морадином испытали на своей шкуре.

Знакомый начальник караула буквально вихрем влетел в покои императора.

— Так,— зловещим полусшепотом произнес Сутари.— Помнишь этих людей?

— Конечно, владыка,— потупился стражник.— Это преступники, на которых был объявлен шейрам. Как они остались живы? Ведь я выполнил твой приказ, бросил их в змеиный садок...

— Прика-аз...— протянул Сутари.— Они тебе говорили, что идут ко мне с важными известиями, дурачина?

— Г-говорили,— заикнулся бедняга, расслышав злобные нотки в голосе колдуна— императора.— Я думал, это вранье и уловки...

— Зря думал,— сказал волшебник и поднял правую руку. С его пальцев соскользнул огненный зеленоватый веер, похожий на лезвие топора, ударил стражника в шею, и тотчас обезглавленное тело рухнуло на циновки, а голова откатилась в угол. Лужица крови вскипела у самых подошв мага.

— Надеюсь, вы удовлетворены? — повернулся к иноземцам Сутари.— Обидчик наказан, справедливость восторжествовала, а я получил не только драгоценности трона, но и оружие, которое сметет войско бунтовщиков.

Император поднял зеркало цзин-цза и долго с восхищением разглядывал его. Конан сразу вспомнил, как Томэо сожгла тело своего жениха, и не без страха представил, что может произойти с армией Тайса, если маг воспользуется этим оружием. Видимо, Мораддина посетили те же мысли. Неужели начался штурм города? — с притворным возмущением воскликнул сын гнома.— Или мятежники по-прежнему стоят, ничего не предпринимая?

— Пускай возьмут ворота,— рассмеялся Сутари.— Хотя это произойдет еще не скоро, я сосредоточил там большую часть своих войск, и она успешно держит оборону. А когда Тайса проникнут в крепость, я испепелю их войско. Заодно все жители Сы—Цзин увидят, что бунтовать против нового императора бесполезно. Я часто спрашивал себя, зачем было ждать столько лет, терпеть дурачка Готобу? Все разрешилось в один день... Кстати, какую вы ждете награду за возвращение драгоценностей? Просите, не откажу. Даже буду рад загладить свою вину перед вами.

— Дело в том, повелитель,— начал Мораддин,— что мы с моим другом Конаном прибыли в Паган не совсем обычным образом...

Глава девятая

Конан остановился сразу за порогом большого подземного зала, облицованного яшмовыми плитками, и, шлепнув Мораддина по плечу, весело и замысловато выругался. Как ни омерзителен маг Сутари, свое обещание он исполнил: в самом центре обширного дворцового подвала виднелась лазуритовая плита, такая же, как в пещере, из которой они перенеслись в Паган.

— Это такой же камень? — осведомился волшебник. — Или все-таки немного другой?

— Один к одному. — Варвар даже рассмеялся. — И что, вернуться обратно проще простого?

— Не скажи, — отрицательно покачал головой Сутари. — Давай я лучше объясню подробнее.

... После расправы над недотепой-стражником колдун внял вежливым, но настойчивым уговорам Мораддина и выслушал его рассказ о загадочном алтаре, перебросившем двух человек из Турана за тысячи лиг, к восходным пределам мира. К концу неторопливого и обстоятельного повествования Сутари заинтересовался и стал выпрашивать о любых, самых незначительных, на взгляд киммерийца и Мораддина, деталях. Волшебника интересовал храм, найденный в Кезанкийских горах, надписи на воротах и преграды, которые пришлось одолеть путникам, прежде чем они обнаружили зал с алтарем. Мораддин ничего не скрывал, понимая, что от правильности его ответов зависит их с Конаном судьба. Однако бывший гвардейский капитан умолчал о причине бегства в горы, не считая необходимым посвящать властелина чужой страны в султанапурскую историю. А то еще решит, что перед ним настоящие преступники и злодеи...

Но Сутари и сам не желал ничего знать о давних приключениях гостей из Турана. Едва Мораддин умолк, колдун поднял на него взгляд, полный неподдельного интереса.

— Значит, синяя плита? — переспросил Сутари и, дождавшись от собеседника утвердительного кивка, потер ладони. — Да, невероятные случайности приводят к столь же невероятным последствиям. Вы хоть догадываетесь, что нашли?

— Расскажи, — подал голос киммериец. — Сдается мне, в таких вещах ты смыслишь гораздо больше нашего.

— Ты прав, — ответил Сутари. — Смыслю потому, что точно такой же алтарь стоит в подземельях дворца и сохранил свою силу...

В щель между раздвижной дверью и косяком просунулась голова стражника. Он с ужасом бросил взгляд на лужу крови и труп командира патруля и вопросительно посмотрел на императора.

— Что? — вскинулся Сутари. — Новости о штурме?

— Да, повелитель, — ответил стражник. — Ученики твоей школы вместе с отрядами стражи и ополчением Барата отбили первую атаку. Правда, Тайса удалось защититься от ледяных стрел и огненного дождя, насланных твоими учениками. Говорят, Тайса привели мудрых жрецов Дарумы и деревенских колдунов, и те поставили над войском волшебный щит. Но все же они потеряли не меньше трех сотен воинов. Тайса и Мориту готовятся к новому приступу...

Чуть заметным мановением руки Сутари отпустил стражника, и тот вмиг исчез за дверью. Похоже, при дворе все боялись колдуна, как чумы.

— Прекрасно,— сказал Сутари.— Вторая атака начнется не раньше полудня, мне пока нечего делать на стенах... У нас есть время проверить достоверность вашей истории, чужеземцы.

— Скажи...— Конану не давал покоя один вопрос— А почему Тайса штурмуют только ворота? Там, где мы с Мораддином проникли в город, стена совсем низкая, а ров засыпан на три четверти. Ведь твои недруги вполне могли бы атаковать в стороне от ворот, почти не встречая сопротивления?

— Могли бы,— усмехнулся Сутари.— Но в правилах древних мастеров, от которых мы унаследовали искусство битв, сказано, что штурмовать можно только ворота. Это старая традиция, и ее никто не собирается менять.

— Традиция?! — От изумления у варвара глаза полезли на лоб.— Просто невероятно! Мы с другом неплохо разбираемся в военном искусстве стран заката, и если бы командовали армией Тайса, город уже давно был бы в наших руках.

— Значит, мне повезло, что вы на моей стороне.— Сутари направился к двери, жестом позвав двоих чужестранцев за собой.— Идемте в подвал, покажу вам алтарь...

Тщательно рассмотрев со всех сторон прямоугольную синюю плиту, к которой их подвел Сутари, Конан и Мораддин в один голос признали: перед ними точная копия алтаря из древнего пещерного храма, затерянного в Кезанкийских горах. Пока они ходили вокруг камня, волшебник рассказывал о свойствах лазуритового монолита.

— Около двух с половиной тысяч лет назад, когда закончилась эпоха Валузии,— говорил Сутари, давая понять варвару и его спутнику, что слышан о событиях далекой древности,— некоторые хайборийцы из самых просвещенных и образованных стали поклоняться одному из сыновей Бога, Создавшего Мир,— владыке времени Ланголу. Лангол давным—давно забыт во всех странах, но остались развалины храмов, где знать тогдашних государств приносила жертвы Властелину Времени. Приверженцы Лангола, как сказано в уцелевших летописях, жили везде — от ближайшей к нам страны Кхитай до берегов мифического Закатного океана...

— То есть как это — мифического? — перебил Конан.— Океан существует, я даже ходил по нему на... вольных кораблях. Впрочем, это никому не интересно. И что было дальше?

— Со временем у жрецов Лангола возник страх за свое благополучие, они прониклись презрением к остальным последователям бога времени,— отвечал Сутари, поглаживая синий камень алтаря.— Их счастье зиждилось на том, что жертвенные камни, по преданию, вырубленные самим сыном Верховного Бога Мира, обладали чудесным свойством — если Ланголу принесена определенная и очень простая жертва, Властелин Времени перебрасывал кладущего требу в другую страну, где находился такой же алтарь, или в любое место по его выбору, но недалеко от храма. Вы случайно положили на жертвенный камень вещи, которые принимает Лангол, и перенеслись в Паган.

— Божественные прихоти,— вздохнул киммериец, неприязненно покосясь на алтарь.— Нет бы отправить нас в Аквилонию или, на худой конец, в Шем! А что послужило жертвой?

Сутари подумал и ответил:

— На камне должны были смешаться кровь, вино, хлеб и металл. Вы упомянули, что собирались трапезничать и алтарь облюбовали вместо стола? Опрометчивый поступок... Только откуда взялась свежая кровь?

— Я порезался! — воскликнул Конан и показал заживающий палец.— Точно, капли крови упали в лужицу вина, хлеб уже лежал на камне, а стальным кинжалом я резал мясо!

— Вот и объяснение,— кивнул волшебник.— Но самое удивительное в другом. Я только что рассказывал о жрецах Властелина Времени. Служители Лангола, обладая силой алтаря, получали вечную жизнь...

— Это как? — вмешался в разговор Мораддин.— Не может быть! Вечно живут только боги!

— Как ты думаешь, сколько мне лет? — Сутари хитро улыбнулся, глядя на синий камень.— Угадай по моей внешности.

— Ну-у...— замялся Мораддин, присматриваясь к колдуну—императору.— Около тридцати или чуть больше.

— Девяносто восемь.— Сутари затрясся от смеха.— Я на десять лет старше брошенного в змеиную яму Готобы. Знаете, почему? Очень просто. Давно, еще в годы моего обучения в столице Кхитая, я наткнулся в хранилище свитков древнего монастыря Дарумы на хронику жрецов Лангола и прочитал о свойствах лазуритовых алтарей. Потом шесть лет искал заброшенный храм, где хранился чудесный камень, и обнаружил его недалеко от границ Поднебесной Империи и Камбуи. Полгода ушло, чтобы перевезти алтарь во дворец моего двоюродного брата Готобы, тогда еще совсем молодого императора. А потом я стал продлевать свою жизнь...

Сутари, к вящему удивлению Мораддина и киммерийца, ловивших каждое его слово, объяснил, что с помощью Повелителя Времени можно перенестись в другую страну, дожить там до седин и вернуться, и за эти годы в первой стране пройдут лишь считанные мгновения, и ты глянешь в зеркало и увидишь, что нисколько не постарел.

Вот и Сутари тайком от прежнего императора купил себе в Иранистане обширное поместье неподалеку от заброшенного святилища Лангола и ежегодно в день рождения Нефритового Императора, на рассвете, покидает дворец, принося на алтарь жертву. По несколько месяцев волшебник отдыхал в иранистанской усадьбе, а потом возвращался в Паган, где никто не замечал его продолжительного отсутствия. Уходил Сутари праздничным утром, а возвращался незадолго до полудня. За это время он удлинял свою жизнь на полторы сотни дней. И самое главное, жизнь в иранистанской усадьбе колдуна не старила.

— Таким образом,— тихо проговорил Мораддин, внимательно глядя на Сутари,— мы с Конаном можем очутиться в Кезанкийских горах всего лишь через несколько мгновений после нашего исчезновения? И семь дней, проведенных в Патане, превратятся в короткий миг?

— Именно,— подтвердил волшебник.— И я буду сопровождать вас. Похоже, вы, сами того не ведая, нашли главный храм Властелина Времени...

Две лошади — гирканский жеребец и низкая мохнатая степная кобылка, привязанные к ажурной решетке из розового гранита, которая окружала небольшой бассейн с родниковой водой, несказанно удивились. Буквально только что хозяева бесследно растворились прямо в воздухе, а теперь вдруг снова возникли из ничего. И еще вместе с ними воплотился толстый коротконогий человек в красном кафтане.

Разница была лишь в том, что исчезали люди с той стороны плиты, где лежали кожаные мешки с припасами, а появились с противоположной. Кони подозрительно осмотрели своих хозяев и снова захрупали овсом в подвешенных к головам торбах. Люди — существа странные, от них следует ждать любых сюрпризов.

— Клянусь Кромом и всеми духами Киммерии! — Конан изумленно смотрел на алтарь.— Посмотрите, даже пролитое вино не высохло! Хлеб свежий, мясо не протухло!

Невероятно!

— Да,— согласился Мораддин.— Пока мы там мыкались, тут прошло всего два удара сердца... Последних дней словно и не было.

Сын гнома повернулся к Сутари. Колдун невозмутимо рассматривал зал, для него перемещения через время и пространство были делом самым обычным. Он оставался невозмутимо—величественным, этого впечатления не портили даже пухлые круглые щеки и четыре сальные складки под подбородком.

Совсем недавно, в подвале столичного дворца, Сутари потребовал у Конана флягу с рисовым вином, кусочек хлеба и аквилонский кинжал, и, получив это все, смешал на алтаре несколько капель мутного хмельного напитка, хлебные крошки и каплю крови из собственного пальца. Затем волшебник положил на алтарь кинжал и тотчас попросил варвара мысленно представить себе храм Лангола в Кезанкийских горах. Снова возникло головокружение, цвета кругом превратились из естественных в призрачно—радужные, раздался хлопок, и все трое моментально очутились в горной стране, расположенной на немыслимом расстоянии от Пагана. Мышка, как и в прошлый раз, перенесла путешествие не очень хорошо и теперь жалобно пищала за пазухой у хозяина.

«Томэо жалко,— с грустью подумал Конан.— Мы сбежали, как последние негодяи, отдав ее сокровища этому жирному ублюдку. Скоро он вернется и с помощью колдовства победит семьи Тайса и Мориту... А я, помнится, кое-что обещал Томэо. Слово нужно держать...»

— Знаете, почему я отправился вместе с вами? — беззаботным тоном спросил император.— Именно в этой пещере был главный храм приверженцев Властелина Времени. Его жрецы, как ни ухищрялись, не сумели преодолеть главное предназначение человека — смерть. Почти все они умерли, последние доживают свой век в самых глухих уголках мира, а я, не столь честолобивый и жадный, заберу отсюда одну вещицу.

— Мы долго искали здесь сокровища,— заметил Конан.— Осмотрели почти весь храм и ничего не нашли. Святилище абсолютное пустое, если, конечно, не считать алтаря.

Сутари подошел к бассейну с ключевой водой и многозначительно поднял правую руку, призывая к тишине.

— Наверное, вы плохо искали,— загадочно сказал мат.— Посмотрите—ка...

Он нагнулся, провел ладонью по нижнему краю ограды водоема, надавил на невидимый камешек возле самого пола, и внезапно вода начала уходить через небольшое отверстие в дне бассейна. Дождавшись, когда он полностью опустеет, Сутари перегнулся через ограду и стал простукивать облицовочные гранитные плиты. Третья или четвертая зазвучала глуше. Волшебник изо всех сил надавил на отшлифованную грань плитки, отодвинул ее в сторону, запустил руку в глубокое отверстие и вынул невзрачную чашу из неизвестного полупрозрачного камня светло—серого цвета.

— Что это? — с интересом следя за Сутари, спросил Конан.— Опять магические штучки?

— Именно,— подтвердил император Патана.— Это жертвенная чаша с такими же свойствами, как у алтаря. Я о ней прочитал все в той же хронике и искал ее лет тридцать. Удивительная штучка, смею заметить!

— А что она умеет? — спросил Мораддин.

Сутари осторожно повертел сосуд в руках и, немного помедлив, ответил:

— Алтарь может действовать только в паре с подобным же алтарем в другой стране.

Чаша, принадлежавшая, скорее всего, верховному жрецу Лангола, давно уже покойному, перенесет тебя в любое время и место. В будущее, в прошлое, возможно, даже в другой мир... Я очень благодарен вам, иноземцы. Не приведи вас всемогущее Предназначение в этот храм, не окажись вы в Патане, мне бы не досталось одно из величайших сокровищ подлунного мира! Ладно, я, пожалуй, сейчас вернусь, а вы оставайтесь в привычной и давно знакомой стране.

— Постой, постой! — Конан схватил Сутари за плечо. — Ведь ты вернешься сразу после исчезновения из дворца?

Зачем спешить? Такое событие необходимо отпраздновать!

— То есть? — не понял волшебник. — Что ты хочешь этим сказать?

Киммериец бросился к алтарю, снимая на бегу плащ, расстелил его возле чудесного камня и, сняв с каменной плиты вино, мясо и хлеб, положил на импровизированную скатерть.

— У нас в Киммерии, — сказал Конан, — все важные события в жизни положено отмечать выпивкой! Как я помню, в Пагане виноград не растет, а самое лучшее вино получается именно из его ягод. Сутари, не откажи, отпразднуй вместе с нами свой успех и наше возвращение домой!

Мораддин глянул на варвара с подозрением — что еще он придумал? И с каких это пор Конан любезен с колдунами? Сутари согласился, почти не раздумывая. Должно быть, радость притупила недюжинную проницательность волшебника. Император Пагана уселся по-восточному на край расстеленного киммерийцем плаща и отведал вина с копченой бараниной.

Шейх аль-Баргэми знал, что дарить Конану. Обманчиво слабое молодое вино пьянило незаметно, однако человек, перебравший этого восхитительного напитка, очень быстро приходил в блаженное состояние. Конан и Мораддин, все еще не понимавший замысел спутника, пили мало, зато старательно подливали волшебнику. Вскоре у Сутари развязался язык, и маг стал разглагольствовать о том, какой ему видится судьба его страны.

— Я... их всех в пыль сотру... — заплетающимся языком угрожал колдун. — Семьи Тайса и Мориту вырежу под корень! До последнего человека! А сам, благодаря этой чашке, — с нежностью взглянул Сутари на серый сосуд, — проживу еще лет пятьсот!

— Зачем ты казнил Готобу? — спросил Конан. — Он бы и сам скоро помер.

— Стар-рый безумец! — рыгнул в ответ Сутари. — Он хотел заключить мир с подошедшими к столице отрядами Тайса! Готоба всегда был дураком! И теперь поплатился за это! Знаете, какую казнь я придумаю для самозванки Томэо? Никогда не догадаетесь!

— Яма со змеями и пиявками? — простодушно предположил Мораддин.

— Не-ет, — замахал руками маг и снова приложился к бурдюку. — Я отдам ее на съедение моим верным рокубони! Летучие головы, конечно, твари глупые, но кусачие... Вы, наверно, никогда не слышали про рокубони?

— Даже видели. — Конан невольно поморщился, вспомнив ночное нападение в горах. Интересно, что случилось с запертой в бочке головой? — А как ты подчинил себе головы?

— Значит, ты уже познакомился с ними? — Сутари захихикал. — Я стараюсь уважать всех богов. И Нефритового Императора, и Омитасу, и Лангола... Но добрые боги не дают силу, ее может подарить только тот, кто принадлежит Вечной Ночи. Хали, например... Я принес ей несколько жертв, и вендийская богиня позволила снять заклятие с летающих голов. Теперь меня боится вся страна!

— Слушай, а ведь я недавно видел твой призрак. Две ночи назад,— хвастливо сказал киммериец. Ему хотелось окончательно разобраться, кем же на самом деле является бывший первый министр, а теперь император Сутари.— В военном лагере Тайса. Здорово у тебя получается!

— Ерунда! — Волшебник расхохотался.— Вот шутка с водяным драконом была действительно удачной! Хотя натравить безмозглую тварь на проклятых Тайса смог бы даже ребенок, обладающий задатками магических способностей!

— Понятно,— сквозь зубы процедил киммериец и встал с плаща.— Подожди, я принесу еще один бурдюк. Расскажи пока досточтимому Мораддину про драконов, он интересуется животными...

Варвар действительно подошел к лошади, снял один из навьюченных на нее бурдюков, но не понес к алтарю, а положил у ног. Затем неслышной кошачьей поступью приблизился к расписывающему достоинства речных драконов Сутари и беззвучно вынул меч, однако стукнул мага не лезвием, а рукоятью. Тяжелый удар пришелся по затылку паганского владыки, и тот, сразу потеряв сознание, распластался у ног киммерийца.

— Этого-то я и боялся,— устало прикрыл глаза Мораддин.— Что дальше?

— Дальше? — поднял бровь Конан.— Возвращаемся в Паган. Томэо ждет нашей помощи.

Конана даже слегка затошнило в тот миг, когда перед глазами снова появились зеленовато—бурые яшмовые плитки на стенах подземного зала во дворце Сутари. Желудок взбунтовался вовсе не из-за мгновенного переноса на невообразимое расстояние, а по более прозаической причине: варвару смертельно надоели и эта дурацкая история, ималенькая страна, затерянная на краю мира, и маги, и бестолковые войны, и машущие мечами принцессы. Все надоело! Вот бы поехать в самый обычный заморийский или туранский городок, упиться до зеленых демонов самым обыкновенным пивом и проспать сутки напролет. И чтобы никаких алтарей, заброшенных храмов и красавиц, прочавших тебя в мужья.

Ничего, самое трудное позади. Осталось лишь помириться с Томэо, вернуть ей драгоценности трона и, помахав рукой на прощание, навсегда покинуть Паган...

Бесчувственного Сутари варвар держал на плече, Мораддин сжимал в руках найденный волшебником сосуд, который решили не бросать в старом святилище, а подарить Томэо или оставить себе, а мышь, как только оказалась во дворце императора, выбралась из-за пазухи Мораддина и взмыла к потолку. Зверюшке явно не нравились участвовавшие скачки сквозь пространство и время.

— Куда теперь? — спросил Конан, устраивая колдуна на полу и связывая ему руки своим поясом. Всем известно, что маги не опасны, когда у них руки связаны.— Можно пробраться к воротам, отдать зеркало, яшму и меч Томэо, а потом смыться обратно...

Все три вещи оказались у Сутари. Едва Конан передал священные предметы новому владельцу, меч переключивал за пояс волшебника, а яшма с зеркалом — в карманы кафтана. С тех пор Сутари с ними не расставался, боясь оставлять без личного присмотра. Обшарив одежду Сутари, киммериец с довольным видом уложил вещи в свой мешок и легонько пнул императора в бок.

— Томэо была права, это очень плохой человек,— усмехнулся варвар.— Историю с водяным драконом я ему никогда не прощу! Испортил такой чудесный вечер... Эй, Мораддин, что с тобой?

Его товарищ боязливо пятился от алтаря, который в свете факелов искрился голубым. Чаша, найденная в тайнике под бассейном, стояла на лазуритовой плите. Она успела сменить серый цвет на голубоватый и теперь излучала яркий, режущий глаза свет.

— Проклятие! — буркнул Мораддин.— Чаша ни с того ни с сего разогрелась, она и сейчас нагревается. У тебя никаких соображений по этому поводу?

— Где я? — послышался за спиной Конана слабый голос, — негодяи, что вы со мной сделали?..

— Об этом после поговорим.— Конан повернулся на каблуках, подскочил к Сутари, схватил за шиворот и подтащил к алтарю, на котором чаша уже раскалилась добела. По стенам подземелья прыгали бесформенные тени, а жар волнами распространялся вокруг.— Что за новая пакость, отвечай!

Сутари мигом протрезвел и забыл о мучительной боли в затылке. Даже могучему киммерийцу стоило немалых трудов сдержать волшебника, который рванулся к лестнице, ведущей наверх.

— Говори, в чем дело? — как следует потрянул его Конан.— Живо!

— Недоумки! — промычал волшебник, мотая головой.— Вы прошли вместе с чашей через алтарь, так?

— Ну, прошли! Дальше!

— Поток времени складывается в вихри,— застрекотал, как сорока, Сутари.— Вы наложили два потока друг на друга! Перемещаться сквозь время и расстояние можно только при помощи одной чаши или одного алтаря! Их силы сложились, и очень чувствительная к таким изменениям чаша сейчас откроет дыру, сквозь которую вырвется сила Властелина!

— Если говорить на человеческом языке,— добавил Мораддин,— очень скоро здесь все разнесет вдребезги...

— Это ты виноват! — рявкнул варвар.— Ты предложил взять проклятую чашку!

Над сосудом образовалось радужное жаркое облачко, в его середине виднелась темная щель, она постоянно расширялась, пульсировала, точно зрачок разъяренной кошки. Отверстие, за которым не было ничего, кроме ледяной пустоты, постепенно расширялось, по его краям посверкивали зеленые, оранжевые и малиновые искры, во все стороны потянулись струйки пламени, а из чаши повалил желтоватый, пахнувший грозой пар, вздыбился смерчем к потолку подземелья.

— Назад! — завопил Мораддин. Первой его призыву вняла мышка, прежде отдыхавшая на потолочной балке; с тихим свистом она метнулась в проход к первому этажу дворца.

— Нам не спастись! — вопил Сутари.— Не только от дворца, от самого города сейчас останутся одни головешки! Великие боги, помогите!

— Конан! — выкрикнул разъяренный Мораддин.— Вспомни, над воротами храма было написано: «Вошедший да живет вечно милостью бога и своей жертвой»! Нужна жертва, быстро!

— Я туда не полезу! — проревел киммериец, надсаживаясь, чтобы перекрыть свист растущего смерча. — И твоя мышь улетела, а то б мы ее... Кром!

Конан перевел взгляд на перепуганного до смерти Сутари, и его осенило. Проклятый маг сам станет жертвой! В конце концов, такого ублюдка не жалко!

Варвар схватил толстяка за шиворот и пояс, поднатужился и, не внемля бессвязным мольбам о пощаде, изо всех сил швырнул Сутари прямо в разбухающий черный «глаз». Воздух заколебался, шипение и свист ненадолго усилились, а тело волшебника растворилось

в черноте провала, открытого при смещении потоков времени. Огненное облако вспыхнуло с новой силой, в нем перемешались цвета ярчайшей радуги, раскаленный добела камень волшебной чаши расплавился и потек по алтарю пламенными струйками.

Внезапно облако за клубилось и начало уменьшаться, а затем и вовсе растаяло. В подвале сгустилась тьма, ее пронизывал только свет факелов.

— Кажется, Властелин Времени принял жертву,— срывающимся голосом произнес Мораддин, и будто в опровержение его слов из пустоты над слегка потрескавшимся от жара алтарем вылетел округлый предмет. Странного вида шар подкатился к ногам Конана, и тот не без оторопи узнал голову бывшего императора Сутари Барата. Мораддин побледнел. Наверное, это предупреждение,— сказал он.— Нельзя шутить с богами, властными над настоящим, прошлым и будущим... Нас предостерегают от дальнейших ошибок. Лангол — древний бог, мы не поклоняемся ему, следовательно, не должны пользоваться его силой...

— Должны, не должны,— проворчал Конан.— А через Кхитай все равно ехать долго. И потом, мы не просили этого Лангола забрасывать нас в Паган! Кстати, Мораддин, еще одним императором меньше...

Глава десятая

— Нет, все-таки виноградное вино гораздо лучше рисового.— Варвар смотрел на серебряный стаканчик, полный до краев мутноватой, едко пахнувшей жидкости, как на личного врага.

— Мне кажется, тебе уже хватит пить,— ехидно заметила Томэо. Императрица Патана привстала и отодвинула кувшин с рисовым пойлом подальше.

Мораддин одобрительно крякнул. Если Конан напьется до зеленых демонов в глазах, он непременно начнет буяннить, а умирять варвара — задача крайне неблагодарная и трудновыполнимая.

— Ладно,— Конан с трудом подавил икоту.— Вы как хотите, а я пошел спать. Томэо, в этом жутком дворце есть приличная спальня? На худой конец, сгодился бы и сеновал...

— Сеновал? — озадаченно переспросила Томэо,— А что это? Впрочем, отоспаться можно везде. Пойди хоть на задний двор, там большая круглая яма, прыгни в нее и спи сколько душе угодно... У тебя там будет отличная компания.

— Дурацкая шутка.— Варвар уже жалел, что рассказал красавице о своем приключении в яме со змеями.— Я, пожалуй, устроюсь прямо здесь. А ты пока можешь заниматься глупостями, именуемыми во всех странах «важными государственными делами»...

Мораддин, подперев щеку кулаком, сидел напротив. У него тоже слипались глаза. День выдался крайне хлопотный и суматошный, и спасибо всем богам, от Нефритового Императора до Эрлика и Лангола, за то, что сын гнома с киммерийцем выбрались из невероятной заварухи живыми и невредимыми.

... Едва голова Сутари Барата, разорванного двумя потоками времени в мелкие клочки, подкатилась к ногам Конана, а магическая чаша расплавилась и превратилась в каменные потеки на правой стороне алтаря Лангола, Мораддину стало понятно, что нельзя бездействовать, необходимо прежде всего выбраться из дворца.

Решили прибегнуть к старой уловке, не так давно, правда, приведшей друзей в змеиную яму: выйти как ни в чем не бывало через главные ворота, заявляя страже, что они верные слуги императора Сутари и посланы к городским воротам с поручением. На сей раз получилось — начальник дворцового караула видел Конана и Мораддина, спокойно беседовавших с колдуном, а заодно и останки командира патруля, погибшего от руки Сутари из-за необдуманного приказа казнить чужеземцев. Варвар с приятелем прошли мимо стражи с гордо невозмутимым видом, и никто не посмел сказать им хоть одно дурное слово. По дворцу пронесся слух, что прежде разыскиваемые гости с заката — на самом деле тайные лазутчики мага-императора.

Выйдя за ограду резиденции паганского владыки, друзья ускорили шаг, направляясь в сторону городских ворот. Нельзя было забывать о том, что телохранители Сутари могут хватиться исчезнувшего господина, и подозрения прежде всего падут на людей, в обществе которых его в последний раз видели. Хотя искать Сутари пришлось бы долго: тело волшебника распалось, а уцелевшую голову Конан завернул в найденную в подвале мешковину и прихватил с собой — решил сделать Томэо подарок. О том, что случилось бы, вздумай стража обыскать двоих авантюристов, и думать не хотелось...

Миновав большую часть города, пустого и безлюдного (приказ жителям не выходить из домов выполнялся неукоснительно), друзья оказались возле ворот и укрылись за небольшим

сарайчиком из бамбуковых стволов.

— Кром, они называют это войной! — Варвар презрительно следил за небольшим отрядом привратной стражи. На стенах стояли лучники, а меж ними — люди в длинных белых хламидах, наверняка ученики магической школы Сутари.— Если бы Томэо и ее братья вняли моим советам, город уже принадлежал бы семье Тайса! Нет, Мораддин, ты скажи, разве можно так воевать?

— Ужасно,— согласился сын гнома.— На стороне Тайса трехкратное численное превосходство. Если б только плюнуть на традиции и атаковать не ворота, а низкую стену... Постой, что происходит?

Киммериец вытянул шею, наблюдая. Два десятка волшебников выстроились в ряд за четырехугольными зубцами надвратного укрепления, одновременно подняли руки и хором произнесли непонятное заклинание. Над полем перед городом сгустилось дымное облако, раздался тихий, но очень неприятный звук, похожий на многократно усиленное шуршание сыплющегося песка, и вдруг туча извергла из себя множество пламенных шариков, и они полетели к земле.

— Огненный дождь,— замороженно глядя на чудо, проговорил Мораддин.— Если колдуны так и будут гвоздить войско Томэо подобными заклинаниями, к закату в отрядах Тайса не останется людей.

— Похоже на то,— кивнул Конан.— Однако согласись, ни мы, ни наша красавица не в силах одолеть магов. Если бы хоть один отряд Тайса, не жалея жизней, забрался на стену и перебил колдунов, то у нас появились бы реальные шансы на победу... Давай пройдем вдоль стены, выберемся наружу и вернемся к Томэо. Заодно отдадим ей зеркало, меч и яшму и покажем, что случилось с Сутари.

Мораддин при упоминании о голове волшебника, которую его друг взял с собой, скривился, но вдруг хлопнул себя ладонью по лбу и схватил варвара за рукав.

— Ты умнее, чем я думал! — Мораддин просиял.— Меч, яшма и зеркало! Зеркало, понимаешь?

— Что я должен понять? — возрился на него киммериец.— Рассказывай, что ты придумал.

— Дай скорее зеркало! — Бывший гвардеец Илдиза задрал голову, посмотрел на солнце, будто примериваясь, и, когда варвар достал из мешка серебряный отполированный круг, попытался поймать отражение солнечного луча. Тут Конана осенило. Они же оба видели, как Томэо предала волшебному огню тело своего жениха! Если направить луч на ворота или колдунов, они превратятся в пепел!

— Отдай! — Конан решил не упускать столь замечательную возможность поразвлечься и отобрал зеркало цзинца у Мораддина, объяснив это тем, что он выше ростом, а потому сможет пускать огонь из ока Нефритового Императора с большим толком.

Защитники Западной Столицы так и не поняли, что произошло. Вначале по неизвестной причине задымились и стали плавиться бронзовые ворота, и на многих стражниках вдруг вспыхнула одежда.словно некий могущественный маг решил повоевать с войском семьи Барата... Тотчас поднялась паника, надвратное укрепление начало рушиться, а мгновение спустя невидимая испепеляющая сила обратила в живые факелы засуетившихся на стене учеников волшебника Сутари.

— Конан, остановись.— Мораддин вцепился в одежду киммерийца.— Кажется, ты всегда предпочитал честную драку сомнительным колдовским трюкам!

— Зато весело! — Варвар, следивший за солнечным зайчиком, который испарял и сжигал все на своем пути, перевел луч зеркала обратно на ворота. Возле укрепления людей почти не осталось: многие погибли, другие разбежались.— Мораддин, это же враги!

— Интересно, сколько людей ты убил за свою жизнь? — осведомился сын гнома.— Сотню? Две, три?

— Много,— согласился Конан.— Но они все были плохими... Постой, кажется, наши появились!

В проплавленной дыре виднелись неясные из-за дыма силуэты воинов в синеватых одеждах Тайса. Передовой отряд прорвался за ворота и расчистил дорогу для идущих следом, некоторые воины отворили уцелевшую правую створку ворот и полезли на укрепление — опускать мост.

— Посидим пока здесь.— Конан убрал разогревшееся зеркало и подул на слегка обожженные пальцы.— А то еще убьют ненароком.

Когда площадь у стены заполнилась пешими войсками Тайса, показались всадники. Первой, естественно, ехала Томэо, за ней братья и старейшины клана Мориту. Девушка осмотрела место побоища перед надвратным укреплением и перевела взгляд на двух человек, приближающихся со стороны жилых кварталов.

— Привет тебе, владычица! — гаркнул Конан, ничуть не обескураженный взглядом Томэо, способным испепелить не хуже зеркала цзин-цза.— Почему ты так долго возилась?

Он подошел к стремяни и с лучезарной улыбкой посмотрел на предводительницу войска Тайса.

— Где сокровища трона? — не разжимая зубов, процедила Томэо. — Ты украл их, подлец!

— Ах, сокровища...— Варвар взъерошил волосы ладонью, сбросил с плеч мешок и, вынув меч, яшму и зеркало, передал их красавице.— Извини, они случайно завалились в мою котомку. Между прочим, у меня для тебя еще один подарочек!

Конан развернул мешковину и поднял за волосы голову Сутари.

— Отличный рокубони получится, правда?

Еще до заката вся столица перешла в руки семей Тайса и Мориту. Наибольшие трудности доставил захват дворца — телохранители Сутари оборонялись до последнего, стражники тоже не желали сдаваться. Лишь когда подошла свежая полутысяча, возглавляемая младшим братом Томэо, сопротивление было сломлено, и подружка Конана, взойдя на верхнюю ступеньку лестницы, ведущей в главное здание, предъявила своему воинству знаки власти и объявила себя пожизненной императрицей Патана.

Конан и Мораддин стояли за спиной Томэо, а один из ее близких родственников держал длинное копьё, на которое была насажена голова Сутари, процарствовавшего меньше суток.

После оправданий варвара и рассказа о приключениях в городе Томэо, сердитая на двух иноземцев за дерзкую кражу сокровищ трона, сменила гнев на милость и пригласила друзей поужинать вместе с ней. Ополченцы Тайса и прислуга дворца в это время хоронили павших при штурме города.

Трапеза прошла за разговорами. Мораддин во всех подробностях рассказал Томэо об алтаре Лангола и его свойствах, поведал о гибели Сутари и императора Готобы. Тело последнего по приказу новой владычицы извлекли из змеиной ямы и приготовили к торжественному погребению, как-никак он правил несколько десятилетий и взошел на трон законно. Голову волшебника выставили на всеобщее обозрение у ворот дворца.

— Поднимайся, поднимайся! — Томэо тормошила Конана за плечо.— Спать в трапезной, да еще в присутствии императрицы, неприлично! Пойдем, я отведу тебя в спальню.

— Отцепись,— сонно гудел киммериец.— Мне завтра еще в Туран ехать! Знаешь, как это далеко?

— В Туран,— буркнул Мораддин.— Что, если Кезанкийские горы теперь и впрямь недосягаемы для нас? Не удивлюсь, если алтарь Лангола после наших приключений перестал действовать...

— Это ты виноват.— Конан открыл один глаз.— Зачем взял с собой дурацкую чашку? Хорошо, Томэо, пойдем, а он пусть посидит и подумает! Но завтра утром обязательно попробуем вернуться в храм!

— Завтра, завтра,— умиротворяюще кивнула девушка.— До рассвета еще далеко, тебе необходимо отдохнуть...

Конан с трудом поднялся на ноги, и Томэо увела его в один из боковых коридоров личных покоев императрицы. Мораддин проводил их взглядом, вздохнул и тихо произнес:

— Воркуйте, голубочки... Великий Митра и Эрлик-воитель, ну почему вы не вразумили моего северного дикаря? Эти двое так прекрасно подходят друг другу!

Мораддин свернулся калачиком на циновке и сразу задремал, и ему приснился свадебный обряд, главными героями которого были Конан с Томэо. Белая летучая мышь осторожно, чтобы не побеспокоить хозяина, вылезла из-под воротника его рубахи, взлетела и, мелькнув в воздухе, исчезла в открытом окне. Наступала ночь, время охоты...

* * *

Два всадника выехали на Дорогу Королей, спустившись с закатного склона одного из отрогов Кезанкийских гор. Восходящее солнце еще скрывалось за пиками хребтов, за которыми лежали туранские пустыни, со стороны степи налетал теплый суховей, а синеватое безоблачное небо предвещало знойный день.

— Вот мы и в Заморе,— сказал Конан.— Мораддин, тебе не кажется, что все случившееся нам просто приснилось?

— Нет, не кажется...— ответил невысокий человек с короткой темной бородой.— У тебя еще царапина на ухе не зажила. Рокубони — твари кусачие...

Около суток назад путники, заново испытав на себе удивительную магию лазуритового алтаря Лалгола, вернулись в разделяющие Туран и Замору горы, точнее, в храм Властелина Времени. Прощание с Паганом далось им не слишком тяжело. Томэо отпустила иноземцев, помогших ей завоевать трон, не без сожаления, однако удерживать их силком она не собиралась. Правда, между молодой императрицей и Конаном произошла довольно неприятная сцена. Запершись в комнате Томэо, они долго кричали друг на друга, а Конан потом заявил Мораддину, что теперь он точно никогда не женится. Однако думать о том, что трон маленького государства однажды займет его потомок, варвару было приятно.

Они преодолели расстояние между двумя алтарями без приключений. Лангол невозмутимо пропустил друзей сквозь время и пространство, и киммериец снова подивился

тому, что лошади не доели овес, насыпанный в их торбы восемь дней назад, и в Кезанкии по-прежнему был вечер того дня, когда преследователи загнали двоих беглецов в заброшенный храм Властелина Времени.

Прождав некоторое время в святилище, Конан и Мораддин предположили, что туранская гвардия, не найдя никого в кольцеобразной долине, отправилась восвояси, и с предельной осторожностью выбрались из пещеры. Осмотревшись, они убедились, что людей поблизости нет, и, не щадя лошадей, поскакали к старой полуразрушенной дороге, наверняка ведущей к Заморе...

Теперь перед путниками расстилалась выложенная большими белыми плитами Дорога Королей, соединявшая Мессантию Аргосскую и царственный Аграпур, столицу Илдиза.

— Между прочим, я обещал ей когда-нибудь вернуться,— словно бы невзначай сообщил Конан Морадину.— Место, где находится алтарь, мы запомнили, так почему бы однажды не заглянуть в Паган, не отдохнуть?..

— Без меня! — воскликнул сын гнома.— Ты опять ввяжешься в дурацкую историю, а мне придется тебя вытаскивать! Однако, если соберешься навестить Томэо, передавай ей привет.

— Когда это еще будет? — Конан представил зеленые леса Пагана, красивых необычных зверей и пылкую молодую повелительницу, и его охватило странное сожаление. Даже речной дракон вспоминался с симпатией. — А куда мы сейчас направляемся?

— Неподалеку отсюда должен быть городок,— ответил Мораддин.— Там можно отдохнуть, а потом отправимся дальше. По-моему, городишко называется Дэлирам...